

СОВРЕМЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ

НА

ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

Историко-археологическое изслѣдованіе

А. А. Дмитріевскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

(Вступительный).

КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисавет. ул. соб. д.
1891.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	1.
А. Святогорскій (аеонскій) Типиконъ	11.
Б. Типиконъ великой Церкви или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей	41.
В. Великій Евхологій и другія книги, употребляемыя на во- стокъ пастырями въ практикѣ	72.
Г. Устройство храмовъ въ Константинополѣ и на Аеонѣ, ихъ украшенія; происхожденіе и характеръ священной живописи и богослужебныя принадлежности	85.
Дополненія и поправки	147.
Замѣченныя опечатки	155.

ВВЕДЕНИЕ.

Богослуженіе въ нашей русской Церкви, съ самаго начала принятія христіанства почти до нашихъ дней, находилось въ постоянной зависимости отъ богослуженія церковей христіанскаго востока вообще и Церкви византійской греческой въ частности. Особенно живая и постоянная связь нашей Церкви держалась съ византійскою Церковью, отъ которой мы приняли христіанство, первыхъ архипастврей, богослужебныя книги и вообще просвѣщеніе. Правда, были времена, когда связь эта нѣсколько ослабѣвала, и вліяніе Византіи на Русь во всѣхъ сферахъ нашей политическо-религіозной жизни какъ бы прекращалось, но проходили неблагоприятныя обстоятельства и духовная юная дщерь съ радостію простирала руки къ своей матери—Церкви византійской. Въ силу этого во внутреннемъ строѣ и жизни русской Церкви происходили и почти одновременно однѣ и тѣ же перемѣны, одни и тѣ же явленія, какія мы видимъ въ Церкви византійской.

Снабдивъ русскую Церковь, при самомъ началѣ ея существованія, богослужебными книгами и полнымъ выработаннымъ ритуаломъ православнаго христіанскаго богослуженія, византійская Церковь продолжала идти въ развитіи своего богослуженія дальше, создавала новыя чины и послѣдованія, или въ старыя вносила новыя обрядовыя особенности, которыхъ не было въ богослужебной практикѣ дотолѣ, замѣняла одни церковныя уставы другими и т. д. и т. д. Русская Церковь въ лицѣ своего представителя митрополита Кіевскаго, въ большинствѣ случаевъ природнаго грека

или, по крайней мѣрѣ, поставленнаго съ согласія Константинопольскаго патріарха, зорко слѣдила за всѣми этими переменами, чутко прислушивалась къ голосу своей матери и старалась эти выработанныя формы пересадить цѣликомъ на русскую почву, ввести въ свою богослужебную практику тѣ же чины и послѣдованія. Отсюда произошло разнообразіе въ спискахъ однихъ и тѣхъ же чинопослѣдованій, какое мы видимъ въ богослужебныхъ памятникахъ славяно-русской письменности отъ XII вѣка почти до XVIII столѣтія. Всѣ попытки лучшихъ архипастырей своего времени, какъ напр., митрополитовъ Кипріяна, Фотія и Макарія разрѣшались ничѣмъ, приводили къ результатамъ совершенно обратнымъ. Въмѣсто того, чтобы уничтожить въ богослуженіи разнообразіе богослужебной практики, эти лица изданіемъ и переводомъ богослужебныхъ чиповъ въ новѣйшихъ редакціяхъ, съ особенностями, дотолѣ неизвѣстными въ нашей богослужебной практикѣ, увеличивали количество списковъ богослужебныхъ чинопослѣдованій и вносили новыя особенности въ практику¹⁾. Только во второй половинѣ XVII столѣтія, благодаря энергіи, настойчивости и рѣшительнымъ мѣрамъ знаменитаго Московскаго патріарха Никона удалось, наконецъ, положить предѣлъ дальнѣйшимъ наслоеніямъ въ нашей богослужебной практикѣ, ввести въ нее желаемое разнообразіе и установить опредѣленный строй и чинъ. Попытка эта имѣла успѣхъ, благодаря содѣйствію въ этомъ случаѣ знаменитаго большаго Московскаго собора 1666—67 годовъ, но она вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ роковою необходимостію два въ одинаковой мѣрѣ нежелательныя историческія явленія, такъ называемый, русскій расколъ и отдѣленіе русской Церкви отъ византійской въ сферѣ богослужебнаго вліянія.

Какъ извѣстно, появленіе новаго Служебника, исправленнаго патріархомъ Никономъ по венеціанскимъ изданіямъ греческаго

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ нашей статьѣ: „Кто виновать?“ Рук. для сельск. паст. № 49 и № 50 за 1885 г.

Евхологія и одобреннаго на большомъ Московскомъ соборѣ восточными патриархами и митрополитами, вызвало со стороны приверженцевъ „старого обряда“, старыхъ богослужебныхъ книгъ, рѣзкій протестъ и нежеланіе принимать новый Служебникъ въ церковную практику. Протестъ этотъ перешелъ въ открытое возмущеніе противъ церковной и гражданской властей, породилъ внутреннюю политически-религіозную неурядицу, подавить которую потребовалось неимоверныхъ усилій и даже кровавыхъ жертвъ. Этого мало. Часть русскихъ людей и довольно многочисленная отдѣлилась совершенно отъ господствующей Церкви и образовало изъ себя „послѣдователей старого обряда“ или раскольниковъ, которые, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ прежде, но остаются и доселѣ протестантами противъ нынѣшняго строя церковнаго и церковно-богослужебныхъ порядковъ. Это печальное въ исторіи нашей явленіе, хотя и не остановило пачатаго книжнаго исправленія, продолжавшагося до самаго конца XVII столѣтія въ Москвѣ, а въ южной Руси даже и чрезъ все XVIII столѣтіе, но разъ навсегда заставило духовное правительство отказаться отъ подобнаго рода рѣшительныхъ переустройствъ въ области нашего богослуженія, новаго книжнаго исправленія, съ тѣмъ чтобы не возбуждать волненій и новыхъ протестовъ въ средѣ невѣжественныхъ народныхъ массъ, готовыхъ изъ-за буквы іоты идти въ огонь на костеръ. Русская Церковь въ силу этого съ конца XVII столѣтія до настоящаго времени остается при тѣхъ же самыхъ богослужебныхъ книгахъ, какія получила изъ рукъ патриарха Никона и его ближайшихъ преемниковъ.

Между тѣмъ богослужебная практика византійской Церкви продолжала идти въ своемъ развитіи дальше, успѣла выработать новыя богослужебныя особенности, нѣкоторые новыя чины, цѣлыя службы въ честь святыхъ, празднуемыхъ и въ русской Церкви, и даже создала новый Типиконъ для приходскихъ церквей, отдѣливъ эти послѣднія отъ монастырей, имѣющихъ свои уставы, свои порядки, предоставивъ этимъ послѣднимъ пользо-

ваться своими Типиконами и держаться обычаевъ, выработанныхъ условіями самыхъ обителей и историческими причинами, воздѣйствовавшими и на мирную отшельническую жизнь подвижниковъ св. Аѳонской горы, Синайской и другихъ мѣстъ. Поэтому въ настоящее время внимательный наблюдатель, интересующійся состояніемъ богослуженія на востокѣ, можетъ видѣть одни обычай и порядки въ киновіяхъ, штатныхъ монастыряхъ, скитахъ и келліяхъ св. Аѳонской горы и другіе въ церквахъ приходскихъ Константинополя, Аѳинъ, Солуни и другихъ городовъ. Для тѣхъ и другихъ обычаевъ и порядковъ въ области богослуженія есть важныя и вполне уважительныя причины и основанія, оправдываемыя и содержимыя этими церквами и монастырями Уставами и условіями даннаго мѣста и времени. Такая разность богослужебной практики на востокѣ никого не удивляетъ, никого не соблазняетъ, а напротивъ всемъ кажется естественною и вполне понятною, потому что, какъ выражается нынѣшній болгарскій Типиконъ, „во иныхъ бо обстоятельствахъ имуть совершати молитву сущіи въ мирѣ и отрадѣ и благосостояніи, во иныхъ сущіи въ весѣхъ и градѣхъ, а во иныхъ сущіи въ пустыняхъ и въ путешествіяхъ и въ войнѣ, во иныхъ въ священныхъ обителяхъ живущіи, а во иныхъ же въ отшельничествѣ и молчаличествѣ ангельски подвизающіися“ ¹⁾. Лучшіе представители строгихъ Аѳонскихъ обителей, какъ намъ приходилось не разъ говорить съ ними, оправдываютъ даже тѣ сокращенія и отступленія въ нынѣшней богослужебной практикѣ, которыя мы видѣли нерѣдко въ Константинопольскихъ церквахъ и которыя не оправдываются нынѣ дѣйствующимъ церковнымъ Уставомъ.

Повидимому, въ иныхъ условіяхъ находится современная богослужебная практика русской Церкви. Получивъ свой нынѣшній

¹⁾ Типик. церковный по чину Христовы великія Церкви, собран. Константиномъ Протопс. велик. церкв., перев. съ греческаго и приспособленъ къ славянск. книгамъ Неофитомъ іером. Рыльскимъ, учит. богословск. Халк. школы, изд. Г. К. Протопсалт. Констант. 1860 г., стр. 4.

Типиконъ въ 1682 году, исправленный и дополненный потомъ въ 1695 году окончательно, она неизмѣнно регулируется этимъ Уставомъ. Строгіе русскіе монастыри, лавры и свиты, соборные кафедральные храмы и глухихъ деревушекъ церкви не знаютъ другаго Устава, кромѣ „Типикона, сирѣчь изображенія церковнаго послѣдованія въ Іерусалимѣ святыхъ лавры преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы. Тожде послѣдованіе бываетъ и въ прочихъ въ Іерусалимѣ честныхъ обителехъ: подобій и въ прочихъ святыхъ Божіихъ церквахъ“¹⁾. Судя по этому, можно было бы думать, что наша богослужбная практика въ своемъ развитіи остановилась, застыла въ выработанныхъ у насъ формахъ еще въ XVII столѣтіи и никакимъ новымъ осложненіямъ или вліаніямъ совнѣ не подвергается. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не такъ. Связь съ византійскою восточною Церковью, разорванная *de jure*, на самомъ дѣлѣ продолжаетъ неослабно держаться и до настоящаго времени, и русская Церковь негласно принимаетъ живое участіе въ поступательномъ движеніи богослужбной практики византійской Церкви. Это участіе выражается въ воздѣйствіи практики восточно-византійской Церкви на русскую съ одной стороны и въ принятіи послѣдней въ свою богослужбную практику обрядовъ, обычаевъ и службъ выработанныхъ на востокѣ въ позднѣйшее время съ другой. Правда, многіе объ этомъ воздѣйствіи или о связи современной нашей богослужбной практики съ восточною и не подозрѣваютъ, считая существующіе нынѣ обычаи въ ней за неписанное преданіе старины глубокой, но кто изучалъ, или, по крайней мѣрѣ, внимательно присматривался къ богослужбной практикѣ восточныхъ церквей нашего времени и хотя мелькомъ заглянулъ въ богослужбныя нынѣшнія книги ихъ, тотъ не можетъ отрицать этой живой, исторически сложившейся связи, разорвать которую было бы величайшею несправедливостію и грубымъ насиліемъ.

¹⁾ Типик. изд. Кіев. 1824 г.

Принятые съ востока богослужебные обряды и обычаи, входя въ современную нашу богослужебную практику, какъ мы сказали, прочно засѣдаютъ въ ней и иногда производятъ нѣкотораго рода разладъ съ обычаями и обрядами, содержащимися въ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгахъ, ставятъ въ недоумѣніе нашихъ пастырей особенно молодыхъ и вызываютъ къ разрѣшенію этихъ недоумѣній нашихъ архипастырей. Чтобы не ходить далеко за примѣрами укажемъ на множество обычаевъ въ современной богослужебной практикѣ въ Страстной седмицѣ. Всѣмъ хорошо извѣстны трогательный и умильный обрядъ выноса Плащаницы на вечернѣ въ Великую пятницу, обнесеніе ея кругомъ храма на утрени въ субботу, чтеніе на разныхъ языкахъ Евангелія на литургіи Пасхи и другіе обычаи, а между тѣмъ всѣ эти обряды и обычаи въ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгахъ не содержатся, перешли къ намъ изъ современной греческой практики¹⁾ и совершаются у насъ не всегда и не вездѣ одинаково²⁾. Совершаясь изъ года въ годъ, многіе изъ этихъ обрядовъ и обычаевъ еще не производятъ особенныхъ осложненій въ нашей современной богослужебной практикѣ, но тѣ изъ нихъ, которые повторяются чрезъ десятки лѣтъ, тѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ не вызывать на вопросы и недоумѣнія. Таковъ, наприм. обычай выносить Плащаницу въ Великую пятницу, если въ этотъ день случится праздникъ Благовѣщенія. Первый обычай, принятый,

¹⁾ Типик. ркп., хранящійся въ храмѣ Иверскаго Афонскаго монастыря, списанный въ 1878 г. архимандритами этого монастыря Иларіономъ и Анастасіемъ съ Діонисіатскаго Устава 1624 года, глав. 44, стр. 101; *Τοπικὸν ἐκκλησιαστ. ἐν Ἀθῆν.* 1885 г., стр. 210.

²⁾ См. наши статьи: „Выносъ Плащаницы на вечернѣ въ Великій пятокъ“, „Выносъ Плащаницы и Евангелія на утрени въ Великую субботу и хожденіе съ ними кругомъ храма“, „Чтеніе Евангелія въ первый день Пасхи на разныхъ языкахъ и обряды сопровождающіе это чтеніе“. Рук. для сельск. паст. 1885 г. №№ 9, 10, 13.

какъ мы сказали съ востока, въ соединеніи со вторымъ не имѣтъ мѣста въ современной практикѣ греческой Церкви¹⁾, но у насъ онъ существуетъ какъ необходимость въ виду того, что въ современномъ намъ Типиконѣ имѣется на подобный случай особая, такъ называемая, Марковая глава, и подобное стеченіе службъ является дѣломъ возможнымъ²⁾. Поэтому, что въ первомъ случаѣ, когда выносъ Плащаницы совершается на вечерни въ обыкновенную Великую пятницу, является дѣломъ простымъ и естественнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, то во второмъ, когда выносъ совершается въ пятницу Благовѣщенскую, когда вечерня соединяется съ литургією, когда, наконецъ, самый моментъ, на который практика и Уставъ великой Церкви указываютъ выносъ Плащаницы, оставляется нашимъ Уставомъ, т. е. стихиры на стиховяѣ, тропарь „Благообразный Іосифъ“ послѣ „Нынѣ отпущаеши“ и Трисвятаго не поются³⁾, являются сами собою вопросы: какъ же совершать этотъ выносъ Плащаницы и въ какое время? Рѣшеніе этихъ вопросовъ создало цѣлую литературу⁴⁾, породило нѣсколько самыхъ разнорѣчивыхъ распоря-

1) Εἰ τόχοι ὁ εὐαγγελισμὸς τῇ ἀγία καὶ μεγάλῃ παρασκευῇ ἢ τῷ μεγάλῳ σαββάτῳ, говорятъ Типиконъ великой Церкви, μετατίθεται καὶ φάλλεται τὴν ἰδίαν ἡμέραν τοῦ πάσχα, т. е. если случится Благовѣщеніе во святую и великую пятницу или великую субботу, то служба празднику оставляется и поется въ самый день Пасхи. Въ примѣчаніи даже объясняетъ Типиконъ и причины подобнаго перенесенія (Топик. ἐκκλῆσ. 1885 ἐτ. ἐν. Ἀθῆν. σελ. 131 σημ. α). Что же касается афонской практики, то тамъ не бываетъ подобнаго перенесенія праздника Благовѣщенія на Пасху, но и не существуетъ, какъ увидимъ впоследствии, тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются въ нашей практикѣ (Топик. ркп. 1878 г. Иверск. монаст. стр. 130).

2) Типик. 1824 г. Кіев. изд. л. 244.

3) Ibid. л. 245.

4) Латов. епарх. вѣд. 1877 г. № 9; Изв. по Казан. епарх. 1877 г. № 1, № 3; Моск. епарх. вѣд. 1870 г. № 14; Астр. епарх. вѣд. 1877 г.

женій епархіальной власти¹⁾, сдѣлало извѣстнымъ нѣсколько практикъ относительно настоящаго случая и вызвало появленіе въ свѣтъ спеціального указа Правительствующаго Синода 1855 года²⁾, который почему-то имѣетъ малое значеніе въ дѣлѣ урегулированія нашей практики относительно даннаго случая³⁾. Указанные нами примѣры ясно говорятъ за то, что богослужebную практику нельзя остановить въ своемъ развитіи, отлить въ разѣ навсегда опредѣленно выработанныя формы, потому что практика находится въ полной зависимости относительно своего развитія отъ развитія и жизни самой Церкви или общества людей ея составляющихъ, потребностямъ котораго эта практика служитъ. Развиваясь и осложняясь въ своемъ постепенномъ теченіи, наша практика, по издавна установившейся связи русской Церкви съ Церковью восточною, заимствовала и заимствуетъ оттуда и доселѣ готовыя выработанныя формы, обряды и обычаи, и свои собственные мѣстные обычаи и обряды оцѣниваетъ большею частію, какъ по масштабу, согласіемъ или сходствомъ ихъ съ практикою Церкви греческой. Если присмотримся внимательно къ официальнымъ распоряженіямъ нашего Святѣйшаго Синода и епархіальныхъ архіереевъ относительно нашей богослужebной практики, то мы здѣсь увидимъ то же самое, т. е. съ одной стороны отзывчивость нашей богослужebной практики, вопреки мертвой буквѣ нашихъ современныхъ

№ 10; Ярослав. епарх. вѣд. 1877 г. № 2; Тавр. епарх. вѣд. 1877 г. № 4; Мин. епарх. вѣд. 1877 г. № 2; Рязан. епарх. вѣд. 1877 г. № 14; Харьков. епарх. вѣд. 1877 г. стр. 168; Смол. епарх. вѣд. 1877 г. № 4; Самар. епарх. вѣд. 1877 г. № 5; Тамб. епарх. вѣд. 1877 г. № 5; Тульск. епарх. вѣд. 1877 г. № 4.

¹⁾ См. нашу статью „Выносъ Плащаницы на вечернѣ въ Великій пятокъ“ Руков. для сельск. паст. 1885 г. № 9, стр. 252—259.

²⁾ Никольск. свящ. Пособ. къ изучен. Устава богосл. Прав. Церкви. Спб. 1874 г., изд. 3-е, стр. 604.

³⁾ См. цитату изъ епархіальныхъ вѣдомостей разныхъ епархій.

богослужебныхъ книгъ, на нужды и потребности даннаго времени, а съ другой большею частію негласное указаніе на зависимость новыхъ богослужебныхъ обрядовъ и обычаевъ отъ восточной греческой практики. Въ силу этого можно наблюдать весьма характерное и любопытное явленіе въ нашей современной церковной жизни, а именно то, что наша богослужебная практика иногда стоитъ внѣ всякой зависимости отъ нашихъ современныхъ богослужебныхъ книгъ, и регуляторъ нашего богослуженія—церковный Типиконъ (Уставъ) въ подобныхъ случаяхъ не только не оказываетъ своего авторитетнаго вліянія на нее, а напротивъ самъ становится въ полную зависимость отъ богослужебной практики и какъ бы совершенно ступшевывается передъ нею, порождая вышеуказанныя затрудненія и вызывая недоумѣнія со стороны нашихъ пастырей и даже архипастырей. Въ виду всего нами изложеннаго мы находимъ не только интереснымъ, но и весьма полезнымъ и важнымъ для нашихъ пастырей, какъ людей болѣе всего заинтересованныхъ въ вопросахъ современной богослужебной практики, за что говорить и многочисленныя вопросы, предлагаемые редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ со стороны ихъ по вопросамъ этой практики, познакомить ихъ съ состояніемъ богослуженія на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, какъ представителяхъ богослужебной практики въ приходскихъ церквахъ и въ строгихъ подвижническихъ монастыряхъ и скитахъ. Собранныя нами свѣдѣнія и замѣтки о богослуженіи церковей восточныхъ и изложенныя нами въ извѣстной системѣ дадутъ нашимъ пастырямъ возможность уяснить себѣ состояніе современнаго богослуженія на востокѣ и его отношеніе къ нашему современному богослуженію, неожиданно для нихъ самихъ просто и категорически объяснять и рѣшать многіе интересующіе ихъ вопросы изъ нашей современной богослужебной практики и, наконецъ, дадутъ отвѣтъ многимъ изъ русскихъ людей, неоднократно предлагавшимъ и намъ лично вопросъ: почему или какимъ образомъ въ русскихъ обителяхъ Аѳона богослуженіе продолжается „въ непрерывномъ порядкѣ“

до семнадцати часовъ ¹⁾, когда эти обители руководятся Типикономъ, напечатаннымъ въ Москвѣ.

Свѣдѣнія и замѣчанія, касающіяся богослуженія современнаго христіанскаго востока, добыты нами отчасти путемъ нашего личнаго наблюденія и изученія его, во время поѣздки нашей на востокъ въ минувшее (1886 г.) лѣто, отчасти путемъ бесѣдъ и разспросовъ объ особенностяхъ этой практики у людей заинтересованныхъ этими особенностями на самомъ востокѣ ²⁾, а отчасти, наконецъ, путемъ нашего знакомства съ современными богослужебными книгами, употребляемыми въ практикѣ Константинополя и Афона и сдѣлавшимися намъ извѣстными большею частію тоже во время этого путешествія. Конечно, мы не будемъ вдаваться во всѣ тонкости разностей восточнаго богослуженія отъ нашего, такъ какъ это потребовало бы и много времени и не мало труда съ нашей стороны, да и не имѣло бы практическаго значенія для нашихъ читателей, что мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ, а сообщимъ лишь интереснѣйшія и важнѣйшія особенности, которыми восточное богослуженіе отличается отъ нашего современнаго. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ самому изложенію особенностей богослужебной практики Афона и Константинополя считаемъ настоятельно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ уставахъ или типиконахъ, которыми руководятся та и дру-

¹⁾ Русск. мон. св. великомуч. Пантелеимова на св. горѣ Афонской изд. 7-е, Москв. 1886 г., стр. 115.

²⁾ Въ этомъ случаѣ намъ неоцѣненную услугу оказалъ іеромонахъ Русскаго Афонскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Мина, человекъ весьма заинтересованный подобными вопросами и даже для памяти ведущій у себя записи особенностямъ богослужебной практики въ своемъ монастырѣ. При содѣйствіи глубокочитаемаго бібліотекаря Руссыковскаго монастыря о. Магвѣя, о. Мина для насъ сдѣлалъ выдержки изъ своихъ записей относительно гѣхъ дней годичнаго богослуженія, которые не могли быть предметомъ нашего личнаго наблюденія. Въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ приятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать упомянутымъ отцамъ незабвенной Афонской обители глубокую благодарность.

гая практика, объяснить их происхождение, историческую судьбу и сдѣлать сжатую характеристику того и другого Типикона по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время. Прибавимъ къ этому краткія свѣдѣнія о современномъ греческомъ Евхологіѣ, какъ руководящей книгѣ пастырей во время богослуженія и дополняющей порядокъ службъ, находящихся въ Типиконѣ, и объ устройствѣ храмовъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ нынѣ, чтобы самыя особенности современной богослужебной практики востока были для насъ болѣе удобопонятны и осмысленны.

А. Святогорскій (аѳонскій) Типиконъ.

Повидимому, естественно думать, что богослуженіе аѳонскихъ монастырей и скитовъ находится въ полной зависимости отъ Типикона, который имѣеть то же самое надписаніе, какъ и нашъ современный Типиконъ, почти болѣе половины составленный на основаніи Типикона греческой Церкви¹⁾. Мы говоримъ о печатномъ греческомъ Типиконѣ, носящемъ такое заглавіе: *Τοπικὸν τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας τῆς ἐν ἱεροσολύμοις ἀγίας λαύρας τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σάββα. Αὕτη δὲ ἡ ἀκολουθία γίνεταί καὶ ἐν ταῖς λοιπαῖς τῶν ἐν ἱεροσολύμοις μονῶν, ἔτι δὲ καὶ ἐν ταῖς κατὰ τόπον ἀγίαις τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίαις*²⁾, первое изданіе котораго явилось въ свѣтъ въ 1545 году, 4-го января³⁾, въ Венеціи, изъ типографіи

¹⁾ И. Д. Мансветовъ. Церковный Уставъ (Типикъ) его образованіе и судьба въ греч. Церкви. М. 1885 г. стр. 324—356.

²⁾ См. *Τοπικ.* edit. Venet. 1545 an.

³⁾ Профессоръ Мансветовъ напрасно считаетъ Типиконъ 1577 года за „первое печатное изданіе греческаго Устава“ (Церк. Устав. стр. 249), потому что первое изданіе его въ собственномъ смыслѣ было сдѣлано именно въ 1545 году. Греческій Типиконъ этого изданія мы видѣли въ библиотекѣ Лавры св. Аванасія Аѳонскаго въ единственномъ экземплярѣ, но, по указанію архимандрита іерусалимской миссіи Автонина (замѣтъ. поклонника св. горы. Кіев. 1864 г. стр. 170), Типиконъ этого изданія въ двухъ экзе-

родныхъ братьевъ Іоанна Антонія и Петра Савьеновъ, съ предисловіемъ Андроника Нукія Керкирскаго. Настоящее предположеніе, повидимому, имѣетъ за собою то еще основаніе, что Типиконъ этотъ первыми его издателями назначался къ „общей пользѣ“ (εις κοινήν ωφελείαν) „для желающихъ жить православно“, желающихъ знать, „когда вкушать мяса и безкровныхъ рыбъ и когда нѣтъ, когда проводить дни праздничныя и когда постовыя, когда совершать всенощныя бдѣнія и славословія и когда пѣть“¹⁾. Не личные наши наблюденія, во время путешествія по Аѳону, пока-

плярахъ хранится въ настоящее время въ библиотекѣ Аѳонскаго Филоесевскаго монастыря. Такъ какъ объ этомъ первенцѣ венеціанской печати церковныхъ Уставовъ въ библиографіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній, то мы считаемъ необходимымъ сообщить нѣсколько небезынтересныхъ данныхъ. Надписывается этотъ Типиконъ на выходномъ листѣ такъ: Τὸ πικὸν καὶ τὰ ἀπόρρητα, каковое надписаніе въ послѣдующихъ изданіяхъ его уже не существуетъ. Здѣсь же имѣется щитъ съ изображеніемъ кувницы (κουάδιον) и надпись по бокамъ щита: Ἀνδρέου Κουάδου. Внизу итальянская подпись: Con privilegio dello illustrissimo senato Veneto, che per anni dieci niuno ardisca presente opera graeca inti tolata Typicon, stampare, ne far stapare, ne stampata vendere in tuttii luoghi del suo Dominio, sotto le pene in esso privilegio contenute, come amplamente nel perefato appare. На послѣднемъ листѣ по срединѣ: Ἀπαντά ἐστὶ τετράδια πλὴν σου ρ', ὅπερ ἐστὶ δοάδιον и цифровой счетъ тетрадей, указывающій на то, что это именно первопечатный Типиконъ, не имѣющій, между прочимъ, даже и счета по листамъ, какъ это дѣлалось въ послѣдующихъ изданіяхъ. Внизу: Ἐνετίῳν, ἐν οἰκίᾳ Ἰωάννου Ἀντωνίου καὶ Πέτροου τῶν Σαβιένων καὶ ἀγαθῶν ἀφίμω, αἴμα (ἔται) Ἰαννουαρίφ ὁ. Составъ Типикона немпогизъ отличается отъ изданія 1577 года. Въ дисциплинарной части не достаеъ 2 и 4 статей противъ Типикона 1577 года. Пасхалия τοῦ ὀγδόου αἰῶνος принадлежитъ Василію Валериду Керкирскому (πρωθηθέντα παρὰ Βασιλείου Βαλερίδου τοῦ Κερκυραίου), начинается 1545 годомъ, а оканчивается 1604 годомъ. Остальныя статьи этого Типикона, и по расположенію и по тексту, включая сюда даже и предисловіе Андроника Нукія Керкирскаго, почти цѣликомъ повторены въ изданіи 1577 года (И. Мансв. О церковн. Уставѣ стр. 252—257).

¹⁾ Τυπικ. edit. Venet. 1545 an. fol. 2.

зали намъ съ наглядною убѣдительностію, что этотъ Типиконъ не только не имѣетъ никакого вліянія на практику аѳонскихъ обитателей, а напротивъ даже считается типикарями извѣстныхъ монастырей св. горы не стоящимъ никакого вниманія. Тоѿто Τυπικόν δὲν εἶναι χαλόν, отвѣчали обыкновенно типикари, когда мы спрашивали ихъ о причинахъ неуваженія къ печатному Типикону св. Саввы Освященнаго. Поэтому большинство святогорскихъ типикарей и доселѣ пользуются въ богослужебной практикѣ рукописными Типиконами іерусалимской редакціи XV и XVI вѣковъ. Подобные Типиконы мы видѣли въ Лаврѣ св. Аонасія Аѳонскаго ¹⁾

¹⁾ Рукописный Типиконъ Лавры св. Аонасія Аѳонскаго въ большой листъ, 159 листовъ, писанъ въ два столбца четкимъ почеркомъ XV—XVI столѣтія. Обложкой этого Типикона служить отрывокъ изъ пергаментной рукописи XI—XII в. Въ первой части (л. 1—11) содержатся замѣчанія общаго характера: относительно суточного богослуженія въ обыкновенные дни и постовые, въ киворияхъ и келліяхъ, о канонархѣ, о пѣніи Богородичнаго канона вечеромъ на повечеріяхъ съ раздаваніемъ воды братіямъ, о кажденіи, о пѣніи канонѣвъ воскресныхъ съ мннеею, о времени совершенія литургіи Василія Великаго, о чтеніи Евангелій на литургіи и толкованіяхъ на Евангелія и о другихъ чтеніяхъ на утрени, о будителѣ, о чтеніи утреннихъ Евангелій отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ и о кажденіи священника. Каждая изъ этихъ статей носитъ особое заглавіе. Во второй части (л. 11—78) излагаются особенности службъ по Мѣсяцеслову, при чемъ это изложеніе прерывается на л. 56 вставкою статей: о чтеніи утреннихъ Евангелій отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ и о кажденіи священника. За вторую частію помѣщены въ безпорядкѣ слѣдующія статьи: служба въ недѣлю мытаря и фарисея (л. 78 об.), суточная служба въ постъ апостоловъ Петра и Павла (л. 77), о сохраненіи со всякимъ вниманіемъ предписаній Типикона (л. 77 об.), прокіяны и амилуаріи на разные случаи, стихи во время пѣнія „Богъ Господь“, свѣтальны Октоиха и молитва надъ всякимъ плодомъ (л. 80). Въ третьей части (л. 81—103) 86 Марковыхъ главъ, тропари на Рождество Христово и Богоявленіе послѣ Евангелія, чинъ надъ тѣстою, отпустительные тропари Октоиха, сѣдальны Ангелу хранителю съ молитвою ему, тропари и кондаки Богородицѣ изъ Октоиха, тропари и кондаки на различные случаи, извлеченіе изъ каноническихъ постановленій митрополита Дирахійскаго Кависила, снова статья о соблюденіи со всякимъ внима-

и въ Пандократорѣ¹⁾. Въ монастыряхъ Иверскомъ²⁾ и Русикѣ³⁾ (въ греческомъ соборѣ) руководятся Типиконами, списанными съ Типикона монастыря Авоно - Діонисіатскаго⁴⁾, кото-

ніемъ предписаній Устава, и всѣ тѣ статьи, которыя встрѣчались раньше (отъ л. 77 до 80). Въ составъ же третьей части должны войти особенности службъ по Тріоди Постной и Цвѣтной (л. 107—136), снова Марковья главы и въ томъ же количествѣ (л. 137) и всѣ тѣ статьи, которыя мы видѣли на л.л. 99—102. Помимо своего состава, текстъ этого Типикона значительно разнится отъ печатнаго венеціанскаго и не всегда объ одномъ и томъ же предметѣ говоритъ одинаково и послѣдовательно.

1) Церковный Типиконъ этого монастыря, рукопись въ четвертку, 300 листовъ, писавъ мелкою убористою скорописью XV вѣка. На концѣ рукописи имѣется такая надпись: *Τομὴν μνημῆς τοῦ Παντοκράτορος καὶ Ἐπιτῆρος Χριστοῦ τὴν ἐν τῇ ἀγίῳ ὄρει τοῦ Ἀθῶνος*. Въ первой его части (л. 1—21) заключены тѣ же статьи, что и въ Типиконѣ Лавры св. Аонасія, съ особымъ заглавіемъ надъ каждой статьей; во второй (л. 22—162) — особенности службъ по Мѣсяцеслову, и въ третьей (л. 191 об.—236) особенности службъ по Тріодиямъ. Къ этой части прибавлены статьи: о сохраненіи со всякимъ вниманіемъ предписаній Типикона и всѣ тѣ статьи вмѣстѣ съ 86 Марковьями главами, которыя мы видѣли въ церковномъ Типиконѣ Лавры св. Аонасія Аонскаго. Текстъ первой части этого Типикона буквально сходенъ съ лаврскимъ, но въ остальныхъ частяхъ значительно разнится отъ него. Типиконъ этотъ играетъ видную роль въ исторіи греческаго Типикона: онъ, по просьбѣ вселенскаго патріарха Іоакима III, былъ списанъ для него типикаремъ этого монастыря Агатономъ, когда патріархъ задумалъ начать исправленіе Устава великой Церкви (грам. къ типикарю Пандократора о. Агатуноу отъ 1881 г. 19 мая за № 2344).

2) Объ этомъ Типиконѣ выше мы будемъ говорить подробнѣе, а здѣсь лишь скажемъ, что эта рукопись въ листъ, 137 листовъ, и написана четкою скорописью въ 1878 году трудами архимандритовъ Иверскаго монастыря Иларіона и Аванасія.

3) Типиконъ рукописный Русика писанъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія четкимъ красивымъ почеркомъ на полулистѣ, 558 листовъ, и имѣетъ весьма много интереснѣйшихъ пріячнаній. Составъ его и происхожденіе мы кратко объяснимъ выше.

4) Монастырь основанъ трапезундскимъ царемъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1118 г., по просьбѣ здѣсь подвизавшагося Діонисія, отъ имени кото-

рый имѣетъ большое вліяніе на богослужебную практику Аѳона за свою древность, и списки котораго, какъ намъ сообщали, находятся во многихъ обителяхъ св. горы. Долголѣтній обитатель святой Аѳонской горы, хорошо, знакомый съ строемъ жизни и богослужебныхъ порядковъ монастырей и скитовъ ея, извѣстный Никодимъ святогорецъ въ своемъ сочиненіи „*Ὁμολογία πίστεως*“ говоритъ, что на Аѳонѣ въ дѣйствующей богослужебной практики находятся многіе и другіе Уставы¹⁾, кромѣ указанныхъ нами. Поэтому нынѣ на Аѳонѣ можно наблюдать чрезвычайно разнообразныя богослужебныя порядки, обусловливаемыя и содержимымъ тою или другою обителию Уставомъ и тѣми богослужебными книгами, которыя вызываетъ въ жизни современный дѣйствующій Уставъ. Само собою понятно, что, имѣя у себя особенныя, отличныя отъ печатнаго Типикона въ Венеціи Уставы, обители св. горы не могутъ пользоваться и печатными Минеями и даже Трїодями, которыя принаровлены и приспособлены лишь къ печатному венеціанскому Уставу. Въ силу этого въ большинствѣ аѳонскихъ обителей употребляются въ богослужебной практикѣ рукописныя Минеи, Трїоди и другія богослужебныя книги, которыя, расходясь съ венеціанскимъ Типикономъ, принаровлены или къ рукописному Уставу, содержащему въ данной обители, или къ мѣстнымъ порядкамъ, переходящимъ по преданію отъ одного типикаря (*τοπικάριος*) къ другому. Отсюда на востокъ и особенно на Аѳонѣ играютъ не маловажную роль въ дѣлѣ урегулированія или направленія богослужебной практики типикари и типикарицы, какъ хранители—первыя богослужебныхъ порядковъ и обычаевъ,

раго получилъ названіе и монастырь, роднаго брата трапезундскаго архіерея Θεοδοσία (Путеш. по св. мѣст. въ Европѣ, Азіи и Африкѣ въ 1723—1747 г. В. Григор. Барск. Слб. 1778 г. стр. 725). Монастырь этотъ находится на западной сторонѣ св. Аѳонской горы.

¹⁾ Мансвет. О церковн. Уставѣ стр. 227, прим. 1. Здѣсь въ примѣчаніи перечислены всѣ Типиконы, о существованіи которыхъ на Аѳонѣ зналъ въ свое время святогорецъ Никодимъ.

содержимыхъ тою или иною обителию, а другія тѣхъ богослужебныхъ книгъ и Уставовъ, которые необходимы для отправленія богослуженія въ этихъ обителяхъ. Типикарь не только свѣдующій человѣкъ въ Уставѣ, хорошо знакомый съ мѣстными обрядами и особенностями богослуженія данной обители, что онъ прибрѣтаетъ въ самой обители большею частію путемъ долгодѣтельной практики, но и поставщикъ богослужебныхъ книгъ, перѣдко писатель ихъ, когда необходимо имѣть въ практикѣ ту или иную богослужебную книгу, хроникеръ, отмѣчающій въ своихъ записяхъ всѣ особенности богослужебной практики своей обители, или записывающій обычаи другихъ монастырей¹⁾, изъ которыхъ потомъ создаются какъ бы сокращенные Типиконы и, наконецъ, библиотекарь своей типикарницы, въ которой иногда, помимо богослужебныхъ книгъ, имѣющихъ значеніе въ дѣйствующей практикѣ, находятся весьма цѣнныя богослужебныя рукописи: Уставы, Трїоды, Минеи²⁾ и другія книги. Поэтому типикарь пользуется уваженіемъ на востокѣ наравнѣ съ вліятельнѣйшими старцами обители, особенно если къ тому же типикарь человѣкъ и ночтенныхъ лѣтъ по возрасту. Особенную же силу и значеніе типикари прибрѣтаютъ на Аѳонѣ, въ такъ называемыхъ „штатныхъ монастыряхъ“, гдѣ, при соборномъ управленіи десяти старцевъ (γέρουχα) или проестосовъ (προεστώς), власть первенствующаго проестоса весьма часто переходитъ отъ одного лица къ другому, гдѣ нѣтъ никакой возможности предстоятелю изучить всѣ порядки и обычаи своей обители въ короткое время и гдѣ, слѣдовательно, — типикарь стоитъ

¹⁾ Подобныя записи мы видѣли у типикарей Лавры св. Аѳанасія и въ монастырѣ Пандократорскомъ. Первый изъ нихъ любезно предложилъ намъ свои записи даже въ наше личное распоряженіе. Съ этими записями мы познакомятъ читателей въ своихъ настоящихъ замѣткахъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Особенною славою, какъ хранительница древнихъ богослужебныхъ рукописей, пользуется на Аѳонѣ типикарница Ватопедскаго монастыря, но съ нею мы лично, по недостатку времени, не успѣли познакомиться въ настоящую свою первую поѣздку на Аѳонъ.

въ всякаго почти контроля со стороны геронта и распоряжается своими полномочіями единолично. Гораздо ограниченнѣе значеніе типикаря въ киновіяхъ, гдѣ онъ исполнитель приказаній игумена, пользующагося полномочіями, которыя предоставляетъ ему Типиконъ (аще изволить настоятель), въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но и здѣсь онъ почетное лицо въ монастырѣ и, можно сказать, первое при самомъ актѣ богослуженія. Нѣкоторые типикари за свою опытность и знаніе церковнаго Устава и богослужебныхъ порядковъ сферу своего вліянія на богослужебную практику значительно расширяютъ и выносятъ за предѣлы своего монастыря и даже далеко за черту св. Аѳонской горы¹⁾. Но какъ бы ни было

¹⁾ Такою славою извѣстнаго знатока церковнаго Устава пользовался на Аѳонѣ и даже въ Константинополѣ монахъ Пандократорскаго монастыря о. Агатонъ, 80-лѣтній старецъ, скончавшійся въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1886 года. Съ этимъ типикаремъ мы познакомились лично въ бытность нашу въ Пандократорѣ въ концѣ августа (22—25 ч.) 1886 года, т. е. за нѣсколько дней до его смерти, и убѣдились изъ разговоровъ въ его обширныхъ познаніяхъ церковнаго Устава и богослужебной аѳонской практики даже и въ это время, не смотря на то, что почтенная цыфра лѣтъ, оказавшая не незамѣтное вліяніе на память старца и его предсмертный недугъ, только что начавшійся въ ту пору, въ значительной степени помѣшали намъ извѣдать всю глубину его познаній и многоопытности. На сколько о. Агатонъ пользовался извѣстностію на востокѣ, это съ очевидностію, между прочимъ, видно изъ тѣхъ грамотъ патріарха Іоакима III, когда онъ задумалъ начать исправленіе Типикона, которыя были адресованы на имя этого старца и которыя были имъ любезно предоставлены въ наше распоряженіе. Въ первой изъ этихъ грамотъ, указывая на побужденія, заставившія предпринять исправленіе Типикона великой Церкви, патріархъ проситъ прислать ему, какъ можно скорѣе, (*ῥῶσιν τάχιον*) списокъ (*ἀντίγραφον*) Типикона, которымъ пользуются на Аѳонѣ, для дополненія своего Типикона новыми послѣдованіями и присоединить къ сему свой „опытъ и стараніе“ (*πειράς καὶ μελέτης*) для скорѣйшаго исполненія порученія (грам. отъ 15 октября 1880 г. за № 5346). Во второй грамотѣ отъ 1 декабря 1880 г. на него возлагается обязанность вмѣстѣ съ старцемъ архимандритомъ Ватопедскаго монастыря Варвѳолоимѣемъ, какъ бы отъ лица Церкви (*ὡς*

велико значеніе игумена въ дѣлѣ урегулированія богослужебной практики, какъ бы ни былъ опытенъ и многосвѣдущъ типикарь, заправляющій богослуженіемъ въ храмѣ, ни тотъ, ни другой не простирають своихъ полномочій до того, чтобы свое „я“ ставить мѣриломъ и оцѣнкою существующаго богослужебнаго строя въ обители. Тотъ и другой ставятъ самихъ себя въ зависимость отъ Типикона, который принятъ въ обители, будетъ ли то рукопись древнѣйшаго времени, или записи позднѣйшія, составленныя типикарями и одобренныя старцами; съ нимъ они свѣряются, готовясь къ богослуженію, и нерѣдко просматривають его въ моментъ самой службы.

Руководясь въ богослуженіи рукописными Типиконами древнѣйшаго времени іерусалимской редакціи, монастыри св. Аѳонской горы въ то же самое время не оставляють обычаевъ и порядковъ, выработанныхъ условіями этой горы и положеніемъ самыхъ монастырей на ней. Лучше сказать, монастыри Аѳона весьма часто въ дѣлѣ урегулированія своей богослужебной практики прибѣгають къ такъ называемому святогорскому Типикону, который соединилъ въ себѣ порядки іерусалимскаго Устава съ мѣстными аѳонскими обычаями и строемъ жизни отшельниковъ святогорцевъ. Весьма часто упомянутыя нами выше записи богослужебныхъ порядковъ, сдѣланныя типикарями, суть ничто иное какъ обшир-

ἐκ πρῶτου τῆς ἐκκλησίας), обойти всѣ скиты и келліи и развѣдать о томъ, какинъ образомъ относятся къ этому благому дѣлу старцы обителей и готовы ли они оказать при семъ свое содѣйствіе (№ 6212). 10 января 1881 г. ему съ сотрудниками для успѣшнаго исполненія возложеннаго порученія посылается особенная грамота (№ 93). Порученіе святѣйшаго патріарха было исполнено въ точности (см. грам. 19 мая 1881 г. № 2344) и за свои труды о. Агатонъ получилъ почетное титуло „великаго еkkлисіарха“ (μεγάλου ἐκκλησιάρχου) (грам. 13 мая 1882 г. № 2304), каковое титуло о. Агатонъ, чуждый во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ирской суеты и желанія къ занятію почетныхъ мѣстъ въ своей обители, носилъ не безъ гордости до самой своей ирской кончины.

ныя или краткія извлеченія изъ святогорскаго Типика, списанныя ими или съ древнѣйшихъ списковъ этого Устава, или же составленныя въ самомъ монастырѣ на основаніи существующей богослужбной практики, ведущей свое начало изъ глубокой древности.

Время происхожденія святогорскаго Устава можно относить къ глубокой древности. Монашество на Аѳонѣ процвѣтало далеко раньше ¹⁾ прихода на св. гору (въ 960 г.) знаменитаго основателя извѣстной на Аѳонѣ лавры св. Аванасія, который здѣсь уже нашелъ „уставы, какъ писменно изложенные, такъ и ненисанно преданные“ (οἱ τε ἐγγράφως ἐκτεθέντες καὶ ἀγράφως παραδεδόντες) и по частямъ (μερικῶς) передалъ основанной имъ лаврѣ ²⁾. Для той же обители онъ потомъ написалъ спеціальнѣйшій Уставъ въ видѣ завѣщанія подъ названіемъ: Π διατόπισσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου ³⁾, который, по своимъ особенностямъ и по текету изложенія, стоитъ на столько близко къ Ὑποτόπισσις αὐτῶν Θεῶν καταστάσεως τῆς εὐαγγελιστῆρος μονῆς τῶν Στουδίου ⁴⁾, что легко можетъ

¹⁾ Порфир. Успенск. Истор. Аѳона ч. III, Киев. 1877 г., стр. 7 и дал.

²⁾ Рук. Иверск. мон. περί τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν ὁσίων κ. τ. λ. № 754 (228).

³⁾ Ibid. Русскій переводъ этого завѣщанія съ несправной рукописи, съ значительными пропусками противъ подлинника, напечаталъ архимандритъ Автонинъ въ его „Замѣткахъ поклонника св. горы“. Въ настоящее время это завѣщаніе въ лаврѣ св. Аванасія не имѣетъ никакого значенія въ практикѣ. Обитатели лавры болѣею частію знаютъ лишь по слухамъ о немъ, но не видѣли и не знаютъ его содержанія. На нашу просьбу показать автографъ завѣщанія св. Аванасія мы получили рѣшительный отказъ. Главный проестость и нѣкоторые старцы прямо заявили, что такого завѣщанія они не знаютъ и о нахожденіи его въ ихъ лаврѣ ничего не слышали. Объяснить отказъ старцевъ не берусь, но завѣщаніе св. Аванасія хранилось въ лаврѣ долго и его видѣлъ здѣсь покойный епископъ Порфирій во время перваго своего путешествія по Аѳону и даже сдѣлалъ изъ него въ переводѣ на русскій языкъ небольшую выдержку (Перв. путеш. въ аѳон. мон. и скиты. Киев. 1877 г., ч. I, стр. 185, 187).

⁴⁾ Списокъ этотъ Ὑποτόπισσις - а напечаталъ у Мниа въ его Patrol. Curs. Complet. t. 99, pag. 1704, а русскій переводъ въ „Исторія Рус-

быть принять за передѣлку этого послѣдняго, съ сокращеніями въ текстѣ и незначительными измѣненіями примѣнительно къ обы-

ской Церкви“ Е. Голубинскаго. М. 1881 г., т. I, пол. II, стр. 671, примѣчанія, и довольно обстоятельныя къ нему, находятся въ книгѣ проф. Мансветова „О церковномъ Уставѣ“ стр. 112—116, примѣчанія. Въ своихъ статьяхъ „Богослуженіе въ Русской Церкви въ первые пять вѣковъ“ им напечаталъ пасхальную службу изъ этого Ὑπόμνησις-а, извлеченную изъ рукописи М. Синод. библ. № 456, л. 141, съ вариантами, заимствованными у Минея (Прав. Соборъ. 1882 г., кн. 1, стр. 269). Въ настоящее время мы располагаемъ новымъ полнымъ спискомъ Ὑπόμνησις-а, открытаго нами въ рукописи 1298 г. М. Синод. библ. № 456 и въ болѣе ранней рукописи XIII—XIV в. Афонской Ватопедской бібліотеки № 323 (133). Какъ напечатанный нами отрывокъ, такъ и вновь открытый полный списокъ Ὑπόμνησις-а значительно разнятся отъ напечатаннаго у Минея и говорятъ за то, что списки краткаго Устава Θεодора Студита не одинаковы по своимъ особенностямъ. Кромѣ текстуральныхъ особенностей въ новомъ спискѣ имѣются слѣдующія любопытныя особенности со стороны обряда: замѣчаніе о началѣ утрени на Пасху въ притворѣ и о причинахъ этого обычая, подробное описаніе обряда цѣлованія священнослужущихъ съ игуменомъ и остальными братьями, замѣчаніе о томъ, что по Уставу великой Церкви, на каждый господскій праздникъ внутри алтаря (ἔσθθεν τοῦ βήματος) диаконъ провозносилъ прокимень, апостоль и аллалурій, а протопреторъ (ὁ πρωτοπρέτορος)—св. Евангеліе, обстоятельное описаніе крестнаго хода, который совершался въ понедѣльникъ во второй часъ дня, послѣ троекратнаго звона (κροῶν τὰ τρία ὁ κληνάρυχος), замѣчанія о постриженіи въ великую схиму (ἄγιον καὶ μέγα σχῆμα) желающихъ братій во вторникъ, о совершеніи въ понедѣльникъ Θωиноя недѣли утрени съ особенностями ея въ самое Θωино воскресеніе, о пѣніи канона на первой часъ. Всѣ эти особенности нашего Ὑπόμνησις-а падаютъ собственно на первую его часть, которая озаглавляется „О святой Пасхѣ“, а у Минея—„Какъ поступаемъ въ собраніяхъ святаго и славнаго тридневнаго воскресенія нашего Спасителя. О билѣ“. Что же касается остальныхъ главъ, то въ нихъ уже замѣчается менѣе разностей. Въ Ὑπόμνησις-ѣ Минея въ главѣ „О святой Четырдесятницѣ“ имѣются первыя четыре замѣчанія: 14, 15, 16 и 17, отсутствующія въ нашемъ спискѣ, въ которомъ замѣчаніе объ еписимовархѣ и будителѣ непосредственно примыкаетъ къ первой главѣ „О святой Пасхѣ“; но за то въ этомъ послѣднемъ есть подробное наставленіе о пищѣ и питьѣ на всеѣ

чаямъ мѣстно-афонскимъ ¹⁾). Отсюда, слѣдовательно, ясно, что первоначальныя записи Церковнаго Устава на Афонѣ, по своему характеру, относились къ отрасли уставовъ студійскихъ, которые, вышедши

Великій постъ въ главѣ „О святой великой Четыредесятницѣ“, тогда какъ у Мниа лишь краткое упоминаніе о пищѣ въ воскресные дни св. Четыредесятницы. Наконецъ въ нашемъ спискѣ замѣчаніе о навечеріи Богоявленія стоитъ, какъ и слѣдуетъ, въ концѣ Ὑποπόσις - а, а не въ главѣ „О соразмѣрности въ службахъ“, какъ у Мниа, и содержитъ въ себѣ любопытныя особенности противъ послѣдняго. При выходѣ священника для водоосвященія изъ алтаря поется трижды стихира: „Гласъ Господень на водахъ“, а у Мниа — „Во Иорданѣ крещающуся“, что поется, по этому списку, уже при погруженіи креста въ водѣ. На возвратномъ пути въ церковь положено пѣть трижды: „Днесь Троица въ единцѣ Божества“, тогда какъ у Мниа послѣ окропленія братіи и освященія воды поютъ: „Гласъ Господень на водахъ“ съ припѣвами: „Море видѣ и побѣже“ и „Что ти есть море“, а при возвращеніи въ церковь тропарь: „Одѣйся свѣтомъ божественнѣ“. Въ виду произведеннаго нами сличенія двухъ извѣстныхъ въ настоящее время списковъ Ὑποπόσις - а, сдѣланное г. Мансветовымъ въ его книгѣ „О церковномъ Уставѣ“ изложеніе особенностей церковной службы по первоначальнымъ записямъ студійскаго Устава (стр. 107—112) требуетъ значительныхъ и весьма существенныхъ для характеристики этихъ записей пополненій и поправокъ, а самый Ὑποπόσις Теодора Студита — новаго изданія.

¹⁾ Чтобы яснѣе представить взаимное отношеніе записей Церковнаго Устава Теодора Студита и Аеавасія Афонскаго, г. Мансветовъ сравнилъ въ своей извѣстной уже намъ книгѣ ту и другую между собою (стр. 66—68). Но такъ какъ, при сравненіи, онъ имѣетъ въ виду запись Аеанасія Афонскаго только въ русскою переводѣ архимандрита Антонина (замѣт. поклон. св. горы), черезъ который она и извѣстна только въ наукѣ, то поэтому и сравненіе его отличается тѣми же недостатками, какіе присущи переводу почтеннаго о. Антонина. Въ сравненіи г. Мансветова нѣтъ ни полноты, ни точности, ни даже, наконецъ, необходимой въ подобныхъ случаяхъ для выводовъ правильности. Мы въ настоящее время имѣемъ греческій списокъ Διάκόσις - а Аеанасія Афонскаго и считаемъ не лишнимъ въ интересахъ науки сдѣлать нѣсколько поправокъ въ упомянутомъ сравненіи г. Мансветова, оставляя болѣе обстоятельное сличеніе записей Аеанасія Афонскаго и Теодора Студита до болѣе благоприятнаго времени. Читеній на утрени Пасхи два: одно послѣ третьей пѣсни изъ Григорія Богослова „Ἀναστάσιος ἡμέρα“;

пъ мѣста своего происхожденія, сдѣлались регуляторами богослуженія на всемъ востокѣ до тѣхъ поръ, пока въ XII вѣкѣ¹⁾, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не были замѣнены уставами іерусалимской редакціи.

Но эти упомянутыя нами первоначальныя записи уставовъ на Афонѣ были по всей вѣроятности лишь официально главными регуляторами богослужебныхъ порядковъ св. горы. Что же касается обычаевъ мѣстныхъ, особенностей практики монастырской, то для нихъ имѣлись другія записи, употреблявшіяся наравнѣ съ господствующими

а другое, послѣ цѣлованія, дневное (ἡμέρας), нынѣшнее Слово Іоанна Златуста: „Аще кто благочестивъ и боголюбивъ“. Такъ по обѣимъ записямъ. Въ записи Θεодора Студита (по нашему списку) подробно описывается обрядъ цѣлованія, и есть замѣчанія относительно собранія въ папертѣ предъ началомъ утрени канонарха и будителя, о крестномъ ходѣ въ понедѣльникъ, о постриженіи въ мантию во вторникъ, а въ записи св. Аонасія всего этого нѣтъ. Замѣчанія о повечеріяхъ съ понедѣльника Ооминной недѣли буквально сходны въ обѣихъ записяхъ. Въ записи Θεодора Студита подробно излагается порядокъ суточной службы до Воздвиженія креста и дальше, а въ записи Аонасія Аеонскаго лишь замѣчено о количествѣ псалмовъ за это время. Другія статьи изложены или приблизительно сходно съ записями Θεодора Студита, или же вовсе опущены, такъ какъ св. Аонасій Аеонскій, при написаніи своей записи, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дисциплинарныя правила, а Θεодоръ Студитъ особенности богослужебнаго характера.

¹⁾ Это положеніе мы основываемъ отчасти на одномъ голословномъ указаніи преосв. Порфирія, что грузинецъ Георгій Мтацминдели († 1072) между множествомъ другихъ богослужебныхъ книгъ перевелъ для Иверскаго монастыря между прочимъ и Уставъ Саввы Освященнаго (Истор. Азова ч. III, отд. I, стр. 195, прим., изд. Кіев. 1877 г.), а главнымъ образомъ на томъ основаніи, что Савва сербскій въ своемъ Уставѣ, данномъ (между 1200—1208 г.) Хиландарскому монастырю, воспроизводитъ уже порядки и обычай іерусалимскаго Устава (Хиланд. Тип. по рип. XIII в. опис. архим. Леонид. у Београд. 1868 г.). Св. же Савва, какъ извѣстно, написалъ св. Типикъ, послѣ тщательнаго изученія уставовъ современныхъ ему аеонскихъ монастырей, въ которыхъ, слѣдовательно, уже успѣлъ утвердиться Типикъ іерусалимскій.

щинъ Уставомъ и составленныя или изъ записей игуменовъ, или, какъ мы уже говорили и какъ это дѣлается нынѣ, изъ записей типикарей. Эти - то побочныя записи и дали начало такъ называемому Святгорскому Уставу, существованіе котораго на Афонѣ въ XI столѣтіи уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Извѣстный литургистъ этого время Николь Черногорецъ въ своихъ Пандектахъ и Тактиконѣ, характеризуя особенности богослуженныхъ порядковъ своего времени, пользуется Уставомъ святгорскимъ наравнѣ съ списками уставовъ редакцій студійской и іерусалимской. 57 слово его Пандектъ, напр., представляетъ намъ три слѣдующія выдержки изъ Устава святгорскаго: а) отъ Типика св. горы о еже спѣдѣхъ и питіихъ количества и качества, б) о праздницѣхъ, когда ямы масло и пиемъ вино и в) отъ собранія, рекше Типика св. горы о праздницѣхъ и о работѣ¹⁾. Кромѣ этихъ выдержекъ изъ первоначальнаго святгорскаго Типикона и нѣкоторыхъ другихъ (напр., о полномъ неяденіи въ Чистый понедѣльникъ, о невкушеніи рыбы на Страстной седмицѣ, еслибы даже и случился праздникъ Благовѣщенія въ одинъ изъ дней этой недѣли и др.), такъ сказать, дисциплинарнаго характера, у Никона Черногорца можно находить весьма немного свѣдѣній касательно обрядовъ и особенностей богослуженія на Афонѣ, по древнѣйшему святгорскому Уставу²⁾. Но все эти выдержки въ сопоставленіи съ особенностями богослуженнаго характера получаютъ для насъ тотъ интересъ, что по нимъ намъ представляется нѣкоторая возможность составить болѣе или менѣе вѣрное сужде-

¹⁾ Ркп. Кіев. церк.-археол. музея изъ собр. м. Макарія № 179, л. 489 об.—491.

²⁾ Многія особенности богослуженнаго характера первоначальнаго святгорскаго Устава, хотя далеко и не все, указаны проф. Манств. въ книгѣ „О церк. Устав.“ стр. 224, прим. 2. Напр., объ отсутствіи всеобщихъ бдѣній, о количествѣ каизмъ отъ 26 сентября до великой Четырдесятницы, о перенесеніи памяти Предтечи и 40 мучениковъ со службою вм. съ первой недѣли поста на сырную недѣлю и др.

ніе о характерѣ этого первоначальнаго Устава св. горы и объ его отношеніи къ записямъ **Θεοδора Студита** и **Αεωανασія Αεωνскаго**. Связь съ этими записями устанавливается самая живая и тѣсная, если мы обратимъ вниманіе на то, что статья „о снѣдѣхъ и питіяхъ количества и качества“ содержится въ обѣихъ записяхъ¹⁾, а статья „о праздниціхъ, когда ямы масло и шемъ вино“ — въ записи св. **Αεωανασія Αεωνскаго**²⁾. Особенности бого-

¹⁾ Заглавіе этой статьи: *περί τῆς ἐν βρώμασι καὶ πόμασι ποσότητος καὶ ποιότητος καὶ τῆς ἐν ταῖς τραπέζαις εὐταξίας*, но въ изложеніи **Νικона Черногорца** она отличается немалыми особенностями.

²⁾ Намъ думается, что мы болѣе вѣрный источникъ укажемъ для настоящей главы, если сошлемся на одну извѣстную намъ статью, еще ненапечатанную, но весьма любопытную для исторіи Типикова, носящую такое заглавіе: „Ἐπιστολὴν ἀδελφῶν πρωτοπῶτος πρὸς γέροντα τελίον καὶ κατάκριτον καὶ σοφόν περὶ δηλώσεως καὶ λύσεως ζητημάτων ἀναγκάϊων εἰς ἀγωγὴν μοναχῶν καὶ κατάστασιν“ (Топик. ркп. Ватопедск. библ. на Аѳонѣ № 322, л. 230 об.) и вызвавшую обширный отвѣтъ подъ заглавіемъ: *Εὐσύνοντος εἰδήσις καὶ ἀπόκρισις περὶ τῶν ἐρωτηθεισῶν ὑποθέσεων* (л. 231 об.). Въ эту послѣднюю отвѣтную статью указанная выдержка **Νικона Черногорца** входитъ цѣликомъ, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ. Отвѣтъ же неизвѣстнаго старца заимствованъ изъ *Διατόποις* — а св. **Αεωανασія Αεωνскаго**, въ которомъ имѣется глава „περὶ τῆς ἐν ταῖς διακονίαις συμμετρίας“, т. е. о соразмѣрности въ службахъ. Въ подтвержденіе нашего предположенія относительно вышеуказаннаго источника для **Νικона Черногорца** мы можемъ сослаться отчасти на собственные его слова. Такъ, въ главѣ „О праздниціхъ и о работѣ“ **Νиконъ Черногорецъ** говоритъ слѣдующее: „Подобаетъ вѣдѣти, яко сіи вчиненію въ предпраздники отъ святыя горы написаны быша отъ разумнѣйша и велика отца къ вѣкоему въ странахъ **Αντιοχія Сирскія** безмолствующу о постѣхъ же и колѣнопреклоненіяхъ“ (Тактик. ркп. Церк.-археол. муз. Кіев. дух. Акад. № 179, л. 491). Подъ именемъ „разумнѣйшаго и великаго отца отъ святыя горы“ **Νиконъ Черногорецъ** разумѣлъ не **Αεωανασія Αεωνскаго**, который за свой Уставъ и свою добродѣтельную жизнь пользовался славой и извѣстностію повсюду, а кого-то иного, но во всякомъ случаѣ мужа „разумнѣйша и великаго отца“, каковымъ и могъ быть авторъ упомянутыхъ нами отвѣтовъ, называемый „мудрымъ старцемъ“ и въ самой рукописи.

служебнаго характера древнѣйшаго святогорскаго Типикона не противорѣчатъ устанавливаемой нами связи, а напротивъ приводятъ къ тому несомнѣнному положенію, что, по характеру своему, этотъ Типиконъ примыкалъ къ отрасли уставовъ редакціи студійской, господствовавшей въ ту пору на всемъ востокѣ въ богослужебной практикѣ, съ которой, какъ мы уже сказали выше, *Ἰπποτόσις* и *Διατόσις* стоятъ въ прямой генетической родственной связи. Само собою понятно, что въ дальнѣйшей исторіи, когда студійскій господствующій Уставъ уступилъ мѣсто свое іерусалимскому, и на Аѳонѣ въ судьбѣ святогорскаго Типикона произошли крупныя видоизмѣненія. Святогорскій Уставъ этого времени оставилъ особенности порядковъ студійскаго монастыря и принялъ въ себя обычаи обители св. Саввы Освященнаго. Говоря проще, Уставъ святогорскій слился съ Уставомъ іерусалимскимъ. Представителями подобнаго рода святогорскаго Устава мы можемъ считать рукописный Типиконъ, находящійся нынѣ въ Ватиканской библиотекѣ (cod. palatin.) и надписываемый такъ: *Το πικόν τῆς λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα καὶ τῆς ἁγίας λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου τοῦ Ἀθῶ¹⁾*, т. е. Типиконъ лавры святаго Саввы и святыхъ лавр святаго Аѳанасія на Аѳонѣ и *Το πικόν τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης μονῆς ἐγράφη ἐν τῇ ἐμῇ μονῇ, τῇ μεγάλῃ λάβρα, τῇ συχαιμένη τῷ τοῦ Ἀθῶνος ὄρει²⁾*, т. е. Типиконъ святаго и великаго монастыря написанъ въ моемъ монастырѣ, въ великой лаврѣ, находящейся на горѣ Аѳонской. Первый Типиконъ написанъ въ 1373 г. неизвѣстнымъ лицомъ, называющимъ себя именовъ Георгія, а второй—въ 1432 г. монахомъ Діонисіемъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, мы въ глубокому сожалѣнію ничего не знаемъ объ упомянутыхъ Типиконахъ, а поэтому и не можемъ сказать что нибудь ни о редакторской работѣ, при сляніи этихъ разнохарактерныхъ уставовъ, ни объ особенностяхъ богослужб-

¹⁾ Мансв. О церковномъ Уставѣ, прилож. стр. 402.

²⁾ Ibid. стр. 401.

ныхъ порядковъ, по святогорскому Уставу, этого времени, которыя безъ всякаго сомнѣнія представляли немало разностей отъ рукописнаго тоговременнаго Устава іерусалимской редакціи. Что это такъ, можно отчасти догадываться изъ того обстоятельства, что въ пергаменномъ рукописномъ Типиконѣ 1336 г. Лаврентіанской (во Флоренціи) бібліотеки (cod. 15), написанномъ рукою Іоанна Ставадери изъ Сарагусы, исець помѣстилъ, кромѣ обычныхъ статей, входящихъ въ составъ Типиконовъ іерусалимской редакціи, между прочимъ и слѣдующую статью: *Κεφάλαια ἐν ἐπιτόμῳς δὴ λὸβυντα τὴν συνηθῆ τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως τοῦ ἀγίου ὄρους*¹⁾, т. е. Главы въ сокращеніи извѣстныхъ обычаевъ церковнаго Устава святой горы. Статья эта начинается изложеніемъ утренняго богослуженія (*Περὶ τῆς στιχολογίας τοῦ ὄρους*) и состоитъ изъ семнадцати главъ, содержаніе которыхъ тоже остается къ глубокому сожалѣнію неизвѣстнымъ²⁾. Въ виду всего этого намъ приходится ограничить исторію святогорскаго Типикона въ періодъ времени отъ XII столѣтія до XVI включительно лишь тѣми немногими отрывочными данными, которыми располагаетъ наша наука въ настоящее время и которыя мы указали выше³⁾, и должны перейти прямо къ судьбѣ свято-

¹⁾ Красносельц. Свѣдѣн. о нѣкотор. литургич. рукоп. Ватиканск. библ. Казан. 1885 г. стр. 24.

²⁾ Проф. Красносельцевъ, упрекнувшій Баадина за то, что онъ описалъ настоящий списокъ Устава „слишкомъ общѣ“ (Bandin. Cat. cod. graec. manuscr. biblot. Med. Laurent. t. 1 p. 485), самъ въ своемъ спеціальному описаніи литургическихъ рукописей недалеко ушелъ отъ него въ полнотѣ и обстоятельности относительно этого списка. Услуга литургической наукѣ была бы оказана несомнѣнно, еслибы почтенный профессоръ, кромѣ перечня рукописей и ихъ краткаго содержанія, въ свой официальный „Отчетъ“ о заграничной командировкѣ вносилъ бы и самые тексты важнѣйшихъ литургическихъ памятниковъ, къ которымъ безспорно принадлежитъ настоящая выдержка изъ древнѣйшаго святогорскаго Устава.

³⁾ Сюда мы должны отнести и вышеуказанные отвѣты неизвѣстнаго старца мудреца, подъ заглавіемъ: *Εὐσέβιοντος εἰδήσις καὶ ἀπόκρισις περὶ*

горскаго Типикона въ XVII столѣтїи и позже до нашихъ дней. За это время мы уже имѣемъ положительныя данныя для этого вопроса, собранныя нами во время нашего путешествія по Аѳону. Эти данныя, появляющіяся въ печати въ первый разъ, такъ какъ доселѣ мы знали со словъ Никодима святогорца лишь о томъ, что списковъ святогорскаго Устава встрѣчается немало въ аѳонскихъ монастыряхъ, но ничего не знали объ особенностяхъ службъ по этому Уставу и о характерѣ самаго Устава, то, помимо новизны, эти свѣдѣнїя, какъ намъ кажется, въ значительной степени будутъ восполнять тотъ весьма истересный пробѣлъ въ исторїи этого Типикона, на который мы указали выше и который явился, по отсутствію положительныхъ данныхъ. Обстоятельное описаніе современнаго святогорскаго Типикона, ведущаго свою генеалогію отъ Типикона монастыря Діонисіатскаго 1624 года, и дасть намъ эти интересныя и важныя въ научномъ отношеніи данныя.

„Сокращенный Типиконъ въ соединеніи съ мѣстнымъ, содержащій въ себѣ янѣйшее истолкованіе Минологія, Трїоди и Пендикостарія съ иными необходимѣйшими главами во святыхъ отца нашего Марка Евгеника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, написанный въ первые нѣкіимъ іеромонахомъ Игнатіемъ въ 1624 году, въ мѣсяцѣ генварѣ, въ святой Діонисіатской обители, а съ него уже переписывается настоящій Типиконъ для нашей святой Иверской обители, какъ имѣющій неизмѣненный составъ перваго Типикона сей самой священной обители нашей, истребленнаго огнемъ 13 декабря 1865 года. Написанъ Типиконъ заботами и подъ надзоромъ святыхъ архимандритовъ сего монастыря господъ Иларіона и Аѳанасія и пожертвованъ въ

των ἐρωτηθεισῶν ἀποθέσεων (Топик. ркп. Ватопед. библ. № 322, л. 231 об.), которые для исторїи первоначальнаго святогорскаго Устава могутъ дать нѣсколько интересныхъ данныхъ въ силу ихъ близости къ Уставу Феодора Студита и записи св. Аѳанасія Аѳонскаго.

неотъемлемую собственность святой Иверской обители съ тѣмъ, чтобы никто никоимъ образомъ не могъ присвоить его. Написанъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1878, т. е. въ юлѣ мѣсяцѣ 1878 года“. Такое обширное заглавіе (въ буквальномъ переводѣ съ греческаго) носить рукописный Типиконъ, хранящійся нынѣ въ храмѣ Иверскаго Аѳонскаго монастыря и употребляемый въ этой обители типикаремъ, какъ руководство, при отправленіи пмъ своихъ богослужебныхъ обязанностей.

Какъ показываетъ и самое заглавіе (сокращенный Типиконъ), Типиконъ этотъ представляетъ собственно передѣлку или сокращеніе святогорскаго Типикона съ приединеніемъ обрядовъ и обычаевъ, имѣющихъ мѣсто лишь въ названной обители (Τοπικόν τοπικόν) и, быть можетъ, въ немногихъ другихъ монастыряхъ Аѳона. Что касается имени „во святыхъ отца нашего“ Марка Евгеника, явнѣйшаго истолкователя Мینологіа, Тріюди и Пендикостарія и другихъ необходимыхъ главъ, то это есть ни больше ни меньше, какъ одна изъ безплодныхъ пока немногочисленныхъ попытокъ¹⁾ уяснить себѣ личность Марка, „многогрѣшнаго іеромонаха“ или просто монаха, именемъ котораго надписываются въ іерусалимскомъ Уставѣ дополнительныя главы относительно стеченія важнѣйшихъ праздниковъ и памятей великихъ святыхъ съ воскресною службою и службами по Тріюдямъ Постной и Цвѣтной. Отсутствие болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній о личности состав-

¹⁾ Эти попытки къ уясненію личности составителя дополнительныхъ главъ Церковнаго Устава собраны въ книгѣ покойнаго проф. И. Д. Мансветова о „Церковномъ Уставѣ“ стр. 216 и прим., который старался и самъ лично тоже сказать что нибудь для рѣшенія настоящаго вопроса, но и его попытки, по нашему мнѣнію, остались безплодными. Онъ даже не опредѣлилъ правильно количество редакцій Марковыхъ главъ и первичный ихъ составъ въ древнѣйшихъ іерусалимскихъ уставахъ. Его отрицаніе участія въ данномъ случаѣ епископа идрутскаго Марка, на что указываютъ нѣкоторые памятники (Топик. ркп. М. Синод. библ. № 380, л. 260 об.), внушающіе довѣріе, малодоказательно и почти голословно.

вителя упомянутых глав заставило іеромонаха Діонисіатскаго монастыря Игнатія, съ именемъ котораго связывается происхожденіе извѣстнаго на Афонѣ Діонисіатскаго Устава, или вѣрнѣе писателя Устава Иверскаго монастыря, такъ какъ въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ Діонисіатскаго Устава имя Марка Евгеника не упоминается, предполагать, что упомянутыя дополнительные главы Устава принадлежатъ этому святителю. Имя Марка Евгеника, знаменитаго ефесскаго митрополита († 1452 г.), пожизненнаго борца православія и ненавистника латинянъ, противника неудавшейся извѣстной флорентійской уніи, пользуется большимъ почетомъ на всемъ православномъ востокѣ и свято чтится тамъ доселѣ. Это имя къ тому же не безъизвѣстно своими трудами и въ области православнаго богослуженія¹⁾. Посему нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые святогорцы связали происхожденіе этихъ главъ съ именемъ столь почетнымъ на востокѣ, немало потрудившимся и въ области православнаго богослуженія, или истолкованіемъ существовавшаго въ ту пору богослуженія, или прямо составленіемъ стихиръ и каноновъ на праздники и въ честь святыхъ. Настоящій Типиконъ называется сокращеннымъ (συντομικόν) въ надписаніи; это подтверждается и самымъ содержаніемъ его.

Въ настоящемъ Типиконѣ Иверскаго монастыря содержанію его предпосылается статья отъ составителя Типикона 1624 года Діонисіатскаго монастыря, іеромонаха Игнатія²⁾, который, указывая на побужденія древнѣйшихъ отцовъ обычаи, содержимые ими, по преданію, отъ болѣе древняго времени, излагать псѣ-

¹⁾ Труды Марка Евгеника въ области православнаго богослуженія перечислены почти всѣ въ книгѣ преосв. Филарета „Историческ. обзорѣн. пѣснопѣвц. и пѣснопѣн. греческ. Церкви“, изд. II, Черниг., 1864 г., стр. 459, 460.

²⁾ Ὁ ἐν ἱερομονάχου ἐλαχίστος Ἰγνάτιος, ὁ γράψας τὸ παρὸν Τοπικὸν κατὰ τὸ ἔτος αχχδ (1624) τοῖς ἐν τετραμένοις ἐν Κυρίῳ χαίρειν. Такое заглавіе носитъ эта статья.

менно, въ Типиконахъ, дабы не стерло ихъ изъ памяти всеокрушающее и все предающее забвенію время, рѣшается, по ихъ примѣру и въ частности по примѣру св. Аѳонской лавры, изложить древнѣйшіе обычаи своего монастыря въ Уставѣ, и это изложеніе начинается съ мѣсяца сентября, когда начинается и самый церковный годъ. Все содержаніе Типикона составитель раздѣляетъ на три части: первая состоитъ изъ 125 главъ, содержащихъ въ себѣ особенности службъ по мѣсяцеслову¹⁾, вторая —

¹⁾ Первая часть содержитъ въ себѣ службы: 1 глава—Новаго года вмѣстѣ съ службами Симеону Столинику и святымъ женамъ, 2 глава—ту же самую службу, но для воскреснаго дня, 3 глава—предпразднства Богородицы и мученика Созонта, 4 глава—Рождества Богородицы, 5 глава—праведныхъ Акима и Анны и мученика Северіона, 6 глава—обновленія храма воскресенія, мученика Корнилія и предпразднства Крестовоздвиженія, 7 глава—обновленія храма въ воскресный день, 8 глава—Воздвиженія креста, 9 глава—великомученика Никиты, 10 глава—зачатіе Крестителя Іоанна, 11 глава—Успенія евангелиста Іоанна Богослова, 12 глава—исповѣдника Харитона, 13 глава—седьмаго вселенскаго собора, 14 глава—великомученика Дмитрія, 15 глава—Архистратига Михаила, 16 глава—Іоанна Златоуста, 17 глава—мучениковъ Гурія, Самона и Авивы, 18 глава—предпразднства Введенія во храмъ Богоматери, Григорія Декаполита и Прокла Константинопольскаго, 19 глава—Введенія во храмъ Богоматери съ воскресною службою, 20 глава—апостола Андрея, 21 глава—святаго Саввы Освященнаго, 22 глава—Николая Чудотворца, 23 глава—мучениковъ Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ореста, 24 глава—недѣли праотцевъ, 25 глава—пророка Давида и трехъ отроковъ, 26 глава—недѣли предъ Рождествомъ, когда она приходится раньше 20 декабря, или предпразднства, 27 глава—той же недѣли, если она случится отъ 20 до 23 декабря, 28 глава—той же недѣли, но 24 декабря, 29 глава—мученика Игнатія и предпразднства, 30 глава—преподобномученицы Евгеніи, 31 глава—о навечеріи Рождества Христова, если приходится оно въ субботу или въ воскресенье, 32 глава—навечеріе этого праздника, 33 глава—службу собора Богоматери и священномученика Евѳимія Сардикійскаго, 34 глава—праведныхъ Іосифа, Іакова брата Божія и царя Давида, 35 глава—отданія праздника въ воскресенье, 36 глава—первомученика Стефана архидіакона и исповѣдника Теодора, 37 глава—дѣтей отъ Ирода избіенныхъ и преподобнаго Маркелла,

изъ 45 главъ съ особенностями службъ по Трїоди Постной¹⁾ и 38 глава—Обрѣзанія Господня и Василя Великаго въ воскресенье, 39 глава—предпразднства Богоявленія и папы Сильвестра, 40 глава—мучениковъ Θεопеишта и Θεовы, 41 глава—навечерія Богоявленія, 42 глава—пророка Предтечи, 43 глава—Θеодосія пустынножителя, 44 глава—Антонія Великаго, 45 глава—Евѣнція великаго, 46 глава—Григорія Богослова, 47 глава—Иоанна Златоуста, 48 глава—трехъ святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста, 49 глава—предпразднства Срѣтенія и мученика Трифона, 50 глава—Срѣтенія Господня, 51 глава—того же праздника, но въ воскресный день, 52 глава—того же праздника въ недѣли предъуготовительныя, 53 глава—того же праздника, или предпразднства и попразднства въ субботу Мясопустную, 54 глава—того же праздника въ недѣлю Сырную, 55 глава—того же праздника, если онъ въ среду и пятницу этой недѣли, 56 глава—того же праздника въ субботу Сырную, 57 глава—того же праздника въ святую и великую Четыредесят-

¹⁾ Вторая часть Типикона имѣетъ слѣдующія главы: 1 глава о службѣ мытаря и фарисея, 2 глава—блуднаго, 3 глава—вечера пятницы Мясопустной, 4 глава—воскресенья Мясопустнаго, 5 глава—вечера того же воскресенья, 6 глава—недѣли Сырной, 7 глава—воскресенья Сырнаго, 8 глава—вечера этого воскресенья, 9 глава—Четыредесятницы, 10 глава—о стихословіи Псалтири, 11 глава—о чтеніи утрени, 12 глава—объ уничтоженіи награды, 13 глава—о чтеніяхъ дня, 14 глава—о стихословіи пѣсень цѣлой недѣли, 15 глава—объ удареніи въ тяжкая, 16 глава—о великомъ по вечеріи, 17 глава—о субботней службѣ, 18 глава—о субботѣ первой недѣли, 19 глава—объ утрени этой субботы, 20 глава—о первой недѣли поста, 21 глава—о вечерни этой недѣли, 22 глава—о пѣніи канонѣвъ въ трехъ субботахъ, 23 глава—о второй недѣли поста, 24 глава—о третьей недѣли поста, 25 глава—о поклоненіи кресту въ поведѣльникъ, среду и пятницу этой недѣли, 26 глава—о средѣ этой недѣли, 27 глава—о четвергѣ и пятницѣ этой недѣли, 28 глава—о четвертой недѣли поста, 29 глава—о послѣдованіи великаго канона, 30 глава—о послѣдованіи акаеиста, 31 глава—о пятой недѣли поста, 32 глава—о чтеніи Евангелія, 33 глава—о субботѣ Лазаря, 34 глава—о недѣлѣ Вай, 35 глава—о вечеріи этой недѣли, 36—39 главы—о первыхъ четырехъ дняхъ Страстной седмицы, 40 глава—о елеосвященіи, 41 глава—о вечерѣ четверга, 42 глава—о Великой пятницѣ, 43 глава—о пятницѣ вечерю, 44 глава—объ утрени въ Великую субботу и 45 глава—о вечерѣ Великой субботы.

третья—изъ 50 главъ съ особенностями службъ по Трїоди Цвѣт-

ниці, 58 глава—объ отдавіи этого праздника, 59 глава—попразднства, если оно бываетъ въ Сырную недѣлю, 60 глава—отданія въ недѣлю Сырную, 61 глава—отданія въ субботу Сырную, 62 глава—отданія въ воскресенье предъготовительныхъ недѣль, 63 глава—отданія въ недѣлю прежде начала Трїоди, 64 глава—Обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, 65 глава—того же праздника въ воскресенье Мясопустное и Сырной недѣли, 66 глава—того же праздника Сырной недѣли, 67 глава—того же праздника въ субботу Сырную, 68 глава—того же праздника въ первую недѣлю святой Четырдесятницы, 69 глава—того же праздника въ субботу святыхъ постовъ, 70 глава—того же праздника въ воскресенье крестопоклонное, 71 глава—того же праздника въ одинъ изъ дней Четырдесятницы, 72 глава—40 мучениковъ севастійскихъ, 73 глава—замѣчаніе объ этой памяти въ субботу и воскресенье первой недѣли, 74 глава—того же праздника въ субботу акаѣста, 75 глава—того же праздника въ средокрестную недѣлю, 76 глава—повечерія и полунощницы праздниковъ Предтечи и 40 святыхъ, 77 глава—праздниковъ Предтечи и 40 святыхъ въ субботу, 78 глава—предпразднства Благовѣщенія, 79 глава—Благовѣщенія Богородицы, 80 глава—Благовѣщенія въ великой недѣли, 81 глава—того же праздника въ субботу, 82 глава—въ воскресенье, 83 глава—навечерія этого праздника въ воскресенье, 84 глава—того же праздника въ 3-ю недѣлю поста, 85 глава—тоже въ среду крестопоклонную, 86 глава—тоже въ четвертокъ великаго канона, 87 глава—тоже въ субботу акаѣста, 88 глава—тоже въ субботу Лазаря, 89 глава—тоже въ недѣлю Ваїи, 90—95 главы—тоже во всю Страстную седмицу, 96 глава—тоже въ первый день Пасхи, 97 глава—тоже въ понедѣльникъ Пасхи, 98 глава—замѣчаніе относительно того, что случаи стеченія службъ Благовѣщенія съ разными днями поста и Пасхи хорошо составлены, 99 глава—собора архангела Гавріила, 100 глава—великомученика Георгія, 101 глава—евангелиста Іоанна Богослова, 102 глава—царей Константина и Елены въ воскресенье, 103 глава—Обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, 104 глава—мученицы Агрипины и предпразднства Предтечи, 105 глава—Предтечи, 106 глава—преподобномученицы Февроніи, 107 глава—апостоловъ Петра и Павла, 108 глава—собора двѣнадцати апостоловъ, 109 глава—Аванасія Аѳонскаго, 110 глава—священномученика Аѳиногена и десяти его учениковъ, 111 глава—пророка Іліи, 112 глава—Маріи Магдалины и священномученика Фоки, 113 глава—великомученика Пантелеимона, 114 глава—предпразднства креста и праведнаго Евдокія,

ной¹⁾. Къ этимъ тремъ основнымъ частямъ присоединяется еще небольшая дополнительная часть Типикона²⁾.

115 глава—семи Маккавеевъ, Елеазара и Соломонія, 116 глава—перенесенія мощей архидіакона Стефана, 117 глава—предпразднства Преображенія и мученика Евсигнея, 118 глава—Преображенія Господня, 119 глава—мученика Диметія, 120 глава—архидіакона Евпла и Инкифора, архіепископа Константинопольскаго, 121 глава—Успенія Богоматери, 122 глава—веруктвореннаго образа и мученика Діюида, 123 глава—Усѣченія главы Іоанна Крестителя, 124 глава—патріарховъ константинопольскихъ Александра, Іоанна и Павла и попразднства Предтечи и 125 глава—положенія пояса Богоматери.

¹⁾ Третья часть состоитъ изъ службъ Троици Цвѣтной: 1 глава содержитъ службу на первый день Пасхи, 2 глава—часы Пасхи, 3 глава—вечерню Пасхи, 4 глава—утреню понедѣльника, 5 глава—вечерню этого дня, 6 глава—лѣтію во вторникъ, 7 глава—часы среды, четверга, пятницы и субботы, 8 глава—службу пятницы, 9 глава—субботы, 10 глава—вечера этого дня, 11 глава—Омица воскресенья вечера, 12 глава—понедѣльника этой недѣли, 13 глава—начало часовъ, 14 глава—службу святаго, имѣющаго икону, въ субботу, внутри Пятидесятницы, 15 глава—великомученика Георгія, 16—20 главы—разныя стеченія той же службы, 21 глава—Іоанна Богослова и Арсенія великаго, 22 глава—Іоанна Богослова въ одно изъ воскресеній Пятидесятницы, 23 глава—Іоанна Богослова съ средою преполовенія, 24 глава—того же праздника съ отданіемъ Пасхи, 25 глава—того же праздника съ вознесеніемъ, 26 глава—того же праздника съ недѣлю св. отцевъ, 27 глава—съ недѣлей третьей по Пасхѣ, св. женъ мурносицъ и праведнаго Іосифа, 28 глава—службу святаго, имѣющаго икону, въ одно изъ воскресеній Пятидесятницы, 29 глава—недѣли мурносицъ, 30 глава—четвертой недѣли по Пасхѣ, 31 глава—среды преполовенія, 32 глава—недѣли пятой по Пасхѣ, 33 глава—недѣли шестой по Пасхѣ,

²⁾ Въ дополнительную часть входятъ статьи: о Благовѣщеніи въ пятницу, оглавленіе состава Типикона, главы 52—57, оставленныя списателемъ Типикона, а именно: о святомъ, имѣющемъ „Блаженъ мужъ“ и полелей въ воскресный день, о святомъ, имѣющемъ икону и коливо въ недѣлю предпразднствъ или попразднствъ, о предпразднствахъ и попразднствахъ въ недѣлю, о стихословіи пѣсни: „Поимъ Господевя“, о пѣніи и непѣніи „Честнѣйшую херувимъ“ и о томъ, какъ поются катавасіи въ теченіе цѣлаго года.

Кромѣ неполнаго или сокращеннаго святогорскаго Типикона, о которомъ мы сейчасъ говорили, въ практическомъ употребленіи афонскихъ монастырей мы видѣли и полные его списки, которые такъ же, какъ и упомянутый Иверскій списокъ, происхождение свое ведутъ отъ Діонисіатскаго Типикона, пользующагося на Афонѣ большимъ авторитетомъ и глубокимъ уваженіемъ. Къ подобнаго рода полнымъ спискамъ принадлежитъ Типиконъ греческаго собора въ русскомъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ¹⁾ и надписываемый такъ: *Το πικόν ἀκριβές τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀκολουθίας, ἀπό τε*

34 глава—отданія Пасхи, 35 глава—Вознесенія, 36 глава—недѣли седьмой, 37 глава—поминальной субботы, 38 глава—недѣли Пятидесятницы, 39 глава—того же праздника вечеромъ, 40 глава—понедѣльника утромъ, 41 глава—недѣли по Пятидесятницѣ, 42 глава—недѣли всѣхъ святыхъ, 43 глава—служба поста св. апостоловъ, 44 глава—о перемѣнѣ гласа, 45 глава—о предпразднествахъ и попразднествахъ въ недѣлю, 46 глава—о праздникахъ Богородицы въ недѣлю, 47 глава—о праздникахъ Господскихъ въ недѣлю, 48 глава—объ отданіи Господскихъ праздниковъ, 49 глава—объ отданіи ихъ въ недѣлю и 50 глава—службу святаго съ всемогущимъ бдѣніемъ въ недѣлю.

¹⁾ Намъ извѣстнѣе пока еще одинъ списокъ полнаго святогорскаго Типикона, принадлежащій антипросопу русскаго Пантелеимоновскаго монастыря о. Нафанаялу. Типиконъ, написанный рукою XVIII столѣтія, полученъ имъ въ знакъ благословенія отъ бывшаго игумена этого монастыря, архимандрита грека Герасима, у котораго о. Нафанайлъ былъ долгое время грамматикомъ. Этотъ Типиконъ, бывший когда-то тоже въ практическомъ употребленіи въ Русикѣ, важенъ въ томъ отношеніи, что оныя послужилъ во многомъ оригиналомъ для нынѣ дѣйствующаго тамъ Устава. Кромѣ того, въ этомъ спискѣ мы можемъ видѣть древѣйшій текстъ святогорскаго Устава. Позднѣйшія наслоенія въ Уставѣ, мѣстно-афонскіе обычай и порядки здѣсь вошли въ качествѣ лишь примѣчаній къ этому Уставу, разбѣяны во множествѣ по полямъ рукописи и написанныхъ мелкимъ едва разбираемымъ почеркомъ. Красиво и четко эти примѣчанія переписаны подъ строками въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ Руссика. Съ Типикономъ о. Нафанаяла мы, къ глубокому сожалѣнію, познакомились лишь поверхностно, а поэтому и не можемъ сообщить о немъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя были бы весьма умѣстны въ данномъ мѣстѣ.

τοῦ ἀγίου Σάββα καὶ ἑτέρων ἀθροισθὲν διαφόρων, ἔχον καὶ τὰ κεφάλαια τοῦ μοναχοῦ κὺρ Μάρκου, ἐν οἷς ἕκαστον αὐτῶν ζητεῖται χωρίοις μεθ' ἑτέρων ἀναγκαιῶν σημειώσεων, т. е. Полный Типиконъ церковнаго послѣдованія, собранный изъ Типикона святаго Саввы и изъ другихъ различныхъ, имѣющихъ въ себѣ главы монаха господина Марка, въ какихъ мѣстахъ каждая изъ нихъ находится вмѣстѣ съ другими необходимыми замѣчаніями. Въ этомъ Типиконѣ, хотя и нѣтъ столь яснаго раздѣленія на части, какъ въ предыдущемъ Иверскомъ спискѣ, но, при внимательномъ пересмотрѣ наличнаго его содержанія, нельзя не видѣть, что онъ тоже можетъ быть легко раздѣленъ на четыре части. Въ первую часть входятъ статьи общаго характера (24 главы)¹⁾, во вторую—главы Марка монаха²⁾, къ коимъ присоединяются и

¹⁾ Въ эту часть входятъ главы, содержащія въ себѣ службы суточныя (гл. 1, 3, 7, 11, 12, 14 и 18), указаніе о стихословіи Псалтири (гл. 4), о звонѣ къ службѣ (гл. 5), о прокименахъ и аллилуаріяхъ, о чтеніяхъ на трапезѣ и др. (гл. 6), о поклоненіи канонарха и собраніи двухъ хоровъ на средину для того же (гл. 8), о кажденіи іерея и вообще о кажденіи храма и предстоящихъ (гл. 9, 10), о пѣніи каноновъ Октоиха съ Минеею (гл. 13), правила касательно благоповеденія въ церкви (гл. 16), о пережвѣхъ хоровъ (гл. 17), о тропаряхъ на навечеріяхъ предпразднествъ и попразднествъ (гл. 19), о чтеніи Евангелія и толкованій на него (гл. 20), о времени совершенія литургіи (гл. 21), о чтеніи утреннихъ Евангелій по Пасхѣ до Пятидесятницы (гл. 22), о будителяхъ въ церкви (гл. 23) и о каждодневномъ совершеніи повечерія и благоповеденіи монаховъ послѣ него (гл. 24). Всѣ эти главы, за исключеніемъ развѣ одной 8 главы, можно находить и въ обычныхъ іерусалимскихъ уставахъ, напр., Рик. М. Синод. библ. 1542 г. № 380.

²⁾ Количество Марковыхъ главъ въ іерусалимскихъ уставахъ простирается до 86, 95 и даже до 100 (въ печатныхъ венеціанскихъ изданіяхъ), въ настоящемъ же Уставѣ ихъ 25; но если взять ихъ вмѣстѣ съ главами изъ Миналогія, то общая цифра ихъ достигаетъ 89. Въ составъ первыхъ 25 главъ входятъ: 25 гл. о службѣ Богородичныхъ праздниковъ въ недѣлю, 26 гл. о лютіяхъ въ отдавіи этихъ праздниковъ, 27 гл. о службѣ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 28 гл. объ отдавіи этихъ праздниковъ,

главы, трактующія о службахъ по мѣсяцеслову (гл. 24—112), въ третью—службы по Тріоди Постной¹⁾ (гл. 114—136) и въ четвертой—службы по Тріоди Цвѣтной (гл. 137—145). Къ этимъ четыремъ основнымъ частямъ присоединено нѣсколько главъ въ качествѣ прибавочныхъ. Сюда входятъ замѣчанія о евангельскихъ чтеніяхъ на утрени и на литургіяхъ въ тѣ дни празднуемыхъ святыхъ, которые не попали въ настоящій Типиконъ, указанія

29 гл. объ отданіи ихъ въ недѣлю, 30 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ этихъ праздниковъ въ недѣлю, 31 гл. о кондакахъ предпразднествъ и попразднествъ вѣсто инакомъ гласа, 32 гл. о двухъ святыхъ съ двумя тропарями въ воскресенье, 33 гл. о тропаряхъ предпразднествъ и попразднествъ въ недѣлю съ святымъ, имѣющимъ свой тропарь, 34 гл. о тропаряхъ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 35 гл. о тропаряхъ предпразднествъ и попразднествъ и святыхъ на каждый день, 36 гл. о канонахъ предпразднествъ и попразднествъ съ Минеєю, 37 гл. о кондакахъ двухъ святыхъ съ кондаками предпразднества и попразднества, 38 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ съ двумя святыми въ недѣлю, 39 гл. о святомъ, имѣющемъ бдѣніе въ недѣлю, 40 гл. о святомъ съ поліелеємъ и празднуемымъ на 6 въ недѣлю, 41 гл. о святомъ, празднуемымъ на 6 въ недѣлю, 42 гл. о предпразднествахъ и попразднествахъ Господскихъ праздниковъ въ недѣлю, 43 гл. о тропаряхъ святыхъ и первобогородичныхъ вечеромъ пятницы, субботы и воскресенія, 44 гл. о богородичныхъ, если празднуемый святой на 8 случится въ среду или пятницу, 45 гл. о томъ же, если празднуется святой на 6 и имѣть поліелей, 46 гл. о первобогородичныхъ въ субботу и воскресенье, 47 гл. о первыхъ богородичныхъ святого, имѣющаго входъ, 48 гл. о пѣннѣ „Поимъ Господеву“, 49 гл. о томъ, когда поется „Честнѣйшую“ и когда нѣтъ и 50 гл. о литіи, когда она бываетъ и когда не бываетъ. Что касается Марковыхъ главъ, разъясненныхъ по Мѣсяцеслову, то количество ихъ нѣсколько больше обыкновеннаго сравнительно съ іерусалимскими уставами. Такъ напр. здѣсь есть, глава (61) о памяти трехъ святителей въ недѣлю, нѣсколько главъ (102—103) относительно памяти апостола и евангелиста Іоанна Богослова и нѣкоторыя немногія другія главы.

¹⁾ Указанія тріодныхъ службъ вообще немногимъ разнятся отъ Устава іерусалимскаго, хотя текстъ ихъ имѣетъ весьма много характерныхъ особенностей, съ которыми подробно мы познакомимся, при изложеніи этихъ службъ, по святогорскому Типикону, въ своемъ мѣстѣ.

прокимновъ и аллилуаріевъ на разные случаи и выдержка изъ Діонисіатскаго Типикона о перемѣнѣ гласа и о пѣніи катавасіи въ теченіе всего года.

Такимъ образомъ, въ общемъ содержаніе настоящаго Типикона во многомъ напоминаетъ собою содержаніе обычныхъ рукописныхъ Типиконовъ іерусалимской редакціи позднѣйшаго времени, XV—XVI вѣковъ. Но если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя частности этого списка Устава, то мы увидимъ и его особенности, указанныя нами отчасти и въ примѣчаніяхъ къ настоящей статьѣ, которыми онъ отличается отъ Устава іерусалимскаго. Отношеніе святогорскаго Устава къ іерусалимскому Саввы Освященнаго, генетическая связь съ нимъ перваго, а также и обрядовыя разности того и другаго для насъ станутъ болѣе понятны, если мы сравнимъ текстъ того и другаго. Для примѣра укажемъ на текстъ вечерней службы въ Великую пятницу по тому и другому Уставу. Вотъ какъ описываетъ святогорскій Типиконъ эту вечерню (Ркп. Иверск. монаст. 1878 г. стр. 100).

Во святую¹⁾ Великую пятницу вечеромъ, около 10 часа, знаменаютъ въ великое било, т. е. верхнее клепало (*σημαίνει τὸ μέγα ἤχρον τὸ αὐτὸ σημαντρον*), и начинаемъ вечерню. На „Господи воззвахъ“ послѣ предначинательнаго псалма ставимъ шесть стиховъ и поемъ стихиры самогласны²⁾, съ повтореніемъ ихъ и гласа 6, слава тотъ же гласъ „О како незаконное сонмище“, и нынѣ тотъ же гласъ „Странное и преславное таинство“, входъ съ Евангеліемъ, „Свѣте тихій“, прокимень гласъ четвертый „Раздѣлиша ризы моя себѣ“³⁾ и три чтенія,

¹⁾ Для вариантовъ текстъ заимствуемъ изъ рукописи М. Синод. библ. 1542 г. № 380. Слова, напечатанныя курсивомъ, въ упомянутой рукописи и вообще во всѣхъ іерусалимскихъ рукописныхъ Типиконахъ не существуютъ.

²⁾ Самогласенъ дия, т. е. гласъ первый „Вся тварь“ съ повтореніемъ его (*δωτερόβιτες ἀπὸ τοῦ γ' δωτέροος*) и 6 гласа „Днесъ Владыка и Господь“.

³⁾ Стихъ: „Боже, Боже мой, вои ми“ и чтенія Исхода „Глагола Господь къ Моисею“, потомъ прокимень гласъ 4 „Суди ми, Господи“, стихъ

Апостоль и Евангеліе. Во время же чтенія Евангелія, когда чтець скажетъ: „Сущу же поздѣ, прїиде чело-
вѣкъ богатый отъ Аримаеи“, тогда берется съ мѣста поклоненія святая икона „Распятія“ и полага-
ется (икона) „Положеніе во гробъ“, послѣ же Еван-
гелія поставляется на поклонъ въ центрѣ храма
(ἐν τῷ δμφάλῳ), а по обѣ стороны ея ставятся
большіе подсвѣчники (μανωάλια). Діаконъ, по Еван-
геліи, говоритъ: „Рцемъ вси“ по порядку. И послѣ возгласа
выходитъ священникъ съ діаконѣмъ и становятся
близъ аналоя, а всѣ мы, стоя кругѣмъ мѣста покло-
ненія, поемъ стиховны: „Егда отъ древа ты мертва“ и, когда
достигнемъ стихиры на слава, тогда бываетъ
поклоненіе и цѣлованіе святой иконы, братія кла-
няются чинно по два. Послѣ „Нынѣ отпускаеши“ поемъ
тропарь: „Благообразный Іосифъ“ и бываетъ отпустъ вечерни.
И снова тотчасъ, по совершеніи іереемъ „Благо-
словенъ Богъ нашъ“ внутри алтаря, поемъ малое
повечеріе съ кажденіемъ на „Достойно есть“,
говоримъ кондакъ: „Бездну заключивый“ и прочее
и отпустъ и, получивши прощеніе, исходимъ въ
келліи.

„Принми оружїе“, чтеніе изъ Іова „Благослови Господь послѣдняя Іова“,
третье чтеніе изъ Ісаїи „Се разумѣеть отрокъ мой“, потомъ псаломъ Давида,
прокимень 6 гласъ „Положиша мя въ ровъ“, стихъ „Господи Боже спасе-
нія моего“, апостоль къ Коринѣянамъ „Братіе, слово крестное“, аллалуїа,
гласъ 5 „Спаси мя Боже, яко ввидоша воды“, стихъ „Поношеніе чаяше
душе моя“, стихъ 3 „Да помрачатся очи ихъ“, Евангеліе отъ Матоеа
„Совѣтъ сотвориша вси архїереи“, потомъ „Рцемъ вси“ и ектенья „Испол-
нимъ молитву нашу“ и по возгласѣ стихиры гласъ 2 „Егда отъ древа ты
мертва“, стихи „Господь воцариса“ и другой „Ибо утверди вселенную“,
слава и нынѣ гласъ 5 „Тебѣ одѣющагося“, „Нынѣ отпускаеши“, Трисвятое,
тропарь гласъ 2 „Благообразный Іосифъ“ и отпустъ. Повечеріе же послѣ
въ келліяхъ нашихъ.

Мы остановились не безъ цѣли на этомъ весьма характерномъ примѣрѣ. Изъ сдѣланнаго нами сличенія, какъ нельзя болѣе ясно, устанавливается для насъ тотъ несомнѣнный фактъ, что святогорскій Уставъ позднѣйшаго времени созданъ на основѣ древнѣйшаго, или, по крайней мѣрѣ, допечатнаго іерусалимскаго Типикона. Этотъ послѣдній послужилъ для святогорцевъ какъ бы канвою, по которой они вышили красивый и сложный церемоніальный обрядъ, вызываемый обстоятельствами воспоминаемаго великаго въ христіанствѣ событія и тѣмъ, что даютъ самыя богослужебныя пѣснопѣнія и чтенія, оставивъ болѣе подробное указаніе самаго порядка службы этого дня на отвѣтственности другихъ богослужебныхъ книгъ, необходимыхъ въ данномъ случаѣ. Такими нерѣдко сложными церемоніями и богослужебными обрядами переполнены въ святогорскомъ Типиконѣ службы по Трїодямъ Цвѣтной и Постной и главнымъ образомъ седмиць Страстной и Пасхальной, потому что на это вызываютъ самыя событія настоящихъ дней. Поэтому гораздо проще по изложенію, но ближе по тексту къ первоосновѣ своей, іерусалимскому Типикону, стоитъ этотъ Уставъ, когда излагаются въ немъ службы круга годичнаго и по преимуществу службы дней обычныхъ. Даже въ изложеніи Марковыхъ главъ, какъ мы уже замѣтили, святогорскій Уставъ весьма часто повторяетъ особенности Устава іерусалимскаго. Правда, и въ этой части святогорскаго Устава есть особенности и нерѣдко довольно крупныя, отличающія его отъ іерусалимскаго (напр. служба, если Срѣтеніе или обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи случится постомъ, если Благовѣщеніе будетъ въ субботу постомъ, глава 76 о повечеріи и полунощницѣ въ праздники Предтечи и сорока святыхъ и др.), но онѣ не таковы, чтобы говорить объ нихъ въ общей характеристикѣ этого Устава, а главнымъ образомъ онѣ объясняются легко тѣми источниками, изъ которыхъ заимствованы въ этотъ Типиконъ.

Но указавъ на іерусалимскій Уставъ, какъ на свою первооснову или первоисточникъ, и открыто заявляя объ этомъ самымъ

заглавіемъ (Τοπικόν..., ἀθροισθὲν ἀπὸ τοῦ Τοπικοῦ ἁγίου Σάββα), святогорскій Типиконъ не скрываетъ и того, что это былъ не единственный для него источникъ, что были и другіе Типиконы, своимъ содержаніемъ, хотя и отчасти, вошедшіе въ составъ его. „Собранный изъ другихъ“ (ἐτέρων), какъ говоритъ Типиконъ Руссика, или „иныхъ“ (ἄλλων) уставовъ, какъ читаемъ въ надписаніи Типикона Иверскаго монастыря, святогорскій Уставъ самымъ текстомъ подтверждаетъ свое надписаніе и указываетъ источники по именамъ. Такъ называемые, Типиконы лѣваго хора (ἐκ τοῦ Τοπικοῦ τοῦ ἀριστεροῦ χοροῦ стр. 34, 116) и праваго (Γνώμη τοῦ δεξιῦ χοροῦ Τοπικοῦ стр. 116), неизвѣстный (ἐν δὲ ἐτέρῳ Τοπικῷ стр. 35), Большой Типиконъ Андрианополита (ἐν τῷ μεγάλῳ Τοπικῷ τοῦ Ἀνδριανουπόλιτου стр. 67) и Типикъ лавры (ἐν τῇ ἁγίᾳ λαύρᾳ τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου стр. 48)—вотъ тѣ другіе или иные уставы, выдержки которыхъ можно видѣть, напр., въ Иверскомъ Типиконѣ. Эти-то выдержки, указывая на эклективность святогорскаго Устава, въ то же время объясняютъ намъ, между прочимъ, и то обстоятельство, почему этотъ Уставъ далеко ушелъ въ развитіи своей обрядовой стороны, осложнилъ ихъ на столько, что основной текстъ іерусалимскаго Устава въ немъ, благодаря этимъ особенностямъ, едва замѣтенъ. Такимъ образомъ, сходство съ іерусалимскимъ Уставомъ, на которомъ какъ на краеугольномъ камнѣ созданъ нынѣшній святогорскій Уставъ, осложненіе его особенностями мѣстной святогорской практики, взятой изъ мѣстныхъ аеонскихъ уставовъ, развитая обрядность, церемониальность и торжественность службъ, особенно тріодныхъ, для того, чтобы придать богослуженію большую торжественность и величіе—вотъ характеристическія и существенныя особенности позднѣйшаго и современнаго святогорскаго Устава.

Примѣчаніе. Мы говорили лишь объ Уставѣ святогорскомъ аеонскомъ, имѣющемъ нынѣ значеніе въ богослужебной практикѣ штатныхъ монастырей и киновій, и ни слова не сказали о такъ называемомъ скитскомъ Уставѣ, который держался

когда-то по одиночнымъ келліямъ афонскихъ пустынниковъ. Это мы сдѣлали отчасти потому, что о древнѣйшемъ скитскомъ Уставѣ и его представителяхъ въ Греціи и на Руси сказано весьма обстоятельно въ книгѣ покойнаго профессора И. Д. Мансветова „Церковный Уставъ“ стр. 225 и дал., а главнымъ образомъ потому, что мы лично имѣемъ намѣреніе говорить лишь о богослужебныхъ порядкахъ важнѣйшихъ господствующихъ афонскихъ монастырей, практика которыхъ была предметомъ нашего наблюденія и изученія.

Б. Типиконъ Великой Церкви, или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей.

Приходскія церкви Константинополя, Афона и другихъ городовъ православнаго востока регулируются, при отправленіи богослуженія, Уставомъ, который весьма значительно отличается отъ Устава святогорскаго и даже Устава Саввы Освященнаго. Уставъ этотъ называется *Τυπικὸν ἐκκλησιαστικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας*, т. е. Церковный Типикъ по чину Великой Христовой Церкви. Въ своемъ настоящемъ видѣ этотъ Типиконъ недавняго происхожденія. Его первое изданіе явилось въ свѣтъ лишь только въ 1838 году. Но начало существованія Типикона Великой Церкви почти одновременно съ началомъ явленія въ Константинополѣ „Великой Церкви“, или извѣстнаго Софійскаго храма, построеннаго императоромъ Юстиніаномъ въ VI в. Воздвигнувъ храмъ, удивившій современниковъ своимъ величіемъ и красотою, безпредѣльностью его какъ бы висящаго на воздухѣ купола, храмъ сдѣлавшійся предметомъ подражанія до нашихъ дней въ области христіанскаго строительнаго искусства, императоръ Юстиніанъ надѣлилъ его богатою утварью, блестящею ризницею, многочисленнымъ штатомъ духовенства, клириковъ и пѣвчихъ. Храмъ сдѣлался каедральнымъ; въ немъ постоянно отправлялось богослуженіе архіерейское, въ присутствіи патріарха, или даже лично самимъ патріархомъ. Въ силу этого вскорѣ же и

кругъ богослуженія седмичнаго и годичнаго осложнился многими обрядами и обычаями, только благодаря тому положенію, въ которое былъ поставленъ храмъ св. Софіи, и явился Уставъ съ особенностями богослужебныхъ порядковъ этого храма. Ясныя и иногда довольно обстоятельныя указанія на этотъ Уставъ можно видѣть въ книгѣ Константина Порфиророднаго „De ceremoniis aulae Byzantinae“, которая знакомитъ насъ съ обрядами патриаршей службы, съ обстановкою царскихъ выходовъ, съ нѣкоторыми данными касательно тогдашняго церковнаго года, праздничной службы, съ особенностями соборной службы въ большихъ городахъ и т. п. Книга Кодина „De officiis curiae et ecclesiae Constantinopolitanae“ дополняетъ эти свѣдѣнія о порядкахъ и обычаяхъ Софійскаго храма. Ссылки на этотъ же Уставъ мы находимъ въ 'Υπόμνησις-ѣ Θεодора Студита¹⁾, въ сочиненіяхъ Никона Черногорца²⁾, въ древнѣйшихъ греческихъ іерусалимскихъ Типиконахъ³⁾, въ славянскомъ Уставѣ патриарха константинопольскаго (съ 1025—1049) Алексѣя⁴⁾ и въ толкованіяхъ соборныхъ правилъ Валь-

1) Τοπικόν ркп. М. Синод. библ. № 456, л. 142 об.; ркп. Ватопед. Афонск. библ. № 323. См. стр. 19, прил. 4.

2) Пандект. слово 29. Ркп. Церк.-археол. муз. при Кіев. дух. Акад. № 179, л. 795 об.

3) Такъ напр., относительно службы Благовѣщенія въ постыяе дни и въ первые дни Пасхи Типиконы замѣчаютъ, что послѣдованія на этотъ праздникъ изложены между прочимъ и на основаніи Типика Великой Церкви (τῷ Τοπικῷ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ἀκολουθίσαντες). Ркп. XIII в. лавры Аван. Афон. (Галис.) и многія другія рукописи этого времени.

4) Въ Уставѣ патриарха Алексѣя о пѣвцахъ на Воздвиженіе креста замѣчается: „старѣйшина надъ обѣма сторонама и съ тѣми отъ пѣвцевъ, иже добрѣйшая гърла имѣють, предъ святыми дверьми на срѣдѣхъ лики ставльше поють тропарь, иже во Велицѣй Церкви обычаніи поеться, сирѣчь „Днесъ пророческое“ (№ 330 ркп. М. Синод. библ. л. 262 об.). Обрядъ воздвиженія дѣлается „по Уставу Великия Церкви“ л. 263. По Уставу Великой Церкви предпразднество Воздвиженія начинается съ 10 сентября л. 78. Чтеніе Евангелія на Пасху съ Благовѣщеніемъ совершалосѣ

самона¹⁾). Непосредственное знакомство съ нѣкоторыми особенностями службъ, съ Мѣсяцесловомъ константинопольской Церкви мы можемъ сдѣлать въ настоящее время на основаніи рукописныхъ евангелій и апостоловъ, описанныхъ Мансветовымъ²⁾, Ивановымъ³⁾ и др. Конечно, полнаго обзора службъ, по Уставу Великой Церкви, мы не можемъ сдѣлать теперь, потому что не имѣемъ цѣльныхъ списковъ этого Устава, но со временемъ можетъ быть восполненъ и этотъ пробѣлъ въ литургической литературѣ. Наша увѣренность коренится на убѣжденіи, что со временемъ могутъ быть найдены полные списки этого Устава или въ греческомъ оригиналѣ, или же въ славянскомъ переводѣ. Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ быть отрывокъ изъ этого Устава, найденный покойнымъ А. Поповымъ въ рукописяхъ библиотели А. И. Хлудова⁴⁾. Заглавіе этого отрывка читается такъ: „Уставъ Великія Церкви святія Софія списанъ боголюбивымъ

„по образу синоксаря Великія Церкви“ л. 161. „Раздѣленіе службы Благовѣщенія, бывающая въ дни поста и въ Великую недѣлю обычаю Великія Церкви въслѣдующе установленномъ“ л. 162. Пѣніе въ Великую субботу стихирь: „Преблагословенна еси Богородице Дѣво“ было по обычаю, „якоже и Великая Церковь поеть“ л. 34. Нѣсколько выдержекъ изъ Устава № 330, указывающихъ на практику Устава Великой Церкви, сдѣлано г. Мансветовымъ въ его книгѣ „Церковн. Устав.“ стр. 231 прим. 1 и 2.

¹⁾ Σύνταγμα κανόνων... Πότλη καὶ Πάλλη Αθην. 1852—59, t. IV, 448, 449.

²⁾ Описаніе рки. Апостола XI—XII в. А. Н. Муравьева, хранящагося нынѣ въ библиотекѣ М. дух. Акад., сдѣлано проф. Мансветовымъ въ книгѣ „Церковн. Устав.“ стр. 242—249.

³⁾ Описаніе рукописныхъ греческихъ Евангелій и Апостола, принадлежавшихъ когда-то Таврической дух. Семинаріи, а нынѣ хранящихся въ Церк.-археол. музеѣ при Киев. дух. Акад., сдѣлано г. Ивановымъ въ Извѣст. Императ. Слб. археол. общ. т. I (нов. сер.) и въ отдѣльныхъ брошюрахъ.

⁴⁾ Первое прибавл. къ Опис. рки. и кат. книгъ церковн. печати библ. А. И. Хлудова М. 1875 г. стр. 13.

архієпископомъ новгородскимъ Климентомъ¹⁾. Къ упомянутымъ нами матеріаламъ для установленія того положенія, что Уставъ Великой Церкви древнѣйшаго времени представлялъ изъ себя настоящій полный списокъ Типикона примѣнительно къ богослужебнымъ порядкамъ Юстиніанова храма, можетъ быть отнесена слѣдующій греческій отрывокъ: Τάξις (μεγάλης ἐκκλησίας), γινομένη ἐπὶ τῆ ἐκπεριεῖ, τῆ ὀρθῶ, τῆ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ καὶ ἐπὶ τῆ χειροτονίᾳ τοῦ ἐπίσκοπου. Этотъ отрывокъ открытъ нами въ капонической рукописи XV вѣка русско-афонскаго Андреевскаго скита. Всѣхъ перечисленныхъ нами указаній, замѣтокъ и отрывковъ достаточно для того, чтобы мы смѣло могли приступить къ знакомству съ богослужебными особенностями древнѣйшаго Устава Великой Церкви и къ его краткой характеристикѣ. Открытый нами отрывокъ суточной службы даетъ намъ весьма любопытныя особенности состава этой службы, который доселѣ оставался неизвѣстенъ, по отсутствію положительныхъ данныхъ, а посему съ него мы и начнемъ свое знакомство.

Въ субботу вечеромъ, по собраніи клира, приходитъ въ коллію митрополита остіарій²⁾ (οστιάριος) или одинъ, или же съ

¹⁾ Упоминаемый въ настоящемъ спискѣ Устава „боголюбивый архієпископъ новгородскій Климентъ“ († 1299) былъ поставленъ въ епископа въ Кіевѣ, послѣ смерти въ 1274 году новгородскаго владыки Долмата. Онъ принималъ участіе въ усмиреніи мятежей новгородцевъ противъ князя Дмитрія въ 1281 году и противъ посадника новгородскаго Симеона Михайловича въ 1287 году, и не безъуспѣшно, а также въ неоднократномъ построеніи церквей. Его „стяжаніемъ“ была написана и положена въ церкви св. Софіи „на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе душъ“ Кормчая, нынѣ хранящаяся подъ № 132 въ М. Синод. библ. Настоящій Уставъ былъ списанъ изъ, очевидно, для новгородскаго Софійскаго собора, чтобы клиръ его могъ руководствоваться имъ, при совершеніи архіерейской службы.

²⁾ О должностныхъ лицахъ патриаршаго византійскаго двора, съ указаніемъ ихъ обязанностей, говорится въ письмѣ Мелетія ко всѣмъ вообще православнымъ русскимъ польской державы отъ 22 іюля 1597 года, напе-

кѣмъ нибудь изъ церковниковъ, беретъ моноамвულъ (*μονοβάμβουλον*)¹⁾ и зажигаетъ свѣчу. Въ предшествіи клира и народа впереди архіерея, входитъ архіерей въ церковь, дѣлаетъ поклонъ на срединѣ храма, потомъ цѣлуетъ по срединѣ храма стоящую св. икону и входитъ въ свою стасидію, клирики поютъ трижды, по вшествіи его туда, *Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερεῖα ἡμῶν, Κύριε φῶλαττε.* По исполненіи ими этого, архіерей трижды благословляетъ ихъ, при возглашеніи ему: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα.* Потомъ бываетъ начало послѣдованія, послѣ того какъ діаконъ возгласитъ: „Благослови, владыко“, а священникъ — „Благословенъ Богъ“ или „Благословенно царство“ и по порядку обычно совершается послѣдованіе.

На „слава“ священники облачаются внутри алтаря въ фелони свои (*φαινόλια*), а также и діаконы, выходятъ со стороны предложенія (*ἀπὸ τοῦ μέρου προθέσεως*) и приходятъ къ самымъ краснымъ вратамъ храма (*πλησίον τῶν ὀραίων πωλῶν τοῦ ναοῦ*). По установленіи рядами іереевъ и діаконѡвъ тамъ по чину, приходитъ иподіаконъ, одѣтый въ короткій стихарь (*χαρίσιον*), держа кадило и подсвѣчникъ. Подсвѣчникъ ставитъ впереди ихъ, на срединѣ, кадило отдастъ второму изъ діаконѡвъ, а самъ приходитъ и становится сзади между первымъ священникомъ и вторымъ діаконѡмъ. Когда окончена будетъ стихира, второй діаконъ, немного выступивши впередъ, возглашаетъ: „Премудрость прости“, дѣлая крестъ кадиломъ. Тогда послѣдніе діакона приходятъ, берутъ подсвѣчники и предшествуютъ входу. Входъ направляется внутрь святаго алтаря. Иподіаконъ же возвращается въ ту сторону, откуда вышелъ входъ, и оттуда входитъ во свя-

чтанномъ въ книгѣ проф. Кіев. дух. Акад. И. И. Малышевскаго „Александрійск. патр. Мелетій Пигасть и его участіе въ дѣлахъ русск. Церк.“ т. II Кіев. 1872 г., стр. 55—57. Въ упомянутомъ письмѣ патр. Мелетія эти названія должностныхъ лицъ переводятся на русскій языкъ. „Первый остіарій, держай лвери къ рукоположенію“. „Второй остіарій, держай моноамвило“.

¹⁾ Цѣчто въ родѣ подсвѣчника съ одною свѣчою.

той алтарь, куда направляется и самый входъ. Второй діаконъ съ кадиломъ предшествуетъ входу, останавливается предъ стасидією архіерея и кадитъ его, потомъ отходить, при пѣніи священниковъ, и первый входятъ на солею. Такимъ образомъ совершается входъ. Во время пѣнія послѣ сего прокимна domestикомъ¹⁾ (*doméstikos*) или лаосипактомъ²⁾ (*λαοσύνακτος*) на амвонѣ, при участіи сошедшихся къ нему пѣвцовъ, архіерей садится и всѣ находящіеся здѣсь епископы, также садятся и ексокатакилы³⁾ (*ἐξωκτάκηλοι*).

Послѣ же окончанія послѣдованія, поютъ всѣ вмѣстѣ: „Утверди, Боже, царей нашихъ, ей, Господи, на многія лѣта сохрани святое царство ихъ“ и еще *Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε φύλαττε*. По исполненіи сего, славословитъ архіерей и бываетъ отпустъ отъ священника. Поютъ по обычаю клирики громогласно: „Многолѣтно сотвори, Боже, святое царство ихъ на многія лѣта“ и *Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε φύλαττε*. Послѣ этого благословляетъ ихъ трижды архіерей, при пѣніи внизу стоящихъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δεσποτα*, выходитъ изъ своей стасидіи и, въ предшествіи клириковъ съ подсевѣчникомъ, какъ и въ началѣ, доходитъ до келліи своей. Здѣсь по обычаю, при восклицаніи народа: *Εἰς πολλὰ ἔτη δεσποτα*, архіерей благословляетъ ихъ однажды и отпускаетъ. Это такимъ же образомъ дѣлаетъ архіерей всегда, когда выходитъ изъ келліи своей съ тѣмъ, чтобы идти въ церковь, т. е. въ субботу вечеромъ, въ воскресенье утромъ и въ дни чтимыхъ праздниковъ.

На утро же берутъ люди архіерейскіе моноамбулъ, зажигаютъ на немъ свѣчу и идутъ съ архіереемъ въ храмъ. Когда соберутся находящіеся тамъ клирики и остальной народъ, то

¹⁾ Доместикъ перваго і втораго лику.

²⁾ Народа събиратель.

³⁾ Это были шесть первыхъ діаконѣвъ Великой Церкви, а именно: великій экономъ, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій и протекдикъ. *Εὐχολογ. Соар. pag. 240 not. 54.*

выходят на встрѣчу ему и говорятъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*. Архіерей благословляетъ однажды, входитъ въ свою стасидію и совершается послѣдованіе по обычаю¹⁾.

На великомъ славословіи совершается снова выходъ, какъ описано въ чинѣ вечерни. При пѣніи священниковъ: „Преблагословенна еси Богородице Дѣво“ до конца на таковій выходъ, впереди подсвѣчниковъ въ промежуткѣ идетъ чтець въ фелони, съ большимъ крестомъ въ рукахъ. Чтець съ крестомъ становится по срединѣ подсвѣчниковъ. Когда возвращаются въ алтарь, то онъ предшествуетъ, идетъ даже до солен и здѣсь останавливается. Послѣ входа священниковъ въ алтарь, чтець входитъ на двѣ ступени амвона и читаетъ мелодично (*λέγει μετὰ μέλους*) „Слава въ вышнихъ Богу“. По исполненіи великаго славословія внутри алтаря священниками и діаконами, входитъ снова чтець и поетъ мелодично (*ψάλλει μετὰ μέλους*) псаломъ Давида, потомъ „Воскресни Господи“ и остальные стихи. Этотъ чтець сходитъ, и входитъ domestikъ или лаосинактъ на третью ступень амвона и поетъ вмѣстѣ съ остальными чтецами прокимень. На концахъ domestikъ поетъ громко (*ἤχησμα*). Въ то время, когда поетъ этотъ прокимень domestikъ, выходятъ два чтоца съ лампадами и два діакона, позади же ихъ идетъ священникъ съ святымъ Евангелиемъ въ рукахъ, одѣтый во всю священническую одежду (*ἐνδεδουμένος τὴν ἱερατικὴν ἀπασαν στολήν*), входитъ на амвонъ съ задней стороны и сидитъ²⁾ съ діаконами до тѣхъ поръ, пока

¹⁾ Къ особенностямъ утренней службы, по Уставу Великой Церкви, нужно, между прочимъ, отнести обычай въ дванадцатые праздники читать по одной каензмѣ (А. Попов. перв. прибавл. къ Описан. ркн. библ. А. И. Хлудова стр. 15, 17; Горск. и Невостр. Опис. ркн. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 273; Toscani ad typic. graecog. Rom. 1864 an. pag. 48, 60, 68), которая по своему содержанію была близка къ празднуемому событію.

²⁾ Обычай этотъ имѣлъ мѣсто и въ практикѣ древне-русской Церкви. По поводу этого сидѣнія митрополитъ Іоаннъ II (1080—1089) въ своихъ

чтецы съ domesticiкомъ проноютъ прокимень, и „Многолѣтно сотвори святое царство ихъ“ и *Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα*. Когда говорятъ „Многолѣтно сотвори“ и т. д., встаетъ священникъ и діаконъ. Діаконъ спускается до третьей ступени амвона, чтецы съ под-свѣчниками становятся на второй ступени амвона, а на верху амвона полагается святое Евангеліе священникомъ. Второй діаконъ изъ святаго алтаря говоритъ: „Премудрость прости, услышимъ святаго Евангелія“. Священникъ имя святаго Евангелія и по порядку читаетъ святое Евангеліе. По прочтеніи его, одинъ изъ діаконѡвъ беретъ святое Евангеліе, относитъ къ архіерею, который цѣлуетъ святое Евангеліе, и благословляетъ его. Священникъ становится на послѣдней ступени амвона и ожидаетъ возвращенія діаконъ. Затѣмъ входятъ въ святой алтарь: сначала идетъ чтець съ крестомъ, затѣмъ чтецы, съ святымъ Евангеліемъ діаконъ и священникъ.

Во время произнесенія вторымъ діаконѡмъ утреннихъ прошеній, священники и діаконъ, находящіеся въ алтарѣ, снимаютъ облаченія свои и выходятъ, остается одинъ только священникъ, читавшій святое Евангеліе, и совершаетъ отпустъ. По отпустѣ снова бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей, по обычаю вышеуказанному на вечерни, архіерей трижды благословляетъ тогда. Остальное послѣдованіе совершается, какъ описано на отпустѣ малой вечерни (*μικρὸν ἐσπερινοῦ*).

На литургію архіерей является съ тѣми, которые случатся на лицо, становится въ стасидію свою, и совершается послѣдованіе по обычаю. Послѣ возвышенія святыхъ дарѡвъ, архіерей выходитъ изъ своей стасидіи, становится передъ нею и раздаетъ народу

каноническихъ отвѣтахъ даетъ такое разъясненіе: „пже въ пѣвнн „Вскресив Господя“ и „Всяко дыханіе“, „Аллилуія“ и прокимень вечерни церковныхъ ерѣбѣмъ я архіерѣбѣмъ сѣдати бѣльцемъ или простьцемъ никавоже, аще князь или царь будетъ“. Русск. Истор. библ. т. VI, 1880 г., стр. 5.

антидоръ. По окончаніи литургіи, бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей по обычаю и благословеніе народа архіереемъ.

Когда архіерей намѣревается литургисать, то собираются ексокатакилы и прочіе начальники діаконовъ и всѣ желающіе литургисать внутри стасидіи его и одѣваются въ стихари свои, равнымъ образомъ одѣваются кантрисіей (*καντρίσιος*)¹⁾ и іеромнимонъ (*ιερωνήμων*)²⁾. Облачается архіерей въ одежду свою двумя вышеуказанными начальниками, т. е. кантрисіемъ и іеромнимономъ и вручаетъ архіерей кантрисію кантрисіи³⁾, который при этомъ цѣлуетъ ему руку, а іеромнимону кондакій⁴⁾, который подобнымъ же образомъ цѣлуетъ руку владыки. Потомъ выходитъ оттуда архіерей и приходитъ на правую сторону красныхъ вратъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ двумя первенствующими изъ ексокатакиловъ, если же ихъ нѣтъ, то кантрисіемъ и іеромнимономъ. По выходѣ архіерея изъ своей стасидіи, пѣвцы поютъ громогласно: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*, а онъ благословляетъ ихъ однажды. Прежде архіерея на опредѣленное мѣсто, какъ сказано, приходитъ подстилающій установленное подножіе (*ὄφραπλοῖον τῆν τεταγμένην ποδαίαν τῆς ἀλλαγῆς*)⁵⁾ и становится обычное сѣдалище (*σέλιον*). Архіерей садится, а его окружаютъ со всѣхъ сторонъ

¹⁾ Кантрисіе, надъ кошемъ, и еже измѣнати ризы святительскія. Нѣчто въ родѣ нашего ризничаго.

²⁾ Іеромнимонъ, еже възрати молитвы на задѣ архіерея, держа столецъ, и пѣснь поа рукоположенія, иже надъ колѣны, повѣшаая надъ колѣнными образъ святителява. Это должностное лицо во многомъ напоминаетъ намъ нашего архіерейскаго чиновника.

³⁾ Сосудъ для благовонныхъ ароматовъ, употребляемыхъ при патріаршемъ служеніи.

⁴⁾ Свитокъ пергаменный или бомбицинный, намотанный на скалку и содержащій въ себѣ литургическія молитвы, писанныя съ начала свѣтка до конца его и обратно.

⁵⁾ І иже на священныхъ подеахъ. Лицо, напоминающее собою выѣшняго посолника, обязаннаго подстилатъ орлецы, при архіерейскихъ выходахъ изъ алтара. Это лицо состояло послѣднимъ въ числѣ девятой пятерницы.

намѣревающіеся священнодѣйствовать діаконы. Здѣсь онъ, если пожелаетъ, поставляетъ чтецовъ, иподіаконовъ и официалонъ, потомъ совершается начало божественной литургіи.

Во время послѣдованія приходятъ изъ святаго алтари одни только священники безъ священника, совершившаго начало, и становятся по обычаю остальныхъ близъ красныхъ воротъ. Предъ входомъ приходитъ хартофилаксъ¹⁾ или другой изъ ексекатакиловъ вмѣстѣ съ кантрисіемъ и іеромниномъ, или же ктонибудь иной изъ находящихся на лицо и имѣющихъ право первенства діаконъ съ двумя другими діаконами, призываетъ епископовъ и, приводя ихъ, ставитъ на мѣсто выше, потомъ священники становятся тамъ же, архіерей восходитъ на опредѣленное мѣсто входа и становится съ епископами и священниками. Когда они станутъ тамъ, приходитъ священникъ дѣлавшій начало вмѣстѣ съ діаконъ. Діаконъ несетъ передъ грудью святое Евангеліе, священникъ такимъ образомъ слѣдуетъ за нимъ, предшествуютъ же имъ впереди чтецы съ лампадами. Чтецы становятся подсвѣчники на опредѣленномъ мѣстѣ и уходятъ, а діаконъ передаетъ святое Евангеліе второму діакону и цѣлуетъ его архіерей на рукахъ его и, по цѣлованіи его, благословляетъ священника, совершившаго начало литургіи, и читаетъ архіерей молитву входа. По молитвѣ второй діаконъ говоритъ къ архіерей: „Благослови, владыко, святой входъ“. Архіерей благословляетъ по срединѣ и говоритъ: „Благословенъ входъ святыхъ твоихъ всегда нынѣ“. Тогда, нѣсколько отступивши отъ мѣста входа, второй діаконъ или, въ его отсутствіе, другой изъ діаконъ произноситъ громкогласно, начертывая крестъ святымъ Евангеліемъ: „Премудрость прости“, тогда удаляются крайніе діаконы, взявши подсвѣчники и совершается входъ по два въ рядъ. Когда двинется архіерей, столиціе

¹⁾ Книгохранитель, держай церковныя книжныя оправданія, судія всѣхъ правъ церковныхъ, ильвай брачевныя вины, но і въ прочихъ причетниковъ винахъ отчиститель, яко дѣснаа свитителява рука.

по объёмъ его сторонамъ чтецы говорятъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα* и поютъ это трижды до тѣхъ поръ, пока онъ войдетъ на солею. Когда онъ намѣревается войти во святой алтарь, запираютъ святыя врата его и цѣлуетъ архіерей святыя иконы, какія находятся на нихъ. Тогда пѣвцы часто и громогласно поютъ: *Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα*. Отворяютъ двери, входитъ архіерей, при пѣвнн отпустительнаго тропаря дня святаго, архіерей кадитъ кругомъ святую трапезу, потомъ беретъ у иподіакона дискрій, дѣлаетъ крестъ имъ впереди его и поклоняется и совершаетъ это трижды, потомъ отдаетъ его иподіакону. Послѣ этого совершается благожеланіе святымъ царямъ и находящемуся тогда архіерею. Доместикъ на одной изъ указанныхъ ступеней амвона произноситъ: „Господи, спаси царей“, а лаосинактъ „И услыши ны“, другой изъ чтецовъ „Слава“, потомъ произносятъ кондакъ. Второй діаконъ, обращаясь къ архіерею, говоритъ: „Благослови, владыко, трисвятую пѣснь“, показывая правою рукою конецъ ораря. Архіерей отвѣчаетъ: „Яко святъ еси Боже нашъ и Тебѣ славу возсылаемъ“ и показывая второй діаконъ ко вѣ стоящимъ орарь. Пѣвцы вѣ алтаря поютъ трисвятую пѣснь трижды, а архіерей произноситъ молитву трисвятой пѣсни. Поютъ однажды и внутри алтаря священнослужители. Пѣвецъ вѣ: „Благословите возвѣститъ славу“, пѣвцы поютъ „Славу“ мелодично и медленно. Тогда архіерей беретъ трикирій у иподіакона, дѣлаетъ впереди святаго Евангелія, лежащаго на святой трапезѣ, три креста, поклоняется и на каждое поклоненіе говоритъ: „Господи, Господи, посѣти виноградъ сей и утверди и, егоже насади десница Твоя“. Снова поется трисвятая пѣснь внутри алтаря, стоящими кругомъ святой трапезы священнослужителями, а пѣвцы вѣ поютъ *τὸ δόξαμις*¹⁾

¹⁾ Это вставочное слово въ нотныя богослужебныя греческія книги, когда-то обозначавшее характеръ самаго пѣвнн, но въ настоящее время утратило свое первоначальное значеніе и поется на ряду съ текстомъ „Святой Боже“, какъ бы его неотъемлемая принадлежность (Разумов. церк. пѣн. въ Россіи вып. I, М. 1867 г., стр. 109).

и произносятъ мелодично и медленно трисвятую пѣснь, чтобы архіерей дошелъ и сталъ на сопрестоліе; тогда снова поютъ находящіеся въ алтарѣ священнослужители всѣ вмѣстѣ трисвятую пѣснь медленно. И когда говорятъ: „Святый Боже“, архіерей благословляетъ, также онъ благословляетъ на „Святый крѣпкій“ и на „Святый безсмертный помилуй насъ“. По исполненіи этого, архіерей садится на сопрестоліе, епископы и священники раздѣляются по ту и другую сторону предстоящихъ епископовъ.

Апостоль читается на амвонѣ. Архіерей благословляетъ перваго епископа или священника и, по прочтеніи Апостола, епископъ или священникъ, получившій благословіе, говоритъ къ чтецу Апостола: „Миръ ти“. Пѣвцы поютъ „Аллилуія“. Въ то время, когда поютъ это, второй діаконъ кадитъ кругомъ святук трапезу, архіерея и всѣхъ священнослужителей. Тогда хартофилаксъ или другой кто нибудь изъ имѣющихъ первенство официаловъ, долженствующій читать Евангеліе, удаляется отъ архіерея съ двумя діаконами, становится предъ святою трапезою, трижды покланяется и беретъ святое Евангеліе. Послѣ того какъ онъ возьметъ его, говоритъ архіерею: „Благослови, владыко, евангелиста Матѳея, или Марка, или Луки, или Іоанна“. Архіерей отвѣчаетъ: „Богъ молитвами святаго славнаго и всехвальнаго евангелиста Матѳея, или Марка, или Луки, или Іоанна да дастъ тебѣ глаголы благовѣствующихъ силою многою царь силъ“. При выходѣ его изъ алтаря, предшествуютъ два чтеца съ подсвѣчниками, за ними два діакона, потомъ чтець, имѣющійся на лицо, выходятъ съ правой стороны солен, восходятъ съ задней стороны на амвонъ и становятся каждый на установленномъ ихъ мѣстѣ. При пѣніи же чтецами послѣдняго „Аллилуія“ мелодично и медленно, архіерей встаетъ съ сопрестолія, снимаетъ омофоръ свой, и обращается на востокъ и, стоя тамъ, читаетъ псаломъ: „Приклони, Господи, ухо Твое“ до конца. И когда скажетъ второй діаконъ „Премудрость прости, услышавъ святаго Евангелія“, тогда архіерей обращается къ Евангелію. По прочтеніи святаго Евангелія, архіерей произно-

сидеть къ читавшему св. Евангеліе „Миръ ти“. Потомъ сходить архіерей и остальные, архіерей приходитъ и становится предъ святою трапезою, а прочіе на установленномъ ихъ мѣстѣ. Благословитель приноситъ святое Евангеліе, архіерей цѣлуетъ Евангеліе и благословляетъ чтеца. Потомъ совершается по обычаю послѣдованіе, при чемъ іеромнимомъ держитъ свитокъ (*κοντάκιον*) архіерей и прислуживаетъ ему во всемъ съ полною аккуратностію и вниманіемъ къ исполненію священныхъ и божественныхъ молитвъ.

На входъ святыхъ даровъ приходитъ иподіаконъ, подаетъ архіерею воду, и умываетъ онъ руки свои. Затѣмъ удаляются всѣ, кромѣ только архіерея и епископовъ, въ предложеніе и беретъ каждый изъ нихъ: одинъ священный сосудъ святыхъ даровъ, другой же, чтець Евангелія, держитъ св. дискось, имѣющій въ себѣ Тѣло Господне. При выходѣ отсюда святаго входа, предшествуетъ второй діаконъ, который несетъ въ правой своей рукѣ святую кадильницу, въ лѣвой же посрединѣ локтя — омофоръ архіерея. Сзади всѣхъ святыхъ іереевъ діаконъ на плечахъ своихъ несетъ воздухъ. Впереді этого — иподіаконъ, неся въ рукахъ рукомошникъ и на плечахъ своихъ утиральникъ.

Когда совершается по обычаю послѣдованіе, во время тайныхъ молитвъ выходитъ иподіаконъ съ правой стороны святаго алтаря и становится сзади амвона. И когда возгласитъ архіерей: „Побѣдную пѣснь“, этотъ иподіаконъ поетъ мелодично: „Елицы вѣрніи“¹⁾. И снова, когда архіерей возглашаетъ: „Пріимите, ядите“, иподіаконъ снова поетъ мелодично: „Елицы вѣрніи“ трижды и опять когда архіерей возглашаетъ: „Изрядно о Пресвятѣй, Пречистѣй“, этотъ иподіаконъ трижды говоритъ: „Елицы вѣрніи“. Потомъ возвращается въ святой алтарь черезъ лѣвую сторону, и тогда совершается обычное послѣдованіе божественной литургіи.

¹⁾ На эту обязанность иподіаконовъ указываетъ между прочимъ г. Вальсамонъ въ толкованіи на 22 правило Лаодикійскаго собора (Прибавл. къ Чтен. Общ. любят. духовн. просв. 1878 г. кн. 3, стр. 1134).

По причащеніи святыхъ даровъ, инодіаконъ подастъ умывать руки архіерею и эти ополоски относятъ потомъ и выливаетъ въ опредѣленное мѣсто, гдѣ умываютъ руки и священники. Заамвонную молитву „Благословляя благословляющія Тя“ читаетъ совершитель проскомидіи¹⁾ и начинавшій божественную литургію. По прочтеніи этой молитвы, архіерей возлагаетъ орарь, раздаетъ народу антидоръ и совершается обычный отпустъ литургіи священникомъ, читавшимъ заамвонную молитву. Послѣ отпуста бываетъ многолѣтствованіе святыхъ царей и остальной чинъ, какъ сказано на вечерни и утрени. Потомъ входитъ въ діаконникъ, снимаетъ облаченіе при помощи двухъ начальниковъ, канстрисія и іероминиона, и надѣваетъ свою обычную мантию тамъ въ діаконникѣ, дѣлаетъ небольшое наставленіе священнослужащимъ и удаляется въ свою келлію²⁾.

Литія съ благословеніемъ хлѣбовъ, по древнѣйшему Уставу Великой Церкви, не совершалась на вечерни, но за то въ дни великихъ праздниковъ литія совершалась послѣ утрени на городской площади. Подобныя литія имѣли мѣсто въ практикѣ византійской Церкви очень часто и отличались иногда необыкновенною торжественностію³⁾. Для примѣра едѣлаемъ описаніе литіи въ первый день мѣсяца сентября въ начало индикта. Послѣ утрени архіерей сходилъ съ своего мѣста и шелъ въ алтарь, причемъ читалась молитва схождения. Начало не бываетъ, но діаконъ про-

¹⁾ По обычаю Великой Церкви иногда Агнецъ для литургіи вынималъ діаконъ (Мансв. Митроп. Кипріан. въ его литург. дѣятельн. М. 1882 г. стр. 139).

²⁾ Каноняч. сборн., ркп. афон. Андреев. русск. скпта, XV вѣка, л. 322—326.

³⁾ Литія эти въ Великой Церкви совершались по особенному обряду, который потомъ вошелъ въ общій Уставъ и составилъ „Чинъ бываемый въ литію хотящія Великія Церкви исходити“ (Опис. ркп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 129; Добрян. Опис. ркп. Виленск. публичн. библ., Вильн. 1882 г. стр. 314).

износить „Господу помолимся“. Послѣ возгласа архіерей „Миръ всѣмъ“, архидіаконъ „Главы наша“. Чтецы поютъ трисвятое, и всѣ шли на площадь. Послѣ чтецовъ пѣлъ то же самое народъ на площади и, діаконъ произносилъ молитву антифоновъ безъ возгласа „Благослови владыко“, но прямо „Миромъ Господу помолимся“. Поются антифоны: „Блаженъ мужъ“ съ приѣвомъ: „Заступи мя Господи“¹⁾, „Всюю паташася языци“ съ тройнымъ „Аллилуія“ и „Тебѣ подобаетъ пѣснь Воже въ Сіонѣ“ съ тропаремъ „Прибѣжище и сила“. За антифонами слѣдоваль тропарь: „Яко сущая во истину Богородица“ и ектеня, произносимая архіереемъ: „О благосостояніи всего міра“, „О благочестивыхъ нашихъ царяхъ“, „О еже непоколеблему и несожигаему и необагряему“. По ектеніи архіерей благословляетъ народъ трижды, садится на сѣдалищѣ и читается Апостоль, послѣ котораго читаетъ архіерей Евангеліе. Діаконъ повторлетъ за архіереемъ читаемое: „Во время оно вииде Іисусъ въ Назаретъ“. Во время сугубой ектеніи, архіерей благословлялъ народъ и возглашалъ „Яко милостивъ“ и „Миръ всѣмъ“, архидіаконъ „Главы наша“, архіерей читалъ молитву на главопреклоненіе и произносилъ возгласъ „Твое бо есть еже миловати“. При пѣвіи тропаря „Всея твари Содѣтелю“ процессія возвращалась въ халкопратію и совершалась литургія съ антифонами по обычаю²⁾.

При обзорѣни богослужебныхъ особенностей круга годичнаго, по Уставу Великой Церкви древнѣйшаго времени, мы не будемъ перечислять ихъ всѣхъ подробно, а остановимся для своей

¹⁾ Это мѣсто настоящей рукописи г. Ивановъ (греческое рки. Еванг., находящ. въ библ. Тавр. дух. Семии. стр. 25), а за нимъ и о. протоіерей К. Никольскій (О служб. русск. церкв., бывшихъ въ прежн. печати. богосл. книгахъ, СПб. 1885 г. стр. 110) читаютъ не вѣрно, а именно такъ: „вѣсто аллилуія, Господи помилуй“, чему противорѣчатъ даже греческій текстъ, приведенный ими въ указанныхъ мѣстахъ.

²⁾ Εοαγγελ. рки. Церк.-археол. муз. при Кіев. дух. Акад. № 502, л. 222 об., 223 об., 224.

цѣли лишь на болѣе или менѣе выдающихся. „Поклоненіе чести-
ному древу стваряется въ Велицѣй Церкви“ съ 10 сентября.
11 сентября пѣли тропарь „Спаси Господи“ и вмѣсто трисвя-
таго — „Кресту Твоему“. Чтенія изъ Апостола и Евангелія поло-
жены примѣнительно къ воспоминаемому событію. По поводу пред-
празднества вообще въ Уставѣ замѣчено: „Подобаетъ вѣдати¹⁾),
яко 4 дни поклоненіе честнаго древа преже стваряется въ сбор-
нѣй церкви отъ заутрѣняго часа до воздвиженія честнаго и Боже-
ствнаго дрѣва. На литургіи, мужемъ и женамъ съходящемъ, по
обычаю, глаголются антифоны, а въ трисвятаго мѣсто „Кресту
Твоему“. Прержъ празнуимъ Кресту 4 дни, по четвертомъ же на
10 дни мѣсяца не поется“.

Канунъ праздника Воздвиженія описывается такъ: „По
литургіи, по вознесеніи Честнаго Креста катихуми (въ катиху-
менъ?) хартофиларева помыють съсудохранильницу теплою водою
и обяжити багряними гоитаны и поясомъ, посемъ изидеть епи-
скопъ въ фелони и въ омофорѣ посредѣ катихуменъ, выше цер-
ковныхъ двѣри и перекрестивъ 3-шд, видящемъ долѣ людямъ
и славящемъ Бога, и положить пакы въ крестильницѣ, и по сѣмъ
вносить въ прѣтворы. По отворени же церковнѣмъ и по веѣмъ
пѣннѣи и по коньчнѣмъ „Господи помилуй“, бываетъ вѣходъ свя-
тителеви и абіе прокименъ „Господь воцарися“ и по 3-мъ анти-
фонѣ и по малыхъ дяконьницѣхъ бываетъ шаремья, чтеніе 1 отъ
Исхода „Поютъ Моиси“, конецъ „Ицѣбля“, чтеніе 2 отъ При-
точъ „Сыну не взнемагай“, конецъ „Яко на Господа тверда“,
чтенье 3 отъ Пророчествъ „Такъ глаголетъ Господь отвѣрста

¹⁾ Греческій текстъ этого замѣчанія можно видѣть въ Апостолѣ
рукоп. Церк.-арх. муз., но съ прибавленіемъ: „Это послѣдованіе бываетъ въ
Великой Церкви, во виѣшнихъ же церквахъ говорятся антифоны по обы-
чаю, а на третьемъ антифонѣ говорятся вышесказанный тропарь: „Спаси
Господи“, слава и нынѣ, кондакъ „Вознесиися на крестъ“. Вмѣсто трисвя-
таго „Кресту Твоему“.

будуть“, конецъ „Богъ израилевъ“ писана на ряду, и абіе поють пѣвцы тръпарь гласъ 1 „Спаси Господи люди Своя“, стихъ 1 „Господь воцарися да гневаются людіе“, стихъ 2 „Возносите Господа Бога нашего“. И по скончаньи панухиди, и идутъ съ кресты на торговище, поюще кондакъ „Вознесыйся“ и бываетъ октѣвнїа, 40 „Господи помилуй“ и молитва, посемь главъ поклонѣнїе и отпустить людіе¹⁾.

22 декабря праздновалось воспоминаніе отверженія Великой Церкви, при освященїи ея, послѣ возобновленїа въ 562 г. Въ этотъ день предъ началомъ литургїи совершалась литїа на площади. На пути пѣли тръпарь гл. 4 „Градъ твой, Богородице, въ тебе царствующій“, а при возвращенїи въ храмъ—тръпарь „Градъ нашъ, Господи, яко вселенныя око отъ всякаго Твоего праведнаго преценїа свободи“. По возвращенїи оттуда, когда подойдутъ къ великой иконѣ Спасителя, то поють „Слава Тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвала“, а когда станутъ у серебряныхъ вратъ Великой Церкви, то говорятъ „Возьмите врата“ и входятъ въ церковь. По входѣ пѣли кондакъ 4 гласа „Яко вышю тверди“, затѣмъ слѣдовало трисвятое, прокимень гласъ 3 „Велїй Господь нашъ“, Апостолъ и по порядку литургїа.

Если этотъ день приходится въ недѣлю св. отецъ, то литїа совершалась по окончанїи утрени. Патріархъ входилъ въ алтарь боковою дверью, облачался и выходилъ на амвонъ, гдѣ дѣлалъ начало. Спустившись на третью ступень, кандиловозжигатели зажигали свѣтильники патріарха, такъ какъ, по окончанїи утрени, свѣчи тушились. Процессїа направлялась изъ храма на площадь, а оттуда возвращалась съ тѣми же церемонїями, которыя описаны выше²⁾.

¹⁾ Поповъ. Первое прибавл. къ опис. ркп. библ. А. И. Хлудов. стр. 16, 17.

²⁾ Мансвет. Церковн. Устав. стр. 239; Иванов. греческ. ркп. Апостолъ, принадлеж. ц. въ г. Керчи стр. 9.

23 декабря праздновалось освященіе св. Божіей Великой Церкви. Тропарь пѣли „Возьмите врата князи ваши“, а вмѣсто Херувимской „Да молчитъ всякая плоть“¹⁾).

На канунъ Рождества Христова и Богоявленія совершаются такъ называемыя царскіе часы, за которыми присутствовалъ царь и произносилось многолѣтіе ему. Многолѣтіе это имѣло такую форму: „Многолѣтно сотвори Богъ святое царство ихъ на многа лѣта“. Немного помедливъ, діаконы произносили: „Многолѣтно сотвори Богъ державное и святое царство ихъ на многа лѣта“ и „Многолѣтно сотвори Богъ боговѣчанное, богонареченное, богособлюдаемое державное царство ихъ на многа лѣта“. Многолѣтіе произносилось на девятомъ часѣ, послѣ пѣнія стихирь²⁾).

Наканунъ Богоявленія совершалось водоосвященіе въ самой церкви въ сосудѣ предъ престоломъ³⁾).

Если праздникъ Срѣтенія приходился въ понедѣльникъ первой недѣли поста, то служили полную литургію съ часами⁴⁾).

Въ какой бы день поста не приходился праздникъ Благовѣщенія, даже еслибы случился на Страстной недѣли въ пятницу, совершалась полная литургія⁵⁾).

1 августа совершался выносъ креста и поклоненіе ему. Въ ближайшее воскресенье къ этому дню крестъ выносился изъ двора и съ нимъ, при пѣніи стихирь кресту, обходили все дворцовыя

¹⁾ Иванов. греческ. ркп. Апост. стр. 10.

²⁾ Толк. ркп. М. Синод. библ. № 381, л. 199; № 484, л. 138; Тѣхтх. ркп. той же библ. № 279, л. 202 об., 168, 180; Устав. ркп. Солов. библ. № 1128, л. 132 об., 133; ркп. св. казанск. Варсонофія л. 263; ркп. Типограф. библ. № 288, л. 166 об., 167; № 289, л. 200 об., 201; ркп. М. Синод. библ. № 331, л. 131 об.; № 337, л. 189 об.; Изв. Имп. археол. общ. 1863 г., т. VI, стр. 141.

³⁾ Мансвет. стр. 240; Иванов. стр. 11.

⁴⁾ Мансвет. стр. 235.

⁵⁾ Указаніе на это находимъ во всехъ рукописныхъ типиконахъ греческихъ и славянскихъ.

помѣщенія. Затѣмъ каждый день съ нимъ ходили по городу и городскимъ стѣнамъ, а 13 числа переносили въ обычное мѣсто его храненія, т. е. во дворець¹⁾.

Въ среду и пятницу Сырной недѣли служили литургію преждеосвященныхъ даровъ²⁾.

Наканунѣ перваго воскресенія поста или недѣли Православія патріархъ со всѣми епископами и софійскимъ клиромъ служилъ всенощное бдѣніе во Влахернскомъ храмѣ. Утромъ крестный ходъ шелъ сначала на площадь изъ этого храма для совершенія литіи, а потомъ въ Великую Церковь, гдѣ распорядитель читалъ исповѣданіе истинныхъ догматовъ³⁾.

Въ первые три дня Страстной седмицы положены панихиды съ прокимнами и чтеніями Евангелія. Кромѣ этого на „Да исправится молитва моя“ читали 4 псаломъ и Евангеліе⁴⁾.

Въ Великій четвергъ обрядъ умовенія ногъ совершался предъ литургіею въ притворѣ. Послѣ третьяго и шестаго часовъ совершалось омовеніе святой трапезы. Въ этотъ же день освящали миро. На вечернѣ пѣли тропарь „Покланяемся конію“, по случаю поклоненія конію, которымъ былъ пробужденъ Спаситель на крестѣ. Послѣ входа не было трисвятаго и ектеньи, но тотчасъ патріархъ входилъ на горнее мѣсто⁵⁾.

Въ Великую пятницу совершалась литургія преждеосвященныхъ даровъ⁶⁾.

На утрени въ Великую субботу „Блажени непорочніи“ и съ припѣвами пѣлись „народа ради“, т. е. чтобы народъ собрался въ храмъ, не прежде канона, но послѣ девятой пѣсни его

1) Мансвет. стр. 238.

2) Mign. Curs. Complet. t. 155 pag. 905.

3) Мансвет. стр. 236.

4) Ibid. стр. 244; Иванов. стр. 5.

5) Ibid. стр. 237; ibid. стр. 5, 6.

6) Ibid. стр. 244; Иванов. греческ. рип. Евангел., наход. въ библ.

Тавр. дух. Сси. стр. 23.

и свѣтильна. Самое пѣніе этихъ непорочныхъ совершалось съ тѣми же особенностями, которыя не чужды и современной намъ практикѣ. Пѣлись непорочно предъ иконою „Унынїе Господа нашего Иисуса Христа“. Предъ великимъ славословіемъ совершался выходъ. Впереди шелъ діаконь съ Евангеліемъ, прочіе діаконы съ кадиломъ, а священники—со свѣчами. Пѣвцы пѣли въ это время „Днешный тайно“. Послѣ „слава“ святитель съ архидіакономъ возглашала „Премудрость“, а священники пѣли стихирю „Проблагословенна еси, Богородице“ и затѣмъ великое славословіе. Священники и діаконы, по окончаніи великаго славословія, поднимали плащаницу надъ головою святителя, который держалъ въ рукахъ малое Евангеліе. Впереди святителя шелъ архидіаконь, имѣя въ рукахъ большое Евангеліе. Святитель пѣлъ три раза „Святый Воже“, священники и народъ повторяли то же трижды. На средипѣ храма пѣніе возобновлялось, а затѣмъ шли въ алтарь, гдѣ Евангеліе и плащаница полагались на престолѣ. Кларъ пѣлъ „Благообразный Іосифъ“ и пѣлъ „Мурносицамъ женамъ“ и читали тропарь пророчества и пареміи¹⁾.

На литургіи пѣли два антифона: первый и послѣдній, „Господи возвахъ“ со стихирю „Живоначалное Твое возстаніе славимъ“ и другой 3 гл. „Живоносное Твое возстаніе славимъ“. Послѣ произнесенія „слава“ восходитъ патріархъ на сопрестоліе и преподаетъ миръ. Тотчасъ говорится прокимень „Вся земля да поклонится Тебѣ“ съ стихами „Воскликнете Господеви“ и „Рцыте Богу коль страшна дѣла“ и читаются пареміи. На второмъ чтеніи „Свѣтися, свѣтися“ патріархъ сходитъ съ сопрестолія, идетъ въ великую крестильницу и совершаетъ крещеніе. На его мѣстѣ и на сопрестоліи полагается Евангеліе до втораго входа. Чтенія прерывались пѣніемъ стиховъ: „Помнъ Господеви“ и „Благословите вся дѣла“. Во время послѣдней пѣсни священники

¹⁾ Треби. ркп. М. Синод. библ. № 310, л. 84—92; слич. Иванов. греческ. ркп. Апост. стр. 6.

и діаконы облачаются въ бѣлыя одежды. Возвращаются ново-крещенные изъ крестильницы. Имъ предшествуетъ пѣвецъ съ пѣніемъ „Блажени ихъже оставишася“. Второй стихъ произносился въ серебрянныхъ вратахъ, а третій—на амвонѣ, когда пѣвецъ перемѣнитъ свой стихарь на бѣлый и замѣнитъ поющего „Благословите“. Совершается второй входъ въ молчаніи (ἡσυχῆ), поется „Елицы во Христа“ и читается безъ прокимина Апостолъ¹⁾. Въмѣсто аллилуія пѣли „Воскрени Боже“ до конца весь псаломъ. На 3 стихѣ сѣли и „сидѣли до конца псалма“. При пѣніи снова „Воскрени Боже“, встаютъ и стоятъ до конца Евангелія „на востокъ зрящемъ“²⁾.

Звонъ къ заутрени на Пасху начинался въ 9 часу ночи „како есть Великая Церковь узаконена“. Патріархъ и священники, облачившись, начинали „агрипнію“, по окончаніи которой пѣли кондакъ и икосъ и совершали отпустъ. Начиналось чтеніе „въ адъ сошествіе“. Затѣмъ патріархъ, священники и народъ выходили въ притворъ, становились предъ вратами церковными и дѣлали крестъ „на вратахъ“. Въ церкви для отвѣтовъ оставался одинъ изъ священниковъ. Патріархъ кадилъ церковь и народъ, громко произносилъ „Слава святѣй“ и трижды пѣли на 5 гласъ „Христосъ воскресъ“. Патріархъ произносилъ стихи: 1) „Да воскреснетъ Богъ“, 2) „Яко исчезаетъ дымъ“, 3) „Яко таетъ воскъ“, 4) „Исповѣдайтесь Господеву“, 5) „Да речетъ нынѣ домъ израилевъ“, 6) „Да рекутъ нынѣ вси боящіися“ и 7) „Сей день иже сотвори Господь“. При пѣніи „Христосъ воскресъ“, всѣ входили въ церковь. Патріархъ останавливался предъ царскими дверями и произносилъ „Составите праздники“, „слава“ и „и нынѣ“, на что клиръ отвѣчалъ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“. Всѣ становились на свои мѣста и начинали пѣть канонъ: прмосъ по дважды, а тропари по 4 раза. Послѣ канона пѣли стиховны, во время которыхъ выносили Евангеліе и

¹⁾ Мансвет. стр. 244—246; Иванов. стр. 6.

²⁾ Устав. XII в. ркп. Типогр. библ. № 285, л. 9.

полагали на срединѣ церкви. Евангеліе цѣловали патріархъ и священники, которые затѣмъ христосовались другъ съ другомъ и расходились по своимъ мѣстамъ. При цѣлованіи Евангелія народомъ, пѣли „слава и нынѣ“, „Воскресенія день“. Пѣшемъ тропаря „Веселитесь небеса и радуйся земле“, слѣдовавшимъ за стиховнами непосредственно, ектенією и отпустомъ чинъ пасхальной утрени оканчивался¹⁾.

Такимъ образомъ съ несомнѣнною можно констатировать на основаніи настоящихъ данныхъ, что Мѣсяцесловъ и Тріоди отличались по Уставу Великой Церкви полнотою хотя и не въ такой степени, какъ это было присуще преемникамъ настоящаго Устава—студійскому и іерусалимскому. Службы были обставлены необыкновенною церемоніальностію, торжественностію, благодаря многочисленному штату духовенства Софійскаго храма и множества официаловъ, исправлявшихъ тѣ или другія обязанности при патріархѣ, а также преобладаніемъ пѣнія, благодаря большому количеству прекрасныхъ пѣвцовъ, состоявшихъ въ штатѣ при соборѣ. Во множествѣ богослужебныхъ обрядовъ и церемоній видна живая связь богослужебной практики съ первохристіанскою практикою. Всенощныя бдѣнія не составляютъ неотъемлемой принадлежности Устава Великой Церкви, какъ въ Уставѣ іерусалимскомъ св. Саввы Освященнаго, но они и не отсутствуютъ совершенно, какъ въ Уставѣ Θεодора Студита. Всенощныя бдѣнія, которыя въ Уставѣ Великой Церкви называются иногда панихидами, совершались торжественно наканунѣ великихъ праздниковъ и мѣстныхъ константинопольскихъ торжествъ по поводу какихъ нибудь знаменательныхъ событій въ исторіи политической или религіозной. Количество стихиръ на „Господи воззвахъ“ не превышаетъ шести, даже и для великихъ праздниковъ. Въ службахъ вечернихъ и утреннихъ особенною торжественностію обставляются

¹⁾ Сборн. апост. и еванг. чтен., болгар. ркп. аеонск. русск. Пант. мон. л. 52.

выходы. Великое славословіе читалось. Евангеліе утреннее прозносилось въ концѣ утрени послѣ великаго славословія.

Уставъ Великой Церкви, образовавшійся по потребностямъ лицъ не монашескаго чина, благодаря тому положенію какое занимала церковь св. Софїи, какъ храмъ кафедральный, въ которомъ часто происходили богослуженія патриарха и епископовъ и притомъ въ присутствіи царя и синклита, по своей примѣнимости и удобству пользованія, былъ принятъ и въ другихъ кафедральныхъ храмахъ разныхъ провинцій византійской имперіи. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что „изъ этого божественнаго храма (т. е. св. Софїи), говорятъ Симеонъ Солунскій, какъ потоки, потекли по всей землѣ іерархи, орошая и оживляя церкви и души вѣрующихъ“, которые въ своемъ теченіи увлекали и заносили обряды и обычаи константинопольской Церкви въ подражаніе этой послѣдней¹⁾. Само собою понятно, тѣмъ же подражаніемъ, но уже мѣстнымъ соборнымъ церквамъ, объясняется распространеніе Устава Великой Церкви по церквамъ приходскимъ, городскимъ и даже сельскимъ²⁾. Вообще принятіе этого Устава въ другихъ церквахъ не было никогда дѣломъ обязательнымъ, хотя попытки подобнаго рода со стороны единичныхъ личностей и существовали³⁾, а потому на ряду съ этимъ Уставомъ продолжали существовать Уставы мѣстные - ктиторскіе⁴⁾.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. Complet. t. 155 pag.

²⁾ "Ἐτερον δὲ ἐστὶ (Τοπικὸν) τὸ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας ἕκαστῳ καὶ πάσαι εἶχον ἐκκλησίαι. Mign. t. 155 pag. 908.

³⁾ Примѣръ въ этомъ случаѣ можно видѣть въ отвѣтѣ Вальсамона патр. александрійскому Марку. „Всѣ Церкви Божиі, говоритъ Вальсамовъ, должны слѣдовать обычаю новаго Рима или Константинополя“ (Σύνταγμα κανόνων IV, 448).

⁴⁾ „И сія (т. е. особенности въ вечернѣ и Сыропустной недѣли) сущихъ ради во градѣхъ, говорится въ современномъ греческомъ Уставѣ Великой Церкви, а иже суть въ монастырѣхъ да послѣдуютъ древнимъ ктиторомъ изъ уставомъ (Типикомъ)“. Типик. Велик. Церк. 1860 г., стр. 132.

Появленіе уставовъ іерусалимскаго и студійскаго въ практикѣ византійской Церкви вытѣснило многіе порядки и обычаи Великой Церкви, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ вошли прямо цѣликомъ въ уставы эти и главнымъ образомъ въ Уставъ Феодора Студита. Симеонъ Солунскій, сообщившій весьма немало свѣдѣній о первоначальномъ Уставѣ Великой Церкви, указываетъ причину упадка литургическаго значенія этого Устава между прочимъ въ стѣсенныхъ политическихъ обстоятельствахъ Византіи, которыя наступили въ XIII столѣтіи со времени нашествія крестоносцевъ. Частнымъ же образомъ эти обычаи продолжали еще держаться въ Солуни и во время Симеона Солунскаго и не прекращались даже совершенно послѣ взятія Константинополя турками 1453 года. Хранительницею этихъ преданій была патриаршая константинопольская церковь, хотя обычаи и порядки этой церкви въ это время не отличались уже ни тѣмъ блескомъ, ни тою торжественностію, какіе мы видѣли въ храмѣ св. Софій. Тяжкія времена для греческой Церкви заставили отъ многаго отказаться изъ прежней своей практики и ютиться исключительно въ стѣнахъ своихъ полутемныхъ базиликъ. Преданія и обычаи древнѣйшаго времени держались отчасти въ практикѣ, отчасти перешли въ патриаршіи евхологіи, а отчасти, наконецъ, въ рукописныя записи, существованіе которыхъ едва ли можетъ подлежать какому нибудь сомнѣнію. Что касается приходскихъ церквей провинцій, то тамъ былъ принятъ печатный венеціанскій Типиконъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1545 году, конечно, съ соблюденіемъ прежнихъ богослужебныхъ порядковъ. Однако венеціанскій Типиконъ не могъ удовлетворить приходское духовенство, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ монастырскую практику. Стѣсенное положеніе греческой Церкви среди иновѣрнаго мусульманскаго царства, мірскія хлопоты и заботы не даютъ возможности выполнить съ точностію всѣ предписанія печатнаго Типикона, напрасно лишь отягощающія приходское духовенство, которое всячески старалось освободиться отъ Типикона, приход-

скими церквами трудно выполняемаго. Этого оно и достигло лишь только наступили для греческой Церкви нѣсколько благопріятныя времена. Въ 1838 году, съ благословеніи приснопамятнаго патріарха константинопольскаго Григорія VI, въ Константинополѣ вышелъ въ свѣтъ подъ редакцію Константина, протопсалта Великой Церкви, первымъ изданіемъ *Τοπικὸν ἐκκλησιαστικὸν παρὰ τὸ ὄφος τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας*¹⁾. Этотъ Типиконъ прямо назначался издателемъ для пользы и для однообразія повсюду въ православныхъ церквахъ, особенно же приходскихъ (*πρὸς ὠφέλειαν καὶ ὁμοφωνίαν τῶν ἀπανταχοῦ ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν, μάλιστα δὲ τῶν κατὰ πόλεις καὶ χώρας εὐρισκομένων*), такъ какъ въ силу изданія новыхъ Миней, въ которыхъ помѣщались между прочимъ и отрывки изъ Типикона, весьма часто содержащія въ себѣ новыя чинопослѣдованія, неизвѣстныя въ другихъ церквахъ, въ богослуженіи греческой Церкви замѣчалось столь великое разнообразіе, что на одинъ и тотъ же праздникъ совершались различныя обычаи и обряды, и притомъ не только въ разныхъ мѣстностяхъ и городахъ, но и въ одномъ и томъ же городѣ въ различныхъ лишь церквахъ. Это разнообразіе еще болѣе зависѣло отъ того, что ощущался большой недостатокъ „въ опытныхъ въ уставѣ предстоятеляхъ, епископахъ, кононархахъ и уставщикахъ“, какъ объясняетъ предисловіе Типикона 1868 года. Однако, устанавливая однообразіе изданіемъ настоящаго Типикона, Великая Церковь вовсе не претендовала на то, чтобы этотъ Уставъ ея былъ принятъ повсюду, всеми церквами. Напротивъ, она оставляла просторъ уставамъ до сего времени господствовавшимъ, уставамъ мѣстнымъ и ктиторскимъ, и по этому поводу высказала даже свое чрезвычайно интересное замѣчаніе въ предисловіи къ изданію Устава 1851 года. „Но убо общему правилу и уставу пребывающую томужде и неизмѣнну, говоритъ предисловіе болгарскаго Типикона 1860 года, переведенное съ греческаго изданія Типи-

¹⁾ Τοπικ. edit Constantinop. 1838 an., praefac. Τοῖς ἐντευξομένοις.

кона 1851 года, позволено есть обаче святѣйшимъ церквей предсѣдателемъ, имже духовное онѣхъ ввѣрено есть строеніе, чино-располагати въ знаніи священный Уставъ, по потребамъ времени и мѣсть и по обстоятельствамъ въ церкви на молитву собравшихся людей, опредѣляющимъ мѣста и часы, ей убо и продолженіе или сокращеніе (никогда же обаче усѣченіе или изъоставленіе) священныхъ обрядовъ, взирающимъ ко управленію, еже подъ ними христоименитаго исполненія: во иныхъ бо обстоятельствахъ имуть совершати молитву сущіи въ мирѣ и отрадѣ и благостояніи, во иныхъ сущіи въ весѣхъ и градѣхъ, а во иныхъ сущіи въ пустыняхъ и въ путешествіяхъ и въ войнѣ, во иныхъ въ священныхъ обителяхъ живущіи, а во иныхъ иже въ отшельничествѣ и молчальничествѣ ангельски подвизающіися: кромѣ же сихъ суть по мѣстомъ особніи праздники помѣстныхъ святыхъ, особную изыскающіи свѣтлость, въ томъ множае, нежели въ ономъ градѣ, или обители: отъ сихъ убо мнози бы были уставы (Типицы), существомъ убо и общимъ правиломъ тѣжде, якоже речеся и неизмѣнни, тоужде обложены простотою апостольскія древности, кратка же и несущественна призначающе измѣненія, соразмѣрно выше реченнымъ обстоятельствамъ. Сице имѣемъ Уставъ (Типикъ) іерусалимскія церкви, иже и святаго Саввы глаголется, и иныя иныхъ святыхъ церквей и честныхъ монастырей святоименныя же горы Аѳонскія и богошественныя горы Синайскія: сицевъ же нѣкій бы былъ и иже прежде десяти уже лѣтъ мною (т. е. Константиномъ протоисаитомъ) сочиненный и отъ ветхихъ назначеній (замѣчаній) составленный Уставъ Христовы Великія Церкви и тупомъ изданный при святѣйшемъ и славнѣйшемъ преднемъ патріарсѣ константинопольстѣмъ Григоріи шестомъ⁴⁾.

⁴⁾ Типик. церковн. изд. Констант. 1860 г. стр. 4, 5.

Но этого еще мало. Уставъ Великой Церкви этого изданія открываетъ свои страницы для свободнаго наполненія новыми службами и новыми чинопослѣдованіями въ честь новыхъ святыхъ и даже предполагаетъ возможность появленія новыхъ типиконевъ сообразно съ потребностями своего времени. „И понеже не оскудѣютъ никогда Христу воини и избранніи угодницы, говоритъ тотъ же Типиконъ, никогда же убо престанетъ наращаючи и умножающися словесная сія церковная утварь, елико наращаетъ и новое церковное мученикословіе и христіанъ, еже ко святымъ благоговѣніе и благодареніе соблюдается цвѣтуще и не умалемое. Отъ приложенія же новыхъ послѣдованій никакоже повреждается общій сей Уставъ и правило уставленнаго апостола-преданнаго послѣдованія“¹⁾.

Составъ Типикона Великой Церкви въ изданіи 1838 года таковъ: вводная часть, состоящая изъ порядка воскресной службы, замѣчаній относительно пѣній тропарей на раздробленіи хлѣбовъ, относительно литургій св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ, о неприличіи въ пѣніи (75 правило 6 Вселенскаго собора), о недозволеніи читать въ церквахъ постороннимъ (15 прав. Лаод. соб.) и о молчаніи во время богослуженія (изъ іерусал. Типик.); первая часть, излагающая порядокъ нѣкоторыхъ службъ по Синаксарю; вторая часть, содержащая подробныя указанія для службъ по Трїодямъ Постной и Цвѣтной; третья и послѣдняя часть содержитъ въ себѣ разныя литургическія замѣчанія, какъ напр., о праздникѣ Срѣтенія, если онъ придется въ понедѣльникъ первой недѣли поста, о праздникѣ св. Константина, если онъ приходится въ субботу Пятидесятницы, о праздникахъ, въ которые патріархъ становится на тронъ, объясненія нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній и *κατάλογος τῶν φιλογέμων συνδρομητῶν*.

¹⁾ Ibid. стр. 4, прим. 1.

Въ слѣдующихъ изданіяхъ Типикона, бывшихъ въ 1851, 1868, 1884 и 1885 годахъ переѣвъ въ составѣ Типикона мы замѣчаемъ немного. Мѣняются обыкновенно главнымъ образомъ предисловіе и статьи въ концѣ Устава. Такъ напр., въ изданіяхъ 1868 и 1884 годовъ мы видимъ въ послѣдней части чинъ освещенія храмовъ, чинъ возведенія въ патриаршество въ первый и во второй разъ, чинъ избранія патриарха, чинъ поставленія правителя, о звонѣ въ Господскіе праздники, правила относительно брака и чинъ послѣдованія умершихъ. Въ изданіи 1885 года въ Аѳинахъ къ этимъ статьямъ прибавлены еще указанія на службы въ дни царскіе и народныя празднества и изложенъ порядокъ ихъ. Что касается Мѣсяцеслова, то онъ не отличается тою полнотою, какая присуща Мѣсяцеслову другихъ типиконовъ — студійскому, іерусалимскому или даже святогорскому. Здѣсь помѣщены службы Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ и только болѣе или менѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ. Поэтому въ первомъ изданіи Типикона количество службъ синаксарныхъ не превосходить 73, а въ послѣдующихъ изданіяхъ его до изданія 1885 г. это количество колеблется между 92 и 94 службами.

Типиконъ, изданный Константиномъ протопсалтомъ въ 1838 г., былъ переведенъ на славянской языкъ и принятъ для практическаго употребленія въ болгарской Церкви. Переводъ этотъ сдѣланъ былъ съ изданія Типикона Великой Церкви 1851 года и получилъ такое заглавіе: „Типикъ церковный по чину Христовы Великой Церкви, собранъ убо отъ Константина протопсалта Великой Христовы Церкви, преведенъ же съ греческаго отъ втораго его изданія и приспособленъ, елико возможно бѣ, къ славянскимъ церковнымъ книгамъ Неофитомъ, іеромонахомъ Рыльскимъ, учителемъ славянскаго языка въ богословскомъ, еже въ островѣ Халки, училищи Великой Христовы Церкви, и нынѣ второ изданъ Георгіемъ К. Протопсалтовичемъ, въ Константинополи, въ патриаршей типографіи 1860 года“. Когда было сдѣлано первое изданіе славянскаго Типикона Великой Церкви мы не

знаемъ, такъ какъ первое его изданіе намъ не извѣстно, а посему и не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи это изданіе стоитъ къ своему прототипу. Что же касается втораго изданія 1860 года, то, имѣя его подъ руками, мы смѣло можемъ утверждать, что этотъ Типиконъ былъ переводомъ греческаго оригинала съ небольшими лишь измѣненіями примѣнительно къ славянскимъ Минеемъ. Самъ издатель о своемъ трудѣ въ этомъ отношеніи даетъ самую вѣрную и точную характеристику въ обращеніи къ читателю. „Извѣтно буди, о читателю, говоритъ іеромонахъ Неофитъ, яко стихиры, тропари, кондаки, сѣдальны, ексапостиларіи, канони и прочая пѣкаля въ славянскихъ Минеехъ не вездѣ согласуютъ съ сущими въ греческихъ, того ради вѣжды, яко Типикъ сей опредѣляетъ по большей части по греческимъ, ты же, аще хочещи послѣдовати чину Великія Церкви, придержи ся славянскихъ руководствуемъ отъ здѣшнихъ опредѣленій: сей бо Типикъ опредѣляетъ все тако, якоже въ здѣшнее время бываетъ въ Велицѣй Церкви. Многа же и приведошася здѣ отъ греческихъ Миней къ большому согласію правила церковнаго. При иныхъ убо несогласіяхъ, зримыхъ въ Минеехъ, даже и въ гласѣхъ нѣкогда не согласуются“¹⁾. Указавъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ несогласій Миней славянскихъ съ греческими, переводчикъ въ другомъ мѣстѣ заключаетъ: „Сіе (т. е. разногласіе) не причиняетъ никаковаго вреда правилу церковному, зане вся суть свята, изрядна и благочинна и та и другая: ты же, читателю, отнюдь не согрѣшиши, аще сіа или оная пѣти будещи“²⁾. Славянскій переводчикъ между прочимъ включилъ въ Синаксарь подъ 11 іюля память великой княгини Ольги, хотя не изложилъ для этой памяти службы.

Ниже мы будемъ подробно излагать по этому Уставу особенности службъ на тотъ или иной праздникъ, или на ту или иную

¹⁾ Типик. Велик. Церкви. Конст. 1860 г. стр. 9, прим. 1.

²⁾ Ibid. стр. 233, прим. 1.

память святаго, теперь же для краткой характеристике этого Устава познакомимся съ главными его особенностями. На первомъ мѣстѣ нужно поставить отсутствіе указаній въ Типиконѣ Великой Церкви малой вечерни и всенощнаго бдѣнія¹⁾. Праздничная служба, а равно и служба воскресныхъ дней обыкновенно начинаются великой вечерней, которая служится съ вечера. На „Господи воззвахъ“ положено стихирь 6 для праздничныхъ дней и въ дни памяти святыхъ, а для воскресныхъ службъ 10 стихирь. Утренняя начинается полунощницею. Литія съ благословеніемъ хлѣбовъ совершается утромъ. Евангеліе читается послѣ 8 пѣсней канона. Окончанія утрени не бываетъ, но послѣ великаго словеса, во время пѣнія котораго совершается проскомидія, непосредственно слѣдуетъ литургія. На литургіи въ праздничные дни и въ дни чтимыхъ святыхъ положены особыя антифоны. Немало особенностей въ службахъ по Синаксарю и Тріодимъ Постной и Цвѣтной, но о нихъ рѣчь впереди. Здѣсь только замѣтимъ, что службы дванадцатыхъ праздниковъ, чтимыхъ святыхъ, а особенно службы седмиць Страстной и Пасхальной обставлены необыкновенною церемоніальностію и торжественностію, благодаря тому, что въ этихъ службахъ принимаетъ участіе самъ патріархъ вмѣстѣ съ своими оффиціалами.

Такимъ образомъ и на основаніи этихъ данныхъ можно заключать, что настоящій современный намъ Типиконъ Великой Церкви, если не имѣетъ прямой и непосредственной связи съ древнѣйшимъ Типикономъ того же имени, то въ всякаго сомнѣнія соз-

¹⁾ „Въ яже во градѣхъ убо о весѣхъ священныхъ церквахъ бдѣніи (всенощному) не бывающу, аще случатся навечеріе Благовѣщенія въ среду или пятокъ, преждеосвященная литургія не бываетъ, но по 6 часѣ абіе и отпустъ. Въ церквахъ же, яже во священныхъ монастырехъ, различія ради высокаго монашескаго житія и заеже бывати бдѣнію (всенощному), бываетъ преждеосвященная литургія, уставомъ (Типиконъ) ктиторомъ ихъ древнихъ оныхъ отцевъ непреложнымъ пребывающимъ“ (Типик. 1860 г. стр. 153, прим. 1).

дался на его основѣ. За это говорятъ намъ тѣ сходныя черты современнаго Типикона Великой Церкви съ древнѣйшимъ, какія мы отиѣтили выше. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію и то, что въ современный Типиконъ Великой Церкви вошло немало особенностей и изъ Устава іерусалимскаго Саввы Освященнаго, который въ одно время, какъ мы знаемъ, вытѣснилъ даже все мѣстные Уставы греческой Церкви и сдѣлался регуляторомъ богослужебной ея практики. Доказательства для сего на лицо. Помимо чертъ сходныхъ съ Типикономъ іерусалимскимъ (пѣніе стихирь на „Господи воззвахъ“ на 10, совершеніе литій съ преломленіемъ хлѣбовъ и др.), въ современномъ Типиконѣ находятся прямыя извлеченія изъ іерусалимскаго Устава¹⁾ и ссылки на древнѣйшіе уставы²⁾, подъ которыми несомнѣнно разумѣется Уставъ Саввы Освященнаго. Все это вполне естественно въ виду пережитыхъ Великою греческою Церковью историческихъ перемѣнъ. Въ силу своего тяжелаго положенія среди мусульманъ, греческая Церковь до послѣдняго времени должна была многое оставить изъ своей обрядности: торжественность и церемониальность, присущія ея древнѣйшей практики, измѣнить на простоту и поспѣшность, роскошь и великолѣпіе на бѣдность и нищету во виѣ, благодаря матеріальнымъ недостаткамъ. Это съ одной стороны. Съ другой, внутренняя жизнь Церкви требовала сообразно съ временемъ тѣхъ или иныхъ измѣненій и переиѣнъ въ богослужебномъ строѣ, и представители Церкви, „увидѣвше разногласіе и смущеніе, случающееся во всехъ, яже во градѣхъ церквахъ... и къ престатію мнимаго стропотства, наипаче же въ простаго народа слусѣхъ, по глубинѣ духовная неразумѣющаго“³⁾, опредѣляли „преложенія“ и измѣненія сообразно съ этими потребностями. Поэтому въ нынѣшнемъ Типикѣ весьма много находимъ

¹⁾ Типик. edit. Const. 1884 an. pag. 6.

²⁾ Ibid. pag. 100, прим., pag. 118, прим. 2 и др.

³⁾ Типик. изд. Конст. 1860 г. стр. 180, прим. 1.

хотя и авторитетныхъ, но частныхъ мнѣній, высказанныхъ патріархами по тому или иному случаю въ области богослужебной практики. Болѣе всего встрѣчаемъ рѣшенія патріарховъ: Констанція I, Византія, Григорія VI и др. Отсюда-то нынѣшній Типиконъ для современнаго греческаго духовенства получаетъ особенный интересъ и значеніе. Это не просто Типиконъ, въ которомъ лица заинтересованные найдутъ указаніе на тотъ или иной случай богослужебной практики, объясненія почему такъ, а не иначе совершается въ тотъ или иной день года церковная служба и кому принадлежитъ это мнѣніе, но и практическое руководство, по которому пастыри греческой Церкви легко могутъ изучать и церковно-богослужебные порядки или Уставъ церковный и знакомиться прямо и непосредственно съ распоряженіями относительно этого высшей церковной власти.

В. Великій Евхологій и другія книги, употребляемыя на востокѣ пастырями въ практикѣ.

Нашъ приходской священникъ въ своей практической дѣятельности обыкновенно руководится двумя богослужебными книгами: Служебникомъ и Требникомъ, тогда какъ греческій священникъ въ этомъ случаѣ исполнѣ могъ бы удовлетвориться только одною книгою: *Εὐχολόγιον τὸ μέγα*, полное заглавіе которой въ русскомъ переводѣ такое: „Великій Евхологій, въ которомъ по чину содержатся семь послѣдованій таинствъ и все, что было издано въ первопечатныхъ евхологіяхъ¹⁾, прибавлены чины хиротоній, согласно съ изложеніемъ въ Архіератиконѣ, а также послѣдованіе обновленія храма по изданію въ Букарештѣ, еще апостолы и

¹⁾ Настоящее изданіе Евхологія отличается отъ первопечатнаго. Помимо иного распорядка составныхъ частей его и нѣкоторыхъ новыхъ чиновъ, въ немъ не достаеъ чиновъ, бывшихъ въ первопечатныхъ евхологіяхъ, напр.: *Ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου, φασμαμένη εἰς κομνηθέντας ὑπὸ ἑπτὰ ἱερέων, ποίημα Νικολάου μητροπολίτου Ἀθηνῶν* (Еυχолоγ. 1566 an. pag. 191 в 204) и нѣкоторыхъ другихъ.

евангелія и весьма многое другое въ погребальномъ послѣдованіи іереевъ. Все это стройно и въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ въ первопечатныхъ евхологіяхъ, изложено, нинѣ перепечатано, очищено отъ многихъ погрѣшностей и исправлено съ великимъ стараніемъ въ Венеціи 1777 г.“ Уже самое заглавіе говоритъ намъ, какъ за его настоящій составъ, исчерпывающій всю сумму богослужбныхъ чинослѣдованій и молитвословій на разные случаи, такъ и за то, что такой полноты, нинѣшняго состава эта книга достигла лишь въ сравнительно недавнее время. Такъ, напр., упомянутый въ оглавленіи чинъ обновленія храма былъ напечатанъ въ первый разъ отдѣльными брошюрками въ Букарестѣ въ 1703 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, на средства митр. Авксентія, а до того времени поимѣчался другой подобный чинъ, замѣстовавшийся въ первопечатный Евхологіи изъ рукописей. Если же мы сдѣлаемъ обзоръне¹⁾, хотя бы и въ общихъ чертахъ, исторической судьбы этой весьма важной для пастыря Церкви книги, то мы поймемъ, что прошло немало времени, прежде чѣмъ она получила свой настоящій видъ.

VIII книга Апостольскихъ Постановленій можетъ быть названа прототипомъ современнаго Евхологія. Въ упомянутую нами книгу Апостольскихъ Постановленій неизвѣстнымъ составителемъ ея были внесены послѣдованія литургій и таинствъ и молитвословія на различные случаи, т. е. если не брать во вниманіе текста составныхъ частей, всѣ тѣ части, которыя мы видимъ въ нинѣшнемъ Евхологіи. Но въ собственномъ смыслѣ исторія современнаго Евхологія должна начинаться, такъ называемымъ, Барбериновскимъ спискомъ Евхологія VIII вѣка, въ первый разъ открытаго и изданнаго въ свѣтъ съ сокращеніями²⁾ католическимъ ученымъ

¹⁾ Краткая исторія греческаго Евхологія пишется въ книгѣ проф. Мансветова „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“ стр. 9 и т. д.

²⁾ Въ полномъ и тщательно исправленномъ видѣ списокъ литургій былъ изданъ Сваинсономъ. *The greck Liturgies Lond. 1884 an. pag.*

Яковомъ Гоаромъ въ 1647 гому (Codex Barberinum № 77)¹⁾. Этотъ Евхологій, по содержанію, очень полонъ и состоитъ изъ чиновъ литургій Василя Великаго, Іоанна Златоуста, преждеосвященныхъ даровъ, молитвъ вечерни, полунощницы, утрени, хвалитныхъ псалмовъ, чина крещенія, освященія воды, муръ, храмовъ, чиновъ хиротоній, постриженія въ монахи, брака и множества молитвъ на различные случаи²⁾. Общій характеръ этой рукописи таковъ, что, не смотря на свою полноту составныхъ частей, она заключала въ себѣ главнымъ образомъ лишь молитвы и обходила, такъ называемыя, обрядовыя дѣйствія священника и діакона, вызываемыя самими молитвами. Такъ напр., въ чинѣ литургій отсутствуетъ описаніе проскомидіи, о которой даетъ слабый намекъ лишь начальная молитва, съ надписью: εὐχὴ τῷ ποιῆσει ἱερεὺς ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ ἀποτιθεμένου τοῦ ἄρτου ἐν τῷ δίσκῳ³⁾. Списковъ литургическихъ съ одними только молитвами встрѣчается весьма много въ разныхъ библиотекахъ, и всѣ они относятся главнымъ образомъ ко времени съ VIII вѣка по XIV, хотя немало извѣстно ихъ и отъ XVII столѣтія. Отсюда становится понятнымъ, почему у грековъ предпочтительнѣе предъ другими именами подобныя рукописи получаютъ названія евхологіевъ, т. е. молитвослововъ или молитвенниковъ. Правда, въ

88—94. Переводъ его на русскій языкъ напечатанъ въ собраніи полномъ литургій. СПб. 1875 г., вып. 2, стр. 120—132.

¹⁾ *Ευχολογ.* edit. Venet. 1730 an. praefac. et. pag. 83—85 et. seq.

²⁾ Подробный перечень всѣхъ статей, входящихъ въ составъ Барбериновскаго списка Евхологія сдѣланъ Бунзеномъ въ его сочиненіи *Hirpolit. und seine Zeit* band II, pag. 535—537.

³⁾ *Ευχολογ.* Goar. pag. 150 not. e., т. е. молитва, которую читаетъ священникъ въ сосудохранильницѣ, при положеніи хлѣба на дискосъ. Упомянутое нами заглавіе надъ молитвою предложенія имѣется только въ чинѣ литургій Василя Великаго, но въ чинѣ литургій св. Іоанна Златоустаго не только нѣтъ никакого надписанія надъ молитвою, но и самая молитва предложенія читается совершенно иначе. *Ibid.* pag. 83.

XIII—XIV вѣкѣ, когда въ евхологіяхъ начали появляться изложенія обрядовыхъ дѣйствій на ряду съ самыми молитвами, то и рукописи этого рода получили названія тактиконовъ (отъ *τάξις* чинъ, порядокъ), но подобное названіе удержалось за ними, какъ можно судить на основаніи незначительнаго количества самихъ памятниковъ, не долго. Представителемъ этого рода памятниковъ можно считать рукописный Тактиконъ византійскаго императора Іоанна Кантакузена (XIV в.), хранящійся нынѣ въ М. Синод. библиотекѣ подъ № 279. Составъ этой рукописи ничѣмъ не отличается отъ рукописей, носящихъ названіе евхологіевъ. Въ Тактиконѣ Кантакузена входятъ чины литургій безъ проskomидіи, послѣдованія таинствъ: крещенія, миропомазанія, брака и елеосвященія, молитвы священника вечеромъ и утромъ, служба вечеромъ въ день Пятидесятницы, обрядъ омовенія ногъ, освященія воды въ день Богоявленія, молитвы на разные случаи и порядокъ царскихъ часовъ наканунѣ Рождества, Богоявленія и въ Страстную пятницу. Между тѣмъ весьма естественно было бы удержать за настоящею книгою упомянутое сейчасъ названіе тактикона особенно въ то время, когда на страницахъ евхологіевъ въ XIII—XIV вѣкѣ явился, такъ называемый, *Διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας*¹⁾, приписываемый обыкновенно патриарху константинопольскому Филоею (1354—1355, 1362—1376 г.г.)²⁾. Однако на самомъ дѣлѣ названіе евхологіи

1) Перепечатанъ этотъ *Διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας* у Гоара въ его *Ευχολογιον* - ѣ на стр. 1—8 изъ венеціанскаго Служебника 1638 года.

2) Н. Д. Мансветовъ, изслѣдуя вопросъ о принадлежности *Διάταξις* - а патриарху константинопольскому Филоею, пришелъ къ тому положенію, что на эту принадлежность ему „Устава“ нѣтъ положительныхъ доказательствъ, кромѣ надписи въ заглавіи. „По крайней мѣрѣ, говоритъ проф. Мансветовъ, на уставѣ литургій онъ не имѣетъ правъ авторства. Этотъ послѣдній по греческимъ спискамъ извѣстенъ раньше Филоею и предупреждаетъ его дѣятельность чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ. А такъ какъ уставъ вечерни и утрени стоитъ въ самой тѣсной связи съ уставомъ литургій, и обѣ эти части носятъ печать работы одного лица, одного редактора, то нельзя не придти къ заключенію, что Филоей не былъ авто-

удерживалось за подобными рукописями даже и въ то время, когда почти самый первый листъ его украшался *Διάταξις*-омъ, который содержалъ въ себѣ лишь подробное и обстоятельное изложеніе обрядовыхъ дѣйствій отдѣльно отъ молитвъ. Очевидно, сила обычая въ данномъ случаѣ взяла верхъ, и названіе за настоящею книгою евхологій, какъ мы видѣли, перешло въ первопечатныя ея изданія и держится до настоящаго времени.

ромъ и того отдѣла, который относится къ вечернѣ и утрени. Весьма вѣроятно ему принадлежитъ окончательная редакція *ordo*, и подъ его санкціею, какъ патриарха, онъ былъ пущенъ въ ходъ и получалъ практическое значеніе“ (Митроп. Киприанъ въ его литург. дѣятел. стр. 18). Всѣ эти сужденія были высказаны покойнымъ профессоромъ почти исключительно на основаніи венеціанскихъ первопечатныхъ евхологіевъ безъ достаточнаго знакомства съ подобнаго рода рукописными памятниками, которые приводятъ насъ нѣсколько къ инымъ выводамъ. То правда, что доказать принадлежность *Διάταξις*-а патриарху Филовею нельзя въ настоящее время, но его участіе въ подобнаго рода работахъ, и что особенно важно для насъ, его участіе въ разработкѣ чина литургія въ частности, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ одной изъ рукописей Ватопедской бібліотеки XIV—XV вѣка (по каталогу этой бібл. XIII в.) мы видѣли даже толкованіе этого іерарха на чинъ литургія, неизвѣстное еще въ нашей наукѣ и озаглавливаемое такъ: *Προθεωρία κεφαλαϊώδης, περί συμβόλων και μυστηρίων ποιηθεῖσα και προτροπή και ἀλιπερ τοῦ ἱερωτάτου ἐπισκόπου Φιλοθέου* (№ 449), въ которомъ патриархъ Филовей изъясняетъ глубокія тайны христіанскаго вѣроученія, воплощенныя въ символы и обряды литургійнаго чина. Нужно думать, что это толкованіе имѣетъ въ виду чинъ литургія, по крайней мѣрѣ, время самого патриарха, который (т. е. чинъ), какъ это видно изъ самаго толкованія, во многомъ расходился съ чиномъ, намъ теперь извѣстнымъ съ его именемъ. Далѣе за труды этого патриарха въ области чинослѣдованія литургія говорить, между прочимъ, и тотъ весьма краснорѣчивый, по нашему мнѣнію, фактъ, что на Афонѣ въ настоящее время встрѣчается весьма много списковъ литургійнаго чина съ именемъ патриарха Филовея. Τοῦ μακαριωτάτου καὶ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κὺρ Φιλοθέου διάταξις τῆς θείας λειτουργίας, ἐν ᾗ καὶ τὰ διακονικά (ркп. XVI в. № 27, л. 48, бібл. русск. - афон. Пантел. мон.) или *Φιλοθέου ἁγιωτάτου*

Весьма рано на востокѣ стали выдѣлять изъ общаго состава Евхологія чина литургій, которые писались на пергаменѣ и свертывались иногда въ видѣ свитковъ на скалкѣ для удобства переноса и пользованія ими, при отправленіи богослуженія, какъ чинами чаще другихъ употребляемыми. Такого рода свитки называются илитаріями¹⁾, кондакіями и даже литургіаріями (λειτουργίριον), что въ переводѣ на славянской языкъ означаетъ Служебникъ, хотя съ этимъ послѣднимъ названіемъ мы соединяемъ нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое даетъ самое названіе и древнѣйшій составъ этого рода литургическихъ памятниковъ. Со времени книгопечатанія литургіаріи не затерялись, а попали на печатный станокъ, и явилась такимъ образомъ небольшая, но весьма удобная для приходскаго духовенства книжечка съ названіемъ: *Αἱ θεῖαι λειτουργίαι τῶν ἐν ἁγίοις πατέρων ἡμῶν*

πatriάρχου Κωνσταντινουπόλεως διατάξεις τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργίας (рпк. той же библ. 1545 г.) и др. Вотъ какъ титулуется чинъ литургіи во многихъ рукописяхъ. Но утверждая тотъ фактъ, что патріархъ Филоея принималъ дѣятельное участіе въ обработкѣ чина литургіи, мы все же не можемъ указать съ несомнѣнностію, какой изъ извѣстныхъ списковъ чина литургіи, приписываемыхъ патр. Филоею, ближе всего стоитъ къ его чину литургіи въ дѣйствительности. Точно также мы не можемъ сказать положительно даже и того, состоялъ ли чинъ литургіи изъ одного устава, или въ немъ были и молитвы, потому что мы видѣли такіе списки литургіи съ именемъ патріарха Филоея, въ которыхъ *Διάταξις* стоялъ отдѣльно отъ молитвъ (рпк. № 27 библ. русск. Пант. мон.), такіе, въ которыхъ и молитвы и *Διάταξις* представляли одно цѣлое (Рпк. Свят.-гроб. библ. въ Конст. № 425 XVI в.) и наконецъ, такіе, въ которыхъ соединеніе это сдѣлано было весьма неумѣло и какъ бы говорило за то, что въ свое время *Διάταξις* стоялъ отдѣльно отъ молитвъ (рпк. русск.-афон. Пант. мон. 1545 г.). Вообще же намъ думается, что окончательное сужденіе относительно *Διάταξις* - а патріарха Филоея, можетъ быть высказано опредѣленно лишь впоследствии, когда будетъ изучено достаточное количество списковъ этого чина.

¹⁾ Названія рукописей илитаріями и кондакіями указываютъ на ихъ форматъ и противопоставляются другому названію ихъ тетрадами (*tetradion*).

Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, Βασιλείου τοῦ μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ διαλόγου ἤτοι τῶν προηγιασμένων, ἐν Ἐτίσιον 1785. Т. е. „Боже-ственные литургии во святыхъ отецъ нашихъ Иоанна Златоуста, Василя Великаго, Григорія Двоеслова или преждеосвященныхъ даровъ, Венеція 1785 г.“ Самое заглавіе вполнѣ исчерпываетъ содержаніе настоящей книги. Кромѣ упомянутыхъ чиновъ литур-гій, изложенныхъ согласно съ „Большимъ Евхологіемъ“, въ ней нѣтъ ничего. Отсутствуетъ даже чинъ проскомидіи.

Казалось бы, что упомянутыми нами книгами Евхоло-гіемъ и Литургіаріемъ современный приходской священ-никъ православнаго востока долженъ быть бы вполнѣ удов-летворенъ. Въ нихъ онъ можетъ найти все, что требуется для него въ приходской практикѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто иное. Современная греческая Церковь нашла упо-требленіе Евхологія не вполнѣ пригоднымъ для приходскаго духовенства, отчасти въ виду дороговизны этой книги, а глав-нымъ образомъ въ виду ея непригодности къ обстоятель-ствамъ даннаго времени. Поэтому аѳенскій синодъ и нѣкоторые частныя лица, хорошо знакомыя съ потребностями греческаго при-ходскаго духовенства, нашли необходимымъ издать для него нѣсколько другихъ книгъ, которыя или замѣнили бы собою Вели-кій Евхологіи, или дополнили бы то, чего не достаетъ въ этомъ послѣднемъ. Такъ какъ болѣею частію этими книгами греческое духовенство нашего времени руководится въ своей практической дѣятельности, то мы нѣсколько подробнѣе познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Первое мѣсто между этими книгами должна занимать книга: Ἱεροτελεστίου τοῦ βιβλίου, полное заглавіе которой такое: „Книга священнодѣйствій, сочиненная Геронимомъ Богіатзи, учи-телемъ греческаго языка Димитзану, второе изданіе В. Секопула, по опредѣленію священнаго синода и министра церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для пользы священниковъ и всякаго хри-стіанина, въ Патрахъ 1881 г.“ Настоящее изданіе уже по счету

второе. Первое ея изданіе, кажется, вышло въ 1868 г. Вся книга раздѣляется на двѣ части, такъ сказать, на теоретическую и практическую. Въ первой части сдѣланы объясненія названій суточныхъ службъ и богослужебныхъ терминовъ, входящихъ въ эти службы (гл. 1), значенія священныхъ облаченій (гл. 2), сосудовъ и принадлежностей храма (гл. 3), изъясненіе литургіи (гл. 4), нѣчто въ видѣ выдержекъ изъ нашего учительнаго извѣстія, какъ-то: касательно приготовления священника къ литургіи, приготовления нужныхъ сосудовъ и облаченій, просфоръ и вина и касательно случая забывчивости священника влить вино съ водою въ сосудъ (гл. 5), а также, если священникъ заболѣетъ во время литургіи или умретъ, если позовутъ священника крестить больного дитя во время литургіи, если церковь загорится или поколеблется землетрясеніемъ (гл. 6), если священникъ замѣтитъ, что св. Агнецъ тронуть мышью, а въ св. чашу упалъ паукъ, или какое нибудь изъ вредоносныхъ животныхъ до освященія св. Даровъ, или послѣ освященія, если частица крови будетъ пролита на полъ или на одежды, или пролить весь сосудъ, или упадетъ на полъ св. Агнецъ (гл. 7), наконецъ, касательно приготовленія Агнца на цѣлый годъ въ Великій четвертокъ (гл. 8), чинъ малой панихиды (*αχολοβία τοῦ νεκροῦ τριημέρου*), ектенія въ субботу поминальную, чинъ погребенія на Пасху (гл. 9), входные стихы и отпусты въ Господскіе праздники, молитва надъ кающимися, молитва надъ коливомъ, возгласы послѣ каждой пѣсни канона на Пасху, образецъ каноническаго свидѣтельства и молитва святаго епископа іерусалимскаго Модеста, читаемая надъ всякою смертною болѣзнію и болѣзнію быковъ, лошадей, ословъ, лошаковъ, овецъ, козъ, пчелъ и остальныхъ животныхъ. Въ эту же часть входитъ канонъ предъ св. причащеніемъ, который читается съ вечера во время повечерія, послѣ „Вѣрую во единого Бога“, и служить для приходскихъ священниковъ православнаго востока вечернямъ правиломъ. За этимъ канономъ слѣдуютъ молитвы предъ причащеніемъ (*τῆ δὲ ἐπαύριου*), предваряемая лишь обычнымъ началомъ,

и молитвы послѣ причащенія (*eucharisticos meta tyn theiwn metalyfyn*). Эти послѣднія молитвы имѣютъ въ началѣ „побудительные стихи на сіе благодареніе“, которые въ переводѣ читаются такъ: „Когда бы сподобился прекраснаго общенія животворящихъ таинственныхъ Даровъ, тотчасъ воспой, принеси великую благодарность и отъ глубины души скажи Богу: Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже“. Первая часть настоящей книги оканчивается послѣдованіемъ надъ священникомъ, соблазвившимся во снѣ.

Вторая часть книги содержитъ уже въ собственномъ смыслѣ Служебникъ. Начинается эта часть чиномъ вечерни, за которымъ слѣдуютъ чины повечерія, полунощницъ дневной и воскресной, утрени, послѣдованіе божественной литургіи, бываемое такимъ образомъ въ Великой Церкви и на святой горѣ аеонской (*Διάταξις τῆς θείας λειτουργίας, γινομένης οὕτως ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει: κλπ.*), чины литургіи Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Григорія Двоеслова. Оканчивается эта часть книги ежедневными вечерними прокимнами, Типикономъ церковнаго послѣдованія для дней высокаторжественныхъ и ознаменованныхъ важнѣйшими событіями въ исторіи греческаго народа и прославленіемъ великой среды съ исторіею ея, написаннымъ силлабическими стихами. Какъ на особенность этой части книги, нужно обратить вниманіе, между прочимъ, на то, что въ ней молитвы всѣхъ чиновъ излагаются въ самыхъ послѣдованіяхъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по Уставу, должны произноситься священникомъ. Описаніе обрядовыхъ дѣйствій здѣсь изложено весьма обстоятельно, примѣнительно къ Уставу Великой Церкви, употребляемому въ богослужбной практикѣ современныхъ греческихъ церквей. Здѣсь такъ же, какъ въ Типиконѣ Великой Церкви, затруднительные случаи практики, или мѣста чиновъ, важныя въ догматическомъ отношеніи, объясняются примѣчаніями подъ строкою.

Такимъ образомъ, *Ἱεροτελεστικόν* тебѹс Іеронима Богіатзи ближе всего подходитъ къ нашему современному Служебнику, хотя

отличается от него значительною полнотою, обстоятельностью и большею логическою послѣдовательностію въ изложеніи. Эта книга даетъ все необходимое современному пастырю греческой Церкви, при отправленіи имъ суточной службы. Ему, приготовляясь къ совершенію литургіи, нѣтъ надобности перебѣгать отъ Службника къ Требнику, отъ этого послѣдняго къ Каноннику для того, чтобы выполнить всѣ предписанія нашей церковно-богослужебной практики, требующей отъ нашихъ пастырей—совершителей литургіи весьма многого. Пастырь востока въ этой книгѣ найдетъ не только то, какимъ образомъ совершается тотъ или иной чинъ суточной службы, но и то, почему совершается такъ, а не иначе, и какъ объяснить значеніе того или иного литургическаго термина, той или иной богослужебной принадлежности и т. д.

Въ области Требника практика греческой Церкви еще не выработала подобной книги, но частныя попытки въ области отдѣльныхъ чинопослѣдованій уже сдѣланы и весьма удачно. Къ числу подобнаго рода изданій, имѣющихъ въ виду запросы приходскаго духовенства, принадлежитъ книга: Ἐξομολογητάριον, полное заглавіе которой читается такъ: „Исповѣдникъ или душеполезнѣйшая книга, содержащая сокращенное ученіе для духовника, какъ онъ долженъ исповѣдывать съ пользою, (епитимійные) каноны св. Іоанна Постника, точно истолкованные, откровенный совѣтъ кающемуся, какъ онъ долженъ исповѣдываться надлежащимъ образомъ, и душеполезное слово о покаяніи, извлеченное изъ твореній разныхъ учителей и въ наилучшій порядокъ приведенное подвижникомъ святой горы приспомянутымъ учителемъ Никодимомъ, девятое изданіе, Венеція, 1885 г.“

Чинъ исповѣди, какъ въ нашемъ Требникѣ, такъ особенно въ греческомъ Евхологіи (ἄχολογία τῶν ἑξομολογησέμενων) принадлежитъ къ самымъ неупорядоченнымъ. Ни въ одномъ изъ чиновъ не предоставлено столько свободы современному пастырю, какъ именно въ этомъ чинѣ, особенно въ моментъ тайной исповѣди кающихся предъ священникомъ. Еще въ нашемъ Требникѣ сдѣ-

лана хоть какая, нибудь попытка указать священнику - исповѣднику на тѣ вопросы, которые онъ можетъ предлагать кающимся для того, чтобы привести имъ на память грѣхи и расположить къ свободному изложенію ихъ передъ нимъ, и даже приведены, хотя и не вполне удачно, и примѣры самыхъ грѣховъ, тогда какъ въ греческомъ Евхологіи даже и этого нѣтъ. Здѣсь предписаніе касательно вопросовъ священника къ кающемуся выражено весьма общѣ, слѣдующею неопредѣленною фразою: „и спрашиваетъ его (т. е. кающагося) духовникъ о всѣхъ согрѣшеніяхъ его“¹⁾. Между тѣмъ нигдѣ не требуется отъ пастыря столь обширныхъ знаній человѣческой природы, человѣческаго сердца, духовной опытности и богословско-каноническихъ познаній, какъ при совершеніи этого таинства, для котораго не достаточно имѣть право исповѣдывать кающихся и читать надъ ними въ Требникѣ положенныя при исповѣди молитвы. Поэтому-то вотъ современная греческая Церковь право исповѣди усваиваетъ не всѣмъ пастырямъ, а только извѣстнымъ опредѣленнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ опытнымъ и обладающимъ обширными познаніями духовнымъ лицамъ. Въ греческой Церкви не всякій пастырь духовникъ, а лишь особо для сего назначенный священникъ и имѣющій у себя грамоту отъ епископа на право исповѣди. Поэтому-то съ весьма давнихъ поръ²⁾ въ греческой Церкви появлялись попытки создать для этихъ духовниковъ особенныя руководства, въ которыхъ не только опредѣлялись бы качества духовника, правила относительно наложенія епитимій на кающихся и совершенія чина исповѣди, но и самый способъ исповѣди приходящихъ къ нему

¹⁾ *Ευχολογ.* edit. Venet. 1777 an. pag. 190.

²⁾ Значительно раньше Ексомологитарія святогорца Никодима были извѣстны слѣдующія подобныя сочиненія: а) *Ἐξομολογητάριον ἀναγκαῖον περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς μετανοίας παρὰ Νεκηφόρου ἱερομονάχου τοῦ πασχαλέως ἐν Ἐπίτησιν 1673* и б) *Διδαχαιαὶ ὠφέλιμοι περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως παρὰ Χρυσάνθου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἱεροσολύμων ἐν Ἐπίτησιν 1724.*

лицъ разнаго положенія въ обществѣ, въ духовной и гражданской іерархіи и притомъ разныхъ по возрасту и по полу. Упомянутая нами книга святогорца Никодима († 1809), заглавіе которой мы цѣликомъ привели выше, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворяетъ своему назначенію. За это между прочимъ говорить и то обстоятельство, что въ 1885 году эта книга является въ свѣтъ уже девятымъ изданіемъ. И дѣйствительно, эта книга драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ: она въ одинаковой мѣрѣ полезна для духовниковъ и кающихся грѣшниковъ. Для первыхъ она важна въ томъ отношеніи, что въ ней полно и ясно изложено ученіе о качествахъ, познаніяхъ и добродѣтеляхъ духовниковъ, объяснены епитимійные каноны св. Іоанна Постника и указаны средства для кающихся, которыя можетъ предлагать духовникъ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Для кающихся здѣсь предлагаются вопросы относительно грѣховъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей закона Божіа, напоминаются имъ грѣхи обыкновенные, тяжкіе и смертные и тѣмъ дается полная возможность высказать все то, что лежитъ у нихъ на совѣсти, откровенно, безъ чего не можетъ принести пользы и самая исповѣдь. Поэтому въ этой книгѣ мы находимъ особые вопросы къ царямъ, архіереямъ, монахамъ всѣхъ родовъ, настоятелямъ монастырей, самимъ духовникамъ, мужчинамъ, женамъ и дѣтямъ. Въ концѣ книги помѣщено внушительное и трогательное слово о покаяніи, изъ котораго духовникъ можетъ въ изобиліи черпать наставленія для кающихся. Иногда обстоятельныя ученія примѣчанія, разсѣяныя авторомъ во множествѣ подъ строкою, не только уясняютъ смыслъ самой книги, но главнымъ образомъ правильное пониманіе канонъ соборныхъ и смыслъ церковной практики. Въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ говорить о совершеніи покаянія въ современной греческой Церкви, мы вернемся къ этой книгѣ и познакомимъ нашихъ читателей болѣе обстоятельно съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ ея главъ.

Имѣя въ виду то обстоятельство, что греческій *Μέγα εὐχολόγιον* содержитъ въ себѣ чины хиротоній, освященія храмовъ и мѳра и другіе чины и молитвы¹⁾, употребляемые главнымъ образомъ при архіерейскомъ богослуженіи, можно было бы подумать, что въ изданіи особой книги въ родѣ нашего Архіерейскаго Чиновника, содержащаго исключительно почти чины, совершаемыя архіереемъ, въ греческой Церкви не имѣется надобности. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и у насъ на Руси, для архіерея издается особый и притомъ въ большой форматъ листъ *Ἀρχιερατικόν* или „Книга архіерейскаго служенія, содержащая въ себѣ божественныя и святыя литургіи Іоанна Златоуста, Василия Великаго и Григорія Двоеслова или преждеосвященныхъ, еще же и чины всѣхъ хиротоній, изданныя уже для пользы архіереевъ, нынѣ (г. е. 1778 г.) вторымъ изданіемъ напечатанныя съ нѣкоторыми необходимыми молитвами стараніемъ и издержками Кирилла, архіепископа Фивандскаго, Синайской горы, въ Венеціи. 1778 г.“ Настоящее заглавіе достаточно ясно говоритъ о содержаніи самой книги. Что касается „необходимыхъ молитвъ“, упоминаемыхъ въ заглавіи, то подъ ними подразумѣваются молитвы: надъ коливомъ, надъ кающимаися, прощальныя надъ умершими, на благословеніе вай, яствъ на Пасху, винограда и иконы, а также чинъ малаго водоосвященія и отпусты утромъ и вечеромъ въ господскіе праздники. Изложеніе самыхъ чиновъ ничѣмъ не различается отъ напечатанныхъ въ „Вольшомъ Евхологіѣ“. Чины литургій состоятъ только изъ молитвъ и возгласовъ, произносимыхъ архіереемъ во время литургіи, изложенія же обрядовыхъ дѣйствій, архіерейскаго ритуала нѣтъ.

¹⁾ *Ευχολογ.* 1777 an. pag. 135—161 et seq.

Г. Устройство храмовъ въ Константинополь и на Аѳонѣ, ихъ украшенія, происхожденіе и характеръ священной живописи и богослужебныя принадлежности.

Съ паденіемъ Константинополя 29 мая 1453 года, знаменитый городъ святаго Константина дѣлается столицею турецкаго государства и изъ христіанскаго постепенно потомъ превращается въ магометанскій. Великолѣпнѣйшіе храмы Константинополя, бывшіе предметомъ удивленія современниковъ и образцомъ подражанія для позднѣйшихъ поколѣній, превращаются, по волѣ завоевателей, въ мечети. Такой участи прежде всего подвергся, краса Константинополя и гордость строителя императора Юстиніана, храмъ св. Софійи. Что же касается другихъ константинопольскихъ храмовъ, то они были на время пощажены изъ видовъ чисто политическихъ. Султанъ Магометъ II, завоеватель Константинополя, желая привлечь на свою сторону греческаго патріарха и греческое духовенство съ тѣмъ, чтобы населить разоренный городъ жителями греками, перваго іюня 1453 года утвердилъ избраніе въ патріархи знаменитаго инокъ, борца православія, Геннадія II Схоларія (1453—1460) и далъ ему два фирмана, которыми гарантировались права и привилегіи Церкви на все послѣдующее время. Въ одномъ изъ фирмановъ относительно христіанскихъ храмовъ прямо говорится: „храмы христіанъ пользуются безопасностію и ни подъ какимъ видомъ не должны быть превращены въ мечети“. „Жители, говорилъ завоеватель Константинополя, при сдачѣ на капиталіцію Галаты, сохранять свою вѣру и свое ибніе, но запрещается имъ бить въ колокола и доски; я не буду обращать въ мечети церквей, но они не могутъ строить новыя Церкви, какъ это соблюдается во вѣхъ областяхъ, подвластныхъ нынѣ владычеству моему“. Но преемники Магомета не раздѣляли взглядовъ мудраго завоевателя и стали мало-по-малу посягать на неприкосновенность христіанскихъ храмовъ. Такъ, напр., Балаетъ II (1481—1512), первый рѣшился закрыть нѣсколько христіан-

скихъ храмовъ, а патріарха Іоакима (1500—1504, 1505—1506) едва не лишилъ кафедры за то, что онъ свой кафедральный храмъ рѣшился покрыть позолоченной черепицей безъ дозволенія султана. Селимъ I (1512—1520), преемникъ Баязета, уже посягнувъ и на то, что общалъ бюети завоеватель, т. е. воспретилъ христіанское богослуженіе и приказалъ обращать христіанскіе храмы въ мечети. Сулейманъ (1520—1566) запретилъ христіанамъ строить вновь каменные храмы и приказалъ съ церкви Всеблаженной, которая послѣ церкви Двѣнадцати Апостоловъ сдѣлалась кафедральной, снять золотой блестящій крестъ. Его преемникъ Селимъ II (1566—1574) едва, только послѣ значительнаго выкупа, не построилъ на мѣстѣ храма Всеблаженной мусульманскую мечеть. Мурадъ III (1574—1595), сначала благосклонно относившійся къ христіанамъ и позволившій патріарху Іереміи II (1572—1579, 1580—1584, 1586—1594) сдѣлать богатый патріаршій тронъ и поставить надъ куполомъ золотое изображеніе Іисуса Христа, потомъ, по убѣжденію муфтія, издалъ приказаніе 30 христіанскихъ храмовъ обратить въ мечети, такъ какъ, по словамъ Мурада, „размножились несовѣдники ислама и нуждаются въ мечетяхъ“. Въ числѣ храмовъ константинопольскихъ подверглась страшному разорвнію патріаршая церковь, изъ которой патріаршій экзархъ успѣлъ вынести лишь нѣкоторыя ея драгоценности, а именно: мозаическія иконы Божіей Матери и Предтечи, патріаршій тронъ, по преданію принадлежащій Іоанну Златоусту и мощи св. Евфросиніи, Соломоніи, матери Маккавеевъ и царицы Теофаніи. Поэтому нѣтъ ничего преувеличеннаго въ томъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ (Герлахъ въ письмѣ Мартину Крузію), къ началу XVII столѣтія въ Константинополѣ оставалось 44 храма изъ предѣльныхъ 86¹⁾, а къ концу этого столѣтія ихъ

¹⁾ Полный перечень древнѣйшихъ константинопольскихъ храмовъ имѣется въ книгѣ Григоровича-Барскаго „Путеш. къ свят. мѣстамъ“ стр. 498—505. По его вычисленію, 12 церквей было посвящено имени Христа, 48 — имени Богоматери и 17 — Ангелая.

было всего на всего 26 церквей и притомъ самыхъ бѣдныхъ. Это систематическое превращеніе христіанскаго города въ мусульманскій было на столько печально по своимъ послѣдствіямъ, что невольно поражало путешественниковъ, которымъ приходилось бывать въ этомъ когда-то славномъ городѣ. „Къ общему всѣхъ христіанъ сожалѣнію, пишетъ нашъ извѣстный путешественникъ по востоку В. Григоровичъ-Варскій въ 1744 году, въ несказанный упадокъ сей преславный градъ пришелъ. Красота царскихъ палатъ, великолѣпіе, превосходившее вѣроятіе, сокровища святыхъ Божіихъ церквей, мраморомъ, живописью, мусією, златомъ и серебромъ преукрашенные христіанскіе храмы и монастыри, княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе дома, на высочайшую степень взшедшія науки и художества, почти въ совершенное уничтоженіе приидоша. Святныя церкви въ Магометовы капища и мусульманскія мечати съ 1453 года обращены“¹⁾.

Но фанатизмъ мусульманскихъ владыкъ не только оказалъ вліяніе на сокращеніе христіанскихъ храмовъ въ количественномъ отношеніи, но и возымѣлъ непосредственное воздѣйствіе на ихъ конструкцію, архитектурныя формы. Турецкіе султаны, желая сдѣлать изъ Константинополя столицу мусульманскаго міра, старались всячески унижить христіанство и уничтожить въ немъ все, что бы напоминало имъ о томъ, что это городъ древне-христіанскій. Поэтому, обращая во множествѣ константинопольскіе храмы въ мусульманскія мечети, они не позволяли христіанамъ строить новыхъ церквей, а если и удавалось имъ достигнуть разрѣшенія путемъ подкуповъ и подарковъ властямъ константинопольскимъ, то ставили въ непремѣнное условіе, чтобы эти храмы не были выше обыкновенныхъ жилыхъ домовъ и не имѣли бы на себѣ знаковь, указывающихъ на ихъ религіозное значеніе, такъ напр., куполовъ, крестовъ и т. п. Поэтому христіане Константинополя

¹⁾ Путеш. къ свят. мѣстамъ. СПб. 1778 г., стр. 506.

должны были обратиться для своихъ храмовъ къ тѣмъ архитектурнымъ формамъ, которыя были выработаны въ христіанствѣ на первыхъ порахъ его тяжелаго существованія среди господствующаго язычества, когда о купольной формѣ Юстиніановскихъ храмовъ еще не думали и не могли думать, т. е. къ базиличнымъ формамъ. Древне-христіанская трехъ-нефная базилика съ выдающимися однимъ или тремя абсидами (полукружіями) на сторонѣ противоположной входу, представляла весьма приличное и удобное мѣсто для богослуженія гонимыхъ константинопольскихъ христіанъ съ одной стороны, а съ другой, будучи невысокимъ зданіемъ съ двускатною черепичною кровлею, съ трехъугольнымъ фронтономъ на переднемъ и заднемъ фасѣ, это зданіе какъ разъ удовлетворяло вкусу турецкаго правительства, желавшаго затерять христіанскіе храмы въ массѣ скученныхъ домовъ Константинополя. Такую базиличную форму имѣютъ нынѣ почти все храмы Константинополя¹⁾, начиная съ „Великой Церкви“ или патриаршей и кончая самой послѣдней въ отдаленнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ константинопольскихъ закоулкахъ Феперя или Фанаря. Отсюда-то имѣтъ ничего удивительнаго, что современный туристъ, путешествуя въ грязныхъ и необычайно узкихъ переулкахъ столицы падишаха, весьма часто и не подозреваетъ, что онъ находится близъ православнаго храма, который только и можно распознать съ галлерей какого нибудь

¹⁾ „Православныхъ церквей въ Константинополѣ не много, видѣть извѣстный святогорецъ, а если и есть, то въ родѣ домовыхъ безъ куполовъ и безъ звона“ Сочин. святог. Писма къ друз. своимъ о св. горѣ аѳон. М. 1883 г., стр. 10. Слнч. Изъ путеш. въ свят. землю, впец. и заѣт. прот. Ковальниц. в. I, СПБ., 1886 г., стр. 33. Въ настоящее время въ Константинополѣ звонятъ свободно, на что константинопольскіе христіане получали право только въ 1856 году, и устроены при церквахъ небольшія звонницы или колокольни, на которыхъ висятъ по два и по три небольшихъ колокола. По формѣ своей (см. рисунокъ въ Труд. перв. археол. съѣзда въ М. 1867 г., изд. М. 1871 г., стр. 306, ч. I) константинопольская колокольня представляетъ небольшую деревянную башенку въ одинъ

пятиэтажного или шестиэтажного дома, по формѣ крыши зданія, и, пожалуй, едва свѣтлѣющемуся, желѣзному, позолоченному кресту на гребнѣ кровли, близъ алтарнаго абсида. Жалки христіанскіе храмы въ Константинополь и на столько бѣдны по внѣшности, что во многомъ уступаютъ даже сосѣднимъ домамъ частныхъ владѣльцевъ, особенно если эти сосѣди иностранцы...

Все зданіе современнаго константинопольскаго храма представляетъ небольшой продолговатый четырехугольникъ съ двумя короткими и съ двумя длинными сторонами. Зданіе двумя рядами колоннъ, идущихъ параллельно длиннымъ сторонамъ, дѣлится на три корабля или нефа. Средній корабль вдвое шире боковыхъ и значительно выше ихъ и ограничивается внизу двумя рядами, параллельно расположенныхъ колоннъ, а вверху стѣнами, которыя покоятся на архитравахъ или балкахъ, соединяющихъ эти колонны. Въ верхнихъ частяхъ стѣнъ по бокамъ параллельно устроются небольшія окна для освѣщенія внутренняго пространства зданія. Большихъ размѣровъ окна имѣются въ главныхъ длинныхъ стѣнахъ и въ стѣнахъ абсидовъ. Колонны изъ мрамора и большею частію разныхъ цвѣтовъ съ дорическими, а иногда византійскими, капителями. На сторонѣ противоположной входу устроится одинъ или три полукруглые абсида, выдающіеся наружу. Въ однихъ храмахъ средній и главный изъ абсидовъ служитъ алтаремъ, а боковые—діаконникомъ и жертвеннымъ отдѣленіемъ, или скевофилакіемъ, а въ другихъ боковые абсиды тоже заняты алтаремъ съ остроконечнымъ верхомъ, увѣнчаннымъ небольшимъ крестикомъ. Причты нѣкоторыхъ храмовъ (напр., св. Николая въ Галатѣ) начинаютъ подумывать о сооружеіи настоящихъ колоколенъ, и на сей предметъ дѣлаются уже сборы пожертвоваіи. Въ Константинополь, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ храмахъ и доселѣ употребляютъ била (изображеніе бильницы константинопольскихъ храмовъ см. тамъ же), которыя нѣсколько отличаются отъ аеонскихъ. Желѣзное било (*σίδηρον*) имѣетъ видъ дуги съ оконечностями въ видѣ треугольниковъ и иногда—видъ обыкновенной доски, а деревянное било (*ξύμαντρον*)—видъ доски съ закругленіями по краямъ (изображеніи этихъ билъ тамъ же).

рми, и такимъ образомъ весь храмъ состоитъ изъ трехъ престоловъ: главнаго и двухъ придѣльныхъ. По линіи, отдѣляющей абсидъ отъ середины храма, стоитъ иконостасъ. Онъ не великъ, обыкновенно одноярусный, съ прибавленіемъ одного и изрѣдка двухъ ярусовъ небольшихъ иконъ, изображающихъ дванадцатые праздники, пророковъ и апостоловъ. Надъ иконостасомъ вверху водружается Распятіе съ предстоящими женами и иногда безъ нихъ. Порядка въ размѣщеніи иконъ въ главномъ ярусѣ иконостаса нѣтъ. Спаситель изображается на правой сторонѣ, Божія Матерь на лѣвой, а далѣе царить полнѣйшій произволъ. Намѣстѣ, гдѣ у насъ обыкновенно стоитъ храмовая икона, мы не видѣли ничего подобнаго. Въ алтарь ведутъ три двери. Среднія или царскія двери¹⁾ состоятъ изъ двухъ небольшихъ половинокъ, съ вырѣзкою по поясъ священника на верху, такъ что черезъ это, когда бываетъ открыта катапетасма, дѣйствія священника въ алтарѣ видимы всѣми молящимися. Завершаются обѣ половинки византійскимъ орломъ съ изображеніемъ того святаго, имени котораго посвящается храмъ. Кромѣ Благовѣщенія на царскихъ вратахъ изображаются св. Іоаннъ Златоустъ и Григорій Богословъ (напр. въ патріаршей церкви) и нѣкоторые другіе святые. Изображенія евангелистовъ здѣсь мы не видѣли. Въмѣсто завѣсы большою частію устрояются задвижки²⁾ во всю высоту иконостаса. Задвижки эти представляютъ четырехугольную раму, покрытую бархатомъ или чернымъ сукномъ съ вышитыми на немъ золотомъ изображеніями благословляющаго Спасителя въ чашѣ (это въ большинствѣ храмовъ и на завѣсѣ для будничныхъ дней), а

¹⁾ Греки эти двери не называютъ царскими, а просто святыми (ἁγίαί θύραι).

²⁾ Эта катапетасма во время богослуженія, когда настаетъ въ томъ надобность, задвигается въ пространство между иконостасомъ и алтарною стѣною или столбомъ и оттуда уже выдвигается для закрытія св. дверей. Управляетъ этою катапетасмою простой, даже безъ стихаря, мальчикъ, прислуживающій въ алтарѣ священнику.

для праздниковъ изображенія Тайной вечери. Въ патриаршемъ храмѣ для патриаршаго служенія употребляется катанетасма или задвижка съ изображеніями Богоматери подъ названіемъ „Все-святая“, на право отъ нея—Аарона, Давида и Моисея, а на лѣво пророковъ, наверху же изображеніе Троицы. Для будничныхъ дней задвижка на наружной сторонѣ имѣетъ изображеніе Благовѣщенія Богоматери архангеломъ Гавріиломъ, а на внутренней—Тайной вечери.

Внутри алтаря посрединѣ стоитъ престолъ подъ киворіемъ или балдахиномъ, покоющимся на четырехъ столбахъ, близко прикасающихся къ четыремъ угламъ престола. Престолъ константинопольскихъ храмовъ ставится не прямо на полъ алтаря, а на подставленную подъ нимъ болѣе или менѣе высокую колонну или тумбу. Т. е. престолъ состоитъ изъ доски, положенной горизонтально на подставку. На престолѣ въ обычное время находится Евангеліе, дарохранительница и нѣсколько подсвѣчниковъ. Въ нишѣ главнаго абсида, за престоломъ, стоитъ кафедра для епископа. Въ патриаршемъ храмѣ кафедра украшена на верху орломъ, поддерживаемымъ ангелами. Такъ называемое, горнее мѣсто украшается множествомъ небольшихъ иконъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Съ лѣвой стороны престола, въ нишѣ стѣны того же абсида, когда боковые абсиды служатъ алтарями и не исполняютъ своего прямого назначенія, находится жертвенникъ, на которомъ во время внѣбогослужебное ничего нѣтъ. Въ самой нишѣ по штукатуркѣ сдѣланы изображенія Рождества Христова, поклоненія пастырей и возвѣщенія ангеловъ пастырямъ о рожденіи Спасителя.

Въ средней части храма по правую и лѣвую сторонамъ небольшой солен, возвышающейся лишь на одну ступень и находящейся почти близъ самыхъ царскихъ вратъ, стоятъ значительныя возвышенія для праваго и лѣваго клиросовъ¹⁾, съ обычными

¹⁾ Проф. Голубинскій напрасно утверждаетъ, что клиросовъ въ церквахъ константинопольскихъ нѣтъ (Истор. русск. Церк., т. I, пол. II, стр.

аналогами для богослужебныхъ книгъ впереди и съ стасидіями позади для пѣвцовъ и клириковъ. За правымъ клиросомъ находится во всѣхъ храмахъ каеэдра епископа (*θρόνος*) съ двумя ступенями отъ пола и съ балдахиномъ на верху. Въ патриаршей церкви предъ этою каеэдрою стоитъ каеэдра изъ чернаго дерева, съ пестрою рѣзбою изъ слоновой кости, приписываемая св. Іоанну Златоусту. За епископскою каеэдрою по обѣимъ сторонамъ колоннъ, съ небольшимъ лишь раздѣленіемъ посрединѣ, и по стѣнамъ боковыхъ нефовъ идутъ стасидіи для стоянія въ нихъ народа. Въ патриаршей церкви за епископскою каеэдрою сейчасъ находятся стасидіи, обтянутыя зеленымъ сукномъ, для членовъ Синода, а по правую сторону стасидіи для пословъ христіанскихъ державъ. На лѣвой сторонѣ близъ одной изъ среднихъ колоннъ устроится въ видѣ висячаго балкончика, иногда съ покрытіемъ на верху, амвонъ для чтенія Евангелія и произношенія проповѣдей. На амвонъ этотъ ведетъ небольшимъ зигзагомъ лѣстница въ нѣсколько ступеней. Устройствомъ своимъ онъ сходенъ съ подобными амвонами въ Андреевскомъ соборѣ въ Кіевѣ, въ Казанскомъ въ Петербургѣ и въ католическихъ костелахъ. На верху каеэдры на мѣстѣ, гдѣ должно лежать Евангеліе, устроится орелъ съ распростертыми крыльями. Наружная или лицевая сторона амвона украшена соотвѣтствующею назначенію этого мѣста живописью. Въ среднемъ нефѣ къ потолку привѣшано нѣсколько паникадилъ, изъ коихъ среднее обыкновенно больше и богаче остальныхъ. Потолокъ иногда (напр., въ патриархіи) расписанъ въ византійскомъ вкусѣ разнаго рода фигурами - арабесками. Въ патриархіи въ задней сторонѣ храма направо находится возвышенная стасидія для великаго логофета. Надъ входомъ въ храмъ вверху во всю ширину зданія устроится гинеконъ или мѣста для женщинъ,

210, прим. 3). Клиросы мы видѣли въ церкви св. Николая въ Галатѣ и въ другихъ храмахъ (Слич. Изъ путеш. въ свят. землю, влеч. и замѣт. прот. Ковальниц. в. I, стр. 33).

желающих присутствовать за богослужениемъ. Гинеконъ поддерживается послѣдними къ выходу стоящими колоннами. Частая деревянная рѣшетка въ видѣ сѣтки, выпуклая внутрь храма и доходящая почти до потолка, скрываетъ богомолковъ женщинъ отъ любопытныхъ взоровъ богомолцевъ мужчинъ. Въ гинеконъ ведетъ лѣстница или изъ нарфיקса (притвора), или со двора непосредственно.

Входъ въ зданіе храма дѣлается съ узкой и длинной стороной. Съ узкой стороны иногда бываетъ три двери, изъ коихъ средняя закрывается ковромъ. Предъ храмомъ имѣется крытый нарфיקсъ, изъ котораго уже и входятъ въ храмъ.

Кромѣ иконъ въ иконостасѣ, изображенія ликовъ святыхъ имѣются еще и въ храмѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ, разставленные въ простѣнкахъ между окнами боковыхъ нефовъ. Предъ каждой изъ иконъ стоятъ подсвѣчники съ большими свѣчами. Живопись константинопольскихъ храмовъ двойная: греческая и русская. Послѣдняго рода иконы встрѣчаются въ константинопольскихъ храмахъ перѣдко, и на нихъ имѣются даже русскія надписанія. Что же касается иконъ греческой живописи, то онѣ по характеру и сюжетамъ во многомъ напоминаютъ намъ аеонскую живопись, такъ что не безъ вѣроятности можно полагать, что художниками, украшавшими современные константинопольскіе храмы живописью, бывали, между прочимъ, и аеонскіе зографы - отшельники. Поэтому сужденіе о характерѣ этой живописи мы едѣлаемъ ниже, при обзорѣ иконографіи современнаго Аеона.

Въ иныхъ совершенно условіяхъ по отношенію къ турецкому правительству находилась св. гора Аеонъ съ самаго покоренія турками Балканскаго полуострова, и это свое исключительное положеніе занимаетъ она до настоящаго времени. Причиной этого счастливаго исключенія были ловкость и предусмотрительность аеонскихъ отшельниковъ, успѣвшихъ предотвратить уже занесенный надъ ними грозный мечъ султана Мурада II. Явившись къ суд-

тану, послѣ покоренія имъ 1 мая 1430 года города Солуны и сосѣдней съ Аеономъ области Сидирокавсѣйской, они признали надъ собою его власть и обязались платить отъ каждаго монастыря харачъ или подать. Султанъ въ знакъ своего благоволенія за добровольное подчиненіе иноковъ далъ имъ фирманъ, которымъ онъ предоставлялъ имъ свободу религіознаго вѣроисповѣданія и торжественное отправленіе всѣхъ христіанскихъ службъ и обычаевъ, выработанныхъ аеонскими отшельниками въ предшествующее время. Для защиты иноковъ и интересовъ монастырскихъ на Аеонъ назначенъ былъ турецкій чиновникъ каймаканъ, который, не имѣя никакого вліянія на внутреннюю жизнь монастырей, отъ которыхъ онъ стоитъ въ матеріальной зависимости, ревностно исполняетъ свои обязанности въ пользу обитателей. Послѣ не удавшагося перваго нашествія, св. Гора видѣла у себя не разъ турецкія войска, которыя оскверняли храмы, грабили ея сокровища, многія зданія разрушали и предавали огню. Особенною жестокостію отличались турки во время своего пребыванія на св. Горѣ въ 1821 году, когда аеонскіе иноки были заподозрѣны въ сочувствіи греческому возстанію за свою независимость. Слѣды произведенныхъ въ это время опустошеній не изгладились совершенно и доселѣ. Но всѣ эти печальныя и тяжелыя обстоятельства для св. Горы были временными и скоро проходили, не оказавъ никакого вліянія на религіозную жизнь святогорскихъ отшельниковъ. Всѣ эти историческія перемѣны не имѣли ни малѣйшаго вліянія ни на архитектурныя формы храмовъ, ни на самый богослужебный строй Аеонской горы. Здѣсь христіанскіе храмы съ формами, выработанными въ вѣкъ Юстиніана, остались въ своей неприкосновенности и служили своему прямому назначенію. Многіе изъ аеонскихъ храмовъ по происхожденію довольно древняго времени¹⁾.

¹⁾ Соборная церковь, напр., Успенія Божіей Матери въ Иверскомъ монастырѣ построена Іоанномъ Иверомъ между 980 и 985 годами, а купо-

Планъ аеонскихъ храмовъ почти вездѣ сохраняетъ свой одинаковый видъ неизмѣнно. Въ основаніи его лежитъ обыкновенный равноконечный византійскій крестъ съ закругленіями на верхнихъ его концахъ. Въ восточной части закругленіемъ его служитъ алтарный абсидъ, къ которому весьма нерѣдко примыкаютъ два меньшихъ абсида, съ правой стороны называемый діаконикомъ и служащій хранилищемъ священныхъ сосудовъ и мѣстомъ собранія діаконовъ во время богослуженія, а съ лѣвой— жертвеннымъ отдѣленіемъ. Въ боковыхъ закругленіяхъ устрояются изящныя столярно-токарной работы стасидіи для лѣваго и праваго хора пѣвцовъ и для главныхъ старцевъ обители. Стасидіи, ближайшія къ иконостасу, занимаютъ: на правой сторонѣ типикарь, стоящій близь своей типикарницы, которая большею частію находится за правымъ при-алтарнымъ столбомъ, и канонархъ, а на лѣвой— параекклисіархи. На правой сторонѣ, при самомъ входѣ въ среднюю храма, подъ балдахиномъ находится епископская стасидія, большею частію изъ орѣховаго дерева съ вычурною рѣзбою. Въ этой стасидіи, по аеонскому обычаю, въ большіе праздники стоитъ игумень въ архіерейской мантии¹⁾ съ посохомъ въ рукахъ. Рядомъ съ епископско-игуменскимъ мѣстомъ находится простая, но украшенная болѣе затѣйливою рѣзбою, чѣмъ стасидіи простыхъ монаховъ, стасидія, которая занимается или самимъ игуменомъ, въ обыкновенные дни, или же почетнѣйшимъ изъ старцевъ, когда игумень стоитъ въ главной стасидіи или служитъ въ алтарѣ. Эту среднюю часть храма отдѣляетъ отъ слѣдующей, называемой крытымъ внутреннимъ нарфиссомъ, стѣна, доходящая до арокъ,

ломъ ее украсилъ игумень Георгій Мтапминдели въ 1053 г. (Перв. путеш. въ аеон. мон. и скит. Порфир., ч. I, отд. II, стр. 178).

¹⁾ Обычай аеонскихъ игуменовъ надѣвать архіерейскую мантию, очевидно, существуетъ тамъ издавна. Въ лаврѣ св. Аоанасія на задней сторонѣ соборнаго храма видѣется изображеніе игумена, ктитора храма, передъ образомъ Богоматери. Игумень одѣтъ въ архіерейскую мантию. Расписанъ же живописью храмъ въ 1535 году.

соединяющихъ колонны средней части храма съ колоннами этого нарфиска. Въ стѣнѣ имѣются три двери, изъ коихъ средняя задергивается завѣсою. Входятъ въ храмъ обыкновенно черезъ боковыя двери, входить же черезъ среднюю дверь считается неприличнымъ простымъ монахамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они идутъ принимать св. Тайны или антидоръ, или же цѣловать св. иконы, крестъ и Евангеліе. Этотъ притворъ иногда бываетъ очень великъ, обширнѣе даже средняго пространства храма, и въ такомъ случаѣ поддерживается онъ двумя парами параллельно поставленныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ арками. По стѣнамъ этого нарфиска, а также за столбами его стоятъ стасидіи. Въ стасидіи за правымъ столбомъ вблизи средней двери, ведущей въ самый храмъ, стоитъ игумень во время чтенія часовъ, повечерія и полунощницы, а въ стасидіи за правымъ столбомъ вблизи выходной двери игумень стоитъ во время совершенія литіи. Первую стасидію на правой сторонѣ занимаетъ очередной іеромонахъ, слѣдующую за ней псалтій, далѣе канонархъ и пѣвцы, а на лѣвой почетные старцы и пѣвцы. Надъ нарфискомъ въ нѣкоторыхъ храмахъ (Иверѣ, Ватопедѣ) устрояются катихумены¹⁾ (κατηχομένους) или хоры съ большимъ окномъ, обращеннымъ внутрь храма.

Такимъ образомъ все зданіе храма покоится на трехъ или двухъ парахъ параллельно стоящихъ мраморныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ арками. Колонны эти увѣнчаны византійскими капителями съ изображеніями креста, человѣческихъ фигуръ, птицъ и т. п. и отъ верху до низу расписаны священными изображеніями. Вѣнчающій среднее пространство въ видѣ короны куполь лежитъ на тамбурѣ или барабанѣ, изрѣзанномъ необширными, прекрасно округленными окнами, и поддерживаемомъ сводами на каменныхъ массивныхъ устояхъ. Нерѣдко (въ Иверѣ, Русикѣ и др.)

¹⁾ Въ тѣхъ храмахъ, гдѣ внутреннихъ нарфисковъ два, тамъ и катихумены устроятся на верху обоихъ нарфисковъ.

куполъ лежатъ непосредственно на легкихъ колоннахъ. Побочные куполы, а ихъ иногда бываетъ до десяти, оконъ большею частію не имѣютъ.

Кромѣ внутренняго нарфиска, всѣ почти храмы св. Горн имѣютъ еще ви́шній крытый нарфискъ, по размѣрамъ значительно меньше перваго и отдѣленный отъ внутренняго капитальною стѣною, съ одною, а иногда съ тремя дверями, ведущими во внутренній нарфискъ. Средняя дверь завѣшивается ковромъ. Во ви́шнемъ притворѣ, при входѣ въ храмъ направо, стоитъ обширная большею частію мраморная стасидія, въ которой садятся игумень послѣ такъ называемыхъ ктиторскихъ панихидъ, и послѣ панихидъ въ пятюкъ вечера предъ субботами Мясопустной и Троицкой. За этою стасидіею по обѣимъ сторонамъ входной двери тянутся скамьи, на которыхъ въ этомъ случаѣ садятся по старшинству іеромонахи и простые монахи. Пѣвцы размѣщаются въ стасидіяхъ на противоположной сторонѣ.

Стѣны внутренней части храма выложены большею частію мраморными плитами, но въ лаврскомъ соборномъ храмѣ—прекрасными изразцами. „Выше же стояищъ, яко на сажень въ высоту, описываетъ этотъ послѣдній храмъ В. Григоровичъ-Барскій, окрестъ осаждены суть стѣны нѣкими отъ чрепія драгата полированными дсками, иже сице суть зѣло гладки и блистательны, аки зеркало, яко ни прахъ къ нимъ можетъ пристати, таковыя же дробныя и удивительно прилѣплены суть на нихъ цвѣты, яко едва сложеніе скрижалей познавается, ибо аки едина цѣла одежда удивительно тканна, окрестъ распростерта зрится“¹⁾.

Въ алтарѣ посрединѣ стоитъ престоль. Надъ нимъ возвышается киворій или деревянная сѣнь съ главою на четырехъ тонкихъ столбахъ. Довольно искусная рѣзба, украшающая ее, позолочена. Подъ киворіемъ виситъ артофорій или дароносица, иногда въ видѣ небольшой церковки²⁾, а иногда въ видѣ голубя.

¹⁾ Путеш. къ св. мѣстамъ стр. 518.

²⁾ Ibid. стр. 520.

За престоломъ сейчасъ же стоитъ большой крестъ, по преданію относимый или къ глубокой древности, или же украшенный частицею изъ креста Господня. На престолѣ имѣются св. Евангелія въ стоячемъ положеніи, кресты, ковчеги съ частицами мощей святыхъ и подсвѣчники. Въ нишѣ стоитъ каедрa епископа, или же мѣстно чтимая икона. Отъ боковыхъ абсидовъ алтарь отдѣляется завѣсами, протянутыми подъ арками. Во время литургіи, когда начинается важнѣйшій актъ литургіи—освященіе св. даровъ, для того, чтобы не могли разсѣваться священнослужачіе и никто изъ постороннихъ своимъ любопытствомъ не нарушалъ бы ихъ благоговѣнія, задерживаются эти завѣсы, а также и завѣсы царскихъ дверей. Въ тѣхъ храмахъ, гдѣ боковыхъ абсидовъ не имѣется, тамъ кругомъ престола протянуты мѣдные прутья, на которыхъ висятъ завѣсы, употребляемые для упомянутой цѣли. Иконостасъ невысокій и во всемъ напоминаетъ иконостасъ константинопольскихъ храмовъ¹⁾. Надъ верхомъ иконостаса водружается крестъ съ Распятіемъ, съ предстоящими по бокамъ его образами Богоматери и Іоанна Богослова. Этотъ крестъ обыкновенно окружается какъ бы лучистою позолотою и устанавливается на фантастическомъ рѣзномъ чудовищѣ. Передъ иконами Спасителя и Божіей Матери стоятъ высокіе подсвѣчники съ толстыми расписанными свѣчами

¹⁾ Въ старину, даже еще въ прошломъ столѣтіи, на мѣстѣ нынѣшняго иконостаса стоялъ обыкновенно мраморный дестяловъ, т. е. сквозная мраморная рѣшетка или перегородка съ шестью колоннами и съ карнизомъ, безъ мѣстныхъ иконъ. Такіе иконостасы сохраняются нынѣ на Аѳонѣ въ храмахъ Успенскомъ Протатскомъ, Успенскомъ Иверскомъ, Ксенофскомъ и до послѣдняго времени въ Благовѣщенскомъ въ лаврѣ св. Аѳанасія. Въ этомъ послѣднемъ храмѣ его видѣлъ еще В. Григоровичъ-Барскій. „Обоюду царскихъ вратъ, пишетъ онъ, суть столпы мраморные четыре, зеленые съ бѣлыми воды, яко полторы сажени высоты, толсты же, яко объяти челоуѣку одною рукою, съ надглавниками отъ бѣлаго мрамора, съ изсѣченіемъ хитрымъ животныхъ, верху же ихъ дски мраморныя, бѣлыя великія; отъ нихъ же едина въ сажень“ (Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 520). Онъ сохранялся за деревяннымъ иконостасомъ во время путешествія преосв. Порфирія по Аѳону въ 1845 году

въ серединѣ и меньшими вокругъ. Такіе подсвѣчники, въ обычное время затянутые въ розовые или бѣлые чехлы, стоятъ и передъ иконами праваго и лѣваго столбовъ и предъ проскинитаріемъ. Подъ каждою изъ мѣстныхъ иконъ повѣшена небольшая иконка, къ которой братія прикладывается, по окончаніи службъ. Подлѣ праваго столба ближе къ царскимъ дверямъ стоитъ широкой аналой, на которомъ полагаются иконы Пресвятой Богоматери, храмовая икона и святцы, а въ праздники икона праздника. Этотъ аналой съ иконами называется проскинитаріемъ. Противъ стасидій праваго и лѣваго полуокружій, гдѣ, какъ мы сказали, помѣщаются хоры, стоятъ большіе многогранные аналои, облицованные весьма художественно перламутромъ и слоновою костью по индѣйской черепахаѣ. Такая же облицовка и на проскинитаріѣ. На упомянутые аналои канонархъ кладетъ книгу во время богослуженія, при исполненіи своихъ обязанностей. Освѣщаются эти аналои стеклянною лампадою въ видѣ блюда, которая виситъ на желѣзномъ загнутомъ прутѣ, прикрѣпленномъ къ аналою. Средину купола во всѣхъ храмахъ занимаетъ такъ называемый хоросъ, самое обстоятельнѣйшее описаніе котораго сдѣлалъ нашъ путешественникъ В. Григоровичъ-Барскій. „Глава всему тамо украшенію церковному, живописуетъ нашъ паломникъ, есть нѣкій отъ всѣхъ обща святогорцевъ именуемый хоросъ, иже въ

(Путеш. по Аеон., ч. I, стр. 194), но въ прошломъ 1886 году разобранъ старый деревянный иконостасъ, а вмѣстѣ съ нимъ убранъ изъ церкви и древній диастилонъ. На мѣсто всего этого, въ мое пребываніе въ Лаврѣ, ставился новый иконостасъ изъ прекраснаго сѣраго мрамора, но этотъ уже въ стилѣ и вкусѣ современныхъ аеонскихъ попятій объ иконостасѣ. Въ это же время какіе-то богомазы аеонцы возобновляли и соборную, почерпвшую отъ времени, живопись кисти монаха Теофана, росписавшаго церковь въ 1535 году. При нѣ былъ возобновленъ Спаситель, благословляющій именованно, съ Евангеліемъ въ другой рукѣ, и двѣ три—другія иконы. Судя по началу, внутренность храма общааетъ быть на столько же пестра, какъ и ея уже возобновленный нарфискъ. Богомазы мало заботятся о подлинникахъ и красокъ не жалѣютъ.

коемъже монастырѣ въ соборномъ храмѣ обрѣтается единымъ и тѣмъ же подобіемъ, кругловиденъ аки обручъ, но и качествомъ и количествомъ разнствуетъ, иный бо искуснѣйшаго мастерства, а иные не весьма искуснаго, иный зѣло великъ, а инъ малъ, а иный посредній, по величеству главы храма; въ Лаврѣ же большій всѣхъ, понеже и глава храма больша всѣхъ храмовъ святогорскихъ. Хорошь убо гречески не что ино знаменуетъ, точію ликъ торжествующихъ и чинно окрестъ обстоящихъ, на подобіе убо живаго лика, метафоричнымъ слобомъ, и оный бездушный ликъ или хорошь нарицается. Есть убо сей хорошь нѣкій обручъ мѣднй, равною мѣрою съ главою храма содѣланный, въ широту яко на пядь, или больше или меньше, но весь сквозѣ дырявъ изваянный съ преплетеніемъ различныхъ тонко изрытыхъ цвѣтовъ, птицъ и животныхъ, съ частыми предѣлами орловъ двоеглавныхъ и нѣкихъ круговъ на подобіе башень, виситъ же оцѣпленъ къ выи главной храма на двадцати поясахъ, тоеюже штукою и художествомъ изліянныхъ; въ иныхъ убо монастыряхъ на осми поясахъ виситъ, въ иныхъ же на десяти, по широкости главы церковной; въ святой же Лаврѣ на дванадцати поясахъ обвѣшенъ есть хорошь... Ниже же обруча онаго также тонко изліянные нѣкіе диски дырявые, на подобіе рѣшетъ, или кадилицъ висащія, тяготы ради и праваго висѣнія хороша, ниже же тѣхъ висятъ кисти¹⁾ шелковыя, красоты ради; съ верху же окрестъ всего хороша обстоятъ на остротахъ водруженныя свѣщи многи, въ иныхъ монастыряхъ множайшія числомъ, въ иныхъ меньше, по количеству главы храма; въ святой же Лаврѣ на хорошѣ суть свѣщъ семьдесятъ двѣ, съ притворными съ верху цвѣтами на подобіе криновъ и розъ, иже никогда всѣ не запаляются, точію нѣкія опредѣленныя отъ нихъ нарочно зажигаются въ дни праздничные на всенощныхъ бдѣніяхъ, во время егда поется поліелей, отъ

¹⁾ Во многихъ храмахъ вмѣсто кистей висятъ страусовыя яйца разныхъ виличинъ, имѣющія на себя иногда иконографическіе сюжеты.

нихъ же неугасаемы суть тридесять три¹⁾. Въ средину хороса изъ купола спущено на цѣпи многоярусное паникадило со множествомъ свѣчей. Кроиъ этого главнаго паникадила, по бокамъ его имѣются еще меньшихъ четыре паникадила со множествомъ свѣчъ. Передъ крестомъ, вѣнчающимъ иконостасъ и по бокамъ двухъ полу-кругиій висятъ небольшія лампады съ крестомъ и съ двумя высокими и толстыми свѣчами, зажигаемыми на литургіяхъ. Паникадило съ свѣчами имѣется и во внутреннемъ нарѣксѣ, но небольшихъ размѣровъ. Всѣ иконы обыкновенно украшаются пеленами, повѣшенными внизу, которыя въ праздники переимѣняются на украшенные даже драгоценными камнями, а царскія двери—блестящими богатыми епитрахиллями²⁾. Чтобы окончить наше описаніе внутренняго расположенія храмовъ аеонскихъ и ихъ украшеній, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно пола ихъ. Онъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе чудною мозаикою разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, изъ которыхъ онъ выложенъ. „Подножіе же паче всего зѣло драгое и лѣное есть, описываетъ В. Григоровичъ-Барскій³⁾ полъ Лаврскаго храма, драгими различными мраморами помощенно сице художественно и гладко, яко едва познавается соединеніе, кій же языкъ по достоянію изрещи, или каковая трость описать подробно возможетъ оныя различные цвѣты и удивитель-

¹⁾ Путеш. къ св. мѣстамъ стр. 521.

²⁾ Намъ думается, что этотъ обычай святогорцевъ выродился совершенно естественно изъ обыкновенія начинать іеромонаху будничныя службы вѣтъ алтаря, въ стасиди съ лѣвой стороны, безъ ризъ. Для чтенія же свѣтильничныхъ молитвъ, произнесенія эктеиій очередной іеромонахъ подходитъ къ царскимъ дверямъ и надѣваетъ епитрахиль, висящую съ правой стороны ихъ на гвоздикѣ. Эту епитрахиль онъ снимаетъ тотчасъ, по исполненіи своихъ обязанностей. Въ праздники вечернее богослуженіе или все-нощное бдѣніе начинается священникомъ въ алтарѣ, но обычай видѣть епитрахиль на своемъ мѣстѣ остался безъ измѣненій съ тѣмъ лишь различіемъ, что теперь, сообразно съ торжествомъ, виситъ дорогая и богато-украшенная епитрахиль, иногда не одна, а двѣ и болѣе.

³⁾ Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 520.

ные на нихъ зрящіяся дски изъ червонныхъ и бѣлыхъ мраморовъ и иныхъ пестрыхъ и многоцвѣтныхъ, наибольше убо всѣхъ сущи дски широки, на пять надій, длиною же на десять и меньше сихъ, всѣ отъ бѣлаго чистаго мрамора, съ дымообразными или облачнѣными водами, сице художественно камень къ камню и воды къ водамъ соединены, яко идѣже вкупѣ два или четыре камня, аки единъ цѣль быти зрится, на подобіе краснотканной планцаницы; между же тѣми иныя червонныя, а иныя сивыя и рябыя, а иныя инако скрижали, съ разными на нихъ водами, по между же всѣми нѣкіе узкіе поясы отъ различныхъ дробныхъ мраморовъ ушпренны, иже къ многой похвалѣ художника и къ великому удивленію зрящаго возбуждаютъ, обаче руками человѣческими неотвѣнно изобразитися не могутъ, тѣмъ же способомъ и побочные храмы и паперти помощены и блистаются аки зеркало, яко всякъ новоприходящій жалѣеть на помость ступать¹⁾. Въ другихъ храмахъ можно видѣть подобныя же полы, но лишь не столь художественной работы.

Но полъ аеонскихъ храмовъ въ главной ихъ части имѣеть не только художественный интересъ, но и богослужебный, такъ сказать. Подъ самымъ хоросомъ противъ царскихъ вратъ сѣрымъ мраморомъ по бѣлому выложены два четырехугольника, одинъ въ другой вложены. Между ними на каждой сторонѣ имѣется по три круга: въ срединѣ одинъ и два по угламъ. Такой же кругъ имѣется въ центрѣ четырехугольниковъ, называемый въ памятникахъ и въ современномъ аеонскомъ Типикѣ *ὀμφάλιον*²⁾. Сюда на

¹⁾ Полъ аеонскихъ храмовъ моется розовою водою. Для сохраненія его канонархи, переходящіе съ одной стороны на другую во время богослуженія, надѣваютъ мягкія туфли.

²⁾ Тип. ркп. Иверск. храма стр. 100. Голубинскій ошибочно утверждаетъ, что „этотъ кругъ или овалъ, яко бы теперь не имѣющій у грековъ никакого технического названія (?) (я просто называемый *κόκλος* — кругъ) и большинству ихъ вовсе неизвѣстный (?) по своему назначенію, въ древнее время называвшійся *ὀμφάλος* или *ὀμφάλιον*, имѣлъ свое назначеніе тогда

этотъ чудный художественный коверъ изъ мраморовъ становится іеромонахи во время поіелея, панихидъ и молебновъ, сюда они выходятъ малымъ входомъ съ кадиломъ на вечерни и съ Евангеліемъ и великимъ выходомъ св. дарами на литургіи. Здѣсь ставятся иконы, плащаница для лобызанія и т. п.

Описанный нами типъ храмовъ на Аеонѣ господствующій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно указать и выдающіеся своими особенностями исключенія. Къ такимъ исключеніямъ безспорно нужно отнести храмъ во имя Успенія Богоматери въ Кареѣ или, такъ называемый, соборный протатскій храмъ, время построенія котораго нѣкоторые (напр. Плава) относятъ, конечно преувеличенно, къ 335 году и съ которымъ связываютъ имя пресловутаго Панселина, аеонскаго живописца, расписавшаго эту церковь.

Храмъ протатскій представляетъ продолговатый четырехугольникъ, съ выдающимся полукруглымъ алтарнымъ абсидомъ на узкой сторонѣ. Стѣнами, идущими параллельно длиннымъ наружнымъ стѣнамъ, все зданіе дѣлится на три продольные нефа или корабля, изъ коихъ боковые нефы ниже и значительно уже среднихъ. Каждая изъ внутреннихъ стѣнъ состоитъ изъ трехъ пролетовъ, сведенныхъ арками и расположенныхъ параллельно другъ другу, причеиъ средний пролетъ равняется широтою своею широтѣ средней части храма, а боковые пролеты небольшіе и служатъ какъ бы дверями. Боковыя части въ линіи среднихъ пролетовъ перегораживаются стѣнами съ небольшими дверями, въ силу чего все зданіе представляется крестообразною залою съ неравнобѣр-

только въ отношеніи къ богослуженію“ (Истор. русск. Церкв. т. I, полов. II, стр. 204). Въ настоящее время за даннымъ мѣстомъ удержано то же названіе и даже то же самое названіе, хотя послѣднее уже употребляется съ поясненіемъ значенія его. Μετά τὸ εὐαγγέλιον, говорится въ Типиконѣ относительно положенія поклонной иконы въ Великуѣ пятницу на вечернѣ, τίθηται τὸ προσκόνημα ἐν τῷ μέσῳ τοῦ ναοῦ ἐν τῷ ὀμφαλίῳ (Ивер. Тип. стр. 100). Въ древнѣйшихъ памятникахъ такой тавтологіи не могло быть.

ными четырьмя оконечностями въ видѣ комнатъ по угламъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ этомъ храмѣ какъ бы соединеніе плана базилики съ планами Юстиніановскихъ храмовъ. Кровля плоская дощатая и покоится на стѣнахъ храма, сложенныхъ кое-какъ изъ кирпича и булыжника. Наружныя стѣны прорѣзывались когда-то 9 окнами на каждой сторонѣ, и по одному двойному большому по выше, но потомъ были заложены и, остались только небольшія окна подъ кровлею средней части храма; такъ что внутренность этого храма мрачная и производитъ непріятное впечатлѣніе на зрителя. При храмѣ имѣется наружный крытый притворъ, построенный, какъ гласитъ мраморная плита надъ входною дверью, молдавлахійскимъ воеводою Богданомъ въ 1508 году.

Алтарь раздѣленъ арками и состоитъ изъ средней части, жертвеннаго отдѣленія и діаконника. Иконостасъ обычный, а равно и всѣ храмовыя украшенія не представляютъ разницы отъ украшеній въ другихъ аеано-греческихъ храмахъ. Впрочемъ, иконостасъ еще во время посѣщенія Аеона въ 1744 году В. Григоровичемъ-Барскимъ былъ мраморный, а не деревянный вырѣзанный и позолоченный, какъ нынѣ. „Иконостасъ мраморный, описываетъ онъ, съ шестью бѣлыми столпами, яко на пятнадцать пядей высоты имущими, верху же среднихъ обоюду вратъ царскихъ престоющихъ, суть доски мраморныя долгія вмѣсто покрыва положены, отъ нихъ же едина долгота есть пядей дванадцать, другая же осьмнадцать, таковы же мѣрою исподнія право-положены вмѣсто стѣны подъ намѣстными иконами“¹⁾. Отъ этого иконостаса, называемаго у грековъ *templon*²⁾, остатки, т. е. мраморныя колонны съ таковыми же между ними плитами, украшен-

¹⁾ Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 605.

²⁾ Это слово о. архимандритъ Автономъ производитъ отъ латинскаго *templum*, такъ какъ будто бы фигурою *templon* походилъ на языческіе храмы ирехнихъ временъ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 118). Обстоятельное замѣчаніе относительно настоящаго слова можно видѣть въ Истор. русск. Церк. проф. Голубинскаго т. I, полов. II, стр. 177, прим. 3.

ными рѣзбою, сохраняются и до настоящаго времени за нынѣшнимъ деревяннымъ иконостасомъ.

Кромѣ храмовъ соборныхъ, въ каждомъ монастырѣ по разнымъ многочисленнымъ зданіямъ и пристройкамъ имѣются въ видѣ домовыхъ небольшіе храмы, которые называются здѣсь параклиесами (*παράκλησι*). Значеніе ихъ прекрасно охарактеризовалъ В. Григоровичъ-Варскій. „Многіе устроиша сіи малые храмы, говоритъ онъ, по гречески именуемне параклиесіи; многихъ ради нуждъ и богословныхъ ради частыхъ служеній и поминаній вписанныхъ душъ въ книгахъ монастырскихъ, за подаваемую милостину, или о сорокоустахъ, или о вѣчномъ рода ихъ литургіисаніи, ради раннихъ литургій и кратчайшихъ уединенныхъ молитвъ, ради старыхъ и немощныхъ и безмолвіе любящихъ, таковыя бо нарочно близъ храмовъ и обитаютъ, яко не точію пять или десять ступеней прешедшимъ, но по нуждѣ, или изволенію и внутрь келліи стоящимъ, или сидящимъ, мощно слушати божественную литургію“¹⁾. Особенность этихъ параклиесовъ заключается главнымъ образомъ въ устройствѣ престоловъ, которые большею частію прислонены непосредственно къ стѣнѣ, какъ въ католическихъ храмахъ. На протяженіи одной и той же доски, которая служитъ и престоломъ, съ лѣва устроается мѣсто для жертвенника.

Колоколень (*καμπαναρίον*), находящихся въ связи съ храмомъ, какъ у насъ на Руси, на Афонѣ нѣтъ. Имѣлись раньше и имѣются въ настоящее время звонницы, устроенныя отдѣльно отъ храмовъ и колоколни въ видѣ башенъ не выше трехъ сажень (въ Иверѣ Зоградѣ, Руссикѣ и друг.) съ остроконечнымъ верхомъ²⁾. На этихъ башняхъ или звонницахъ висятъ безъ всякаго порядка

¹⁾ Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 516.

²⁾ См. рисунокъ въ Труд. перв. арх. съѣзда въ Москвѣ 1869 г. М. 1871 г., т. I, стр. 304.

колокола, била и клепала¹⁾). „Обоюду же преддверія церковнаго, описываетъ В. Григоровичъ - Барскій храмъ лавры св. Аванасія, стоять колокольни каменнотданны, на одесной убо общіе часы бьютъ громогласно, а на ошуй съ верху пѣтель мѣдный, ради красы и удивленія поставленъ, сице живо изліанъ, яко аки живый быти зрится, на единомъ убо столпѣ два звона и било желѣзное, и на другомъ такожде два и било деревянное, великое“²⁾).

Всѣ упомянутыя нами орудія для призыва богомольцевъ въ храмы употребляются на востокѣ съ глубокой древности³⁾ и по своему устройству остаются неизмѣнно одинаковыми, поэтому въ данномъ случаѣ мы приведемъ описанія всѣхъ ихъ словами людей компетентныхъ въ подобнаго рода описаніяхъ. Ручное било, которымъ дается повѣстка предъ началомъ всякаго богослуженія, это, по словамъ Льва Алляція, „дерево въ десять футовъ длины, въ два пальца толщины, въ четыре ширины, какъ можно лучше выстроганное, безъ трещинъ и сучковъ. Держа его въ лѣвой рукѣ за средину, молоткомъ изъ того же дерева, держимымъ въ правой рукѣ, ударяютъ то въ ту, то въ другую сторону, ближе или далѣе отъ лѣвой руки, такъ что дерево издаетъ звукъ то полный, то сильный, то острый, то частый, то протяжный, довольно музыкально“⁴⁾). Нынѣшнее аеонское било по своему устройству такое же. Дѣлается оно большою частію изъ каштановаго дерева⁵⁾,

1) Изображенія этихъ билъ, а также и обстоятельное разсужденіе „с призывѣ къ богослуженію въ восточной Церкви“ интересующіеся найдутъ въ статьѣ покойнаго проф. М. дух. Акад. П. С. Казанскаго, напечатанной въ Труд. перв. арх. сѣзда въ Москвѣ въ 1869 г. кн. I, стр. 300—318. Нѣкоторые факты относительно даннаго вопроса мы заимствуемъ изъ этой статьи.

2) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 517.

3) О созывѣ братіи къ богослуженію удареніемъ упоминается въ житіи св. Пахомія.

4) Leo Allatius de templis graec. pag. 4, 5.

5) „Дерево, изъ котораго выдѣлываютъ било, называется, по словамъ Алляція, испорченнымъ словомъ *σφενδαχή*. Думаю, говорить онъ, что этс

съ выемкою посрединѣ, чтобы удобнѣе было держать его въ рукахъ и иногда на концахъ имѣеть выемки, расположенныя въ видѣ треугольниковъ. Это било находится въ храмѣ. На колокольнѣ же имѣется другое, деревянное, такъ называемое, великое било, (*μέγα σήμαντρον*), которое, по словамъ того же Алляція, „виситъ на башняхъ или бильницахъ, прикрѣпленное за края желѣзными цѣпями. Эти била огромной величины, такъ что иногда бывають въ осьмнадцать дюймовъ ширины, дюймъ толщины и тридцать длины; въ нихъ ударяють молоткомъ соотвѣтственной величины“¹⁾. Къ этому, нужно прибавить, что доска эта привѣшивается веревкой, привязанной за кольца, вбитыя по краямъ ея. Иногда бьютъ въ это било не однимъ, а двумя разной величины молотками²⁾.

Рядомъ съ деревяннымъ большимъ биломъ виситъ желѣзное било (*σίδηρον*). Оно толщиною не больше средняго пальца, шириною около трехъ вершковъ, имѣеть форму дуги съ отвер-

не иное, какъ *σφένδαμος* Теофраста и Aug. Плинія“ (*Allat. de templ. graec.* p. 5).

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Весьма любопытными чертами описываетъ било нѣкто Иеронимъ Магій. „*Σήμαντρον*, говоритъ онъ, есть деревянная доска, около пяти пальцевъ ширины, полтора дюйма толщины, футовъ четырнадцать длины. Она дѣлается изъ самаго крѣпкаго и сколько возможно звонкаго дерева; сверху (*capite*) имѣеть нѣсколько отверстій шириною не болѣе, какъ пройти гусиному перу; по срединѣ продѣта небольшая веревка. Тотъ, кто долженъ созывать народъ въ церковь, предъ дверями храма или въ другомъ мѣстѣ ударяетъ въ эту доску двумя деревянными молотками не безъ наблюденія музыкальности и вертится кругомъ, отчего звукъ бываетъ сильнѣе, хотя и неприятный. Доска не совсѣмъ прямая, но изогнутая, какъ коромысло вѣсовъ, лежить на лѣвомъ плечѣ (*sinistro humero*) звонаря, который, колотя въ нее, придерживаетъ ее зубами за веревочку, чтобы не соскакивала—не руками придерживаетъ, какъ потому, что взятая въ руки, она не будетъ издавать частаго звука, такъ и потому, что въ обѣихъ рукахъ по молотку; ибо онъ обѣими руками бьетъ то тамъ, то сямъ, иногда часто, иногда съ нѣкоторыми паузами“. Труд. перв. археол. съѣзда т. I, стр. 301.

стіями по краямъ, въ срединѣ ея имѣется кольцо, за которое цѣпью привязывается это било. Въ него ударяють двумя желѣзными молотками (*ρόπτρα*). „Это желѣзо, описываетъ въ XVI в. Петръ Белонъ, толщиною въ три пальца, длиною въ руку, нѣсколько изогнутое въ дугу; оно виситъ на гвоздѣ у дверей церковныхъ и издаетъ звукъ, подобный колокольному. Монахи на святой Горѣ не имѣють иныхъ звонковъ, кромѣ этого, и когда идти на молитву, то призываются звукомъ этого желѣза“¹⁾. Въ настоящее время тоже висятъ такого рода била близъ храма въ Иверѣ, въ Лаврѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но они уже не замѣняютъ колоколовъ, которыхъ на аеонскихъ колокольныхъ не мало²⁾. Повѣшены эти колокола безъ гармоническаго сочетанія и издаютъ скорѣе „гласъ скорбіа“, чѣмъ „гласъ радости“, такъ какъ аеонскіе звонари владѣють колоколами очень плохо. Но за то звонари аеонскіе неподражаемые художники тогда, когда они имѣють дѣло съ билами и клепалами. „Въ пять часовъ, описываетъ звонъ въ Русикѣ архимандритъ о. Антонинъ, ударили на колокольнѣ въ большое било, стучали въ него сперва медленно, потомъ скоро и живо съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ, съ ихъ игривою перестановкою, съ быстрымъ переходомъ отъ низшихъ къ высшимъ и наоборотъ, или медленнымъ ихъ переводомъ чрезъ полутоны съ постепеннымъ замираніемъ до совершеннаго прекращенія и съ неожиданнымъ воскресеніемъ ихъ къ новой

¹⁾ Ducange glossar. graec. sub Voce *σύμαντρον* (по стат. П. С. Казанск. стр. 301, 314).

²⁾ Нужно замѣтить, что употребленіе колоколовъ для звона составляетъ на Аеонѣ и доселѣ неотъемлемую привиллегію лишь штатныхъ монастырей и киновій. Что же касается скитовъ и келлій, то они обыкновенно обязуются, въ такъ называемой, омологіи или договорной грамотѣ не имѣть больше трехъ колоколовъ. Конечно, бываютъ весьма часто нарушенія этого пункта договорной грамоты, особенно въ русскихъ скитахъ, и это ничтожное обстоятельство иногда ведетъ къ серьезнымъ спорамъ и серьезнымъ затрудненіямъ въ отношеніяхъ монастырей къ своимъ скитникамъ.

живости и силѣ. Такой звонъ или стукъ возобновлялся три раза послѣ остановокъ для отдыха „художника“, какъ называли звонаря греки, видимо умиленные его искусствомъ. И каждый разъ онъ позволялъ имъ слышать новые звуко сочетанія, разнообразныя отъ перваго удара молотка до послѣдняго. Музыка эта продолжалась полчаса“¹⁾.

Аеонскіе храмы украшаются иконами и стѣнною живописью. Иконы размѣщаются въ иконостасѣ, на колоннахъ храмовъ, на игуменскомъ мѣстѣ и по сторонамъ храма на аналояхъ. Въ иконостасѣ иконы расположены такъ же, какъ и въ нашихъ храмахъ, хотя нерѣдко храмовая икона стоитъ не рядомъ съ Спасителемъ, какъ у насъ, а за правымъ при-алтарнымъ столбомъ. Что касается размѣщенія изображеній на стѣнахъ, которыя украшаются ими сверху до низу, то въ храмахъ аеонскихъ существуетъ болѣе или менѣе опредѣленный порядокъ²⁾. Въ нижнемъ ярусѣ самыхъ храмовъ, нѣсколько выше монашескихъ стасидій, расположены болѣею частію мученики съ атрибутами своихъ мученическихъ подвиговъ³⁾. По линіи того же яруса въ алтарѣ изображены святители и главнымъ образомъ творцы литургій, имѣющіе нерѣдко въ рукахъ свитки съ литургійными молитвами⁴⁾. Слѣдующій за

¹⁾ Забѣт. поклон. св. горы стр. 29.

²⁾ Этотъ порядокъ въ размѣщеніи иконописныхъ изображеній обусловливался вполне тѣми предписаніями, какія существовали на этотъ счетъ въ „Ерминіяхъ“ или руководствахъ къ живописному искусству (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. III, стр. 139—192; т. IV, стр. 470—507; 1868 г. т. I, стр. 269—315, 526—570; т. II, стр. 494—563 и дал.).

³⁾ Въ книгѣ „О живописномъ искусствѣ“ свящ. Даніила указано писать слѣдующихъ мучениковъ: св. Георгія побѣдоносца, св. Дмитрія (великаго князя?), Теодора Стратилата, Теодора Тирона, Прокопія, Меркурія, Мину, Евстаѳія, Агаѳоника, Нестора, Луппа и Севастіана (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. IV, стр. 477).

⁴⁾ По книгѣ того же свящ. Даніила, изображенія въ алтарѣ размѣщаются такимъ образомъ: „въ восточномъ углубленіи его: Матерь Божія

этимъ ярусъ занять изображеніями дванадцатыхъ праздниковъ, изъ коихъ Благовѣщеніе пишется большею частію на восточной стѣнѣ, powyше иконостаса, а Успеніе Богоматери почти всегда на задней западной стѣнѣ. Подъ этимъ послѣднимъ изображеніемъ иногда имѣется изображеніе дремлющаго Ока¹⁾. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ изображается Богоматерь или съ Богомладенцемъ у дѣвственныхъ своихъ персей, или же съ двумя ангелами по бокамъ. Ниже подъ нею (напр. въ Протатскомъ, Хиландарскомъ и другихъ храмахъ) изображенъ Спаситель, на правой сторонѣ, преподающимъ Свое пречистое тѣло апостоламъ, подходящимъ одинъ за другимъ, а на лѣвой—преподающимъ такимъ же образомъ пречистую кровь Свою. Подобныя изображенія находятся и въ лаврѣ св. Аѳанасія, но съ присоединеніемъ ангеловъ, совершающихъ великій выходъ. Картина эта иногда (Иверъ, Ватопедъ и др.) изображается въ шеѣ купола. Въ третьемъ ярусѣ, на

Ширшая небесъ. Въ углубленіи жертвенника: 'Ο ΜΕΛΙΣΜΟΣ—проскоиндіа. Тутъ по своду, какъ и въ братской трапезѣ, если хочешь, пиши слѣдующіе стихи: „Вѣ истину живыи хлѣбъ есмь и міру свѣтъ“. „Прійдите, просвѣтитесь и насытитесь Мною“. Въ восточномъ полукругѣ алтаря пишутся святители такъ: св. Василій съ словами на картѣ: „Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ, пишу всему міру, Господа нашего и Бога Іисуса Христа вѣспославый“;—Григорій Богословъ: „Боже святой, иже во святыхъ почивай“;—Іоаннъ Златоустый: „Никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми“;—св. Аѳанасій: „Изядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычцѣ нашей, Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріа“;—св. Кириллъ: „Наки и многожды Тебѣ припадаемъ и Тебѣ молимся“;—св. Григорій Нисскій: „Благословляяй благословящія Тя, Господи“. И прочіе святители, изрекающіе другія молитвы и возгласы. Въ жертвенномъ отдѣленіи алтаря: св. Стефанъ первомученикъ, Романъ сладкопѣвецъ, Николай, Спиридонъ, Петръ Александрійскій, говорящій Христу: „Кто хитонъ Твой, Спасе, раздра?“ Христосъ отвѣчаетъ ему: „вселобный Арій, Петре!“ Св. Симеонъ Столпникъ и Давидъ Столпникъ“ (Ibid. стр. 470—471).

¹⁾ Это изображеніе представляетъ Отрока Спасителя, спящаго на крестѣ съ открытымъ окомъ въ виду бдительнаго надзора за Нимъ Его Пречистой Матери.

арках и сводах храма, изображенія по своимъ сюжетамъ разнообразны. Большою частію на правой сторонѣ здѣсь изображаются событія изъ земной жизни Спасителя въ первые годы его жизни на землѣ, а на лѣвой сторонѣ—событія Его послѣднихъ дней. Въ куполѣ изображаются ветхозавѣтные праотцы и пророки въ кружкахъ¹⁾, а въ небѣ купола или Господь Саваоѣ съ открытымъ Евангелиемъ въ рукахъ (Ватопедъ) съ словами: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный“, или Спаситель благословляющій одною рукою, а другою держащій Евангеліе (Лавра), или Богоматерь съ распростертыми руками (Зографъ и Костамонитъ). Господь Саваоѣ пишется рѣдко и изображается въ видѣ старца, съ сіяніемъ кругомъ съ крестомъ и съ буквами *ὁ ωυ*²⁾.

1) По руковод. „О живопис. искусствѣ“ свящ. Даніила изображаются въ кружкахъ: св. Поликарпъ, Игнатій Богоносець, Сильвестръ, Еллевѣрій, Кирилъ, Ахиллій, Парееній, Климентъ, Агаангелъ, Власій, Вуколь, держащій въ рукахъ юнца; безсребренники: Пантелеимонъ, Ермолай, Козма, Даміанъ, Киръ, Іоаннъ, Сампсонъ, Діомидъ, Фалалей и Трифонъ, Сергій, Вакхъ, Христофоръ, Евгений, Авксентій, Евстратій, Мардарій, Орестъ, Мина, Викторъ, Викентій, Акидинъ, Пигасій, Афеоній, Елпидифоръ, Анемподистъ, Аванія, Азарія, Мисаилъ, Кирикъ, Іулита, Марина, Кириака, Варвара, Параскева чудотворица, Фекла первомученица, Екатерина, Ирина, Θεодора муроточивая, Марія-Магдалина и Анна (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г. т. IV, стр. 470).

2) Въ Протатскомъ древнѣйшемъ храмѣ разиѣщеніе иконописи по стѣнамъ нѣсколько иное. По описанію архимандрита о. Антоина, „всѣ внутреннія стѣны и дуги въ пролетахъ по всему пространству храма покрыты священными изображеніями въ боковыхъ отдѣленіяхъ въ три, а въ среднемъ въ четыре яруса. Первый (нижній) рядъ ихъ составляютъ отдѣльныя въ естественную величину изображенія святыхъ—въ самомъ храмѣ мучениковъ и преподобныхъ, а въ алтарѣ—святителей. Второй ярусъ также большею частію занятъ отдѣльными изображеніями—евангелистовъ, апостоловъ и мучениковъ внутри храма, а въ алтарѣ—событій изъ жизни Господа. Третій ярусъ посвященъ памяти евангельскихъ событій, исключая четырехъ условныхъ отдѣленій, гдѣ до самаго потолка возвышаются (частію даже уходятъ за потолокъ) ряды мучениковъ. Четвертый ярусъ находится на стѣнахъ средней части храма, болѣе возвышенной, чѣмъ боковыя, и представляютъ

Во внутреннемъ нарфискѣ на стѣнѣ, отдѣляющей притворъ отъ храма, на правой сторонѣ изображается Господь Вседержитель, сидящій на престолѣ, а на лѣвой сторонѣ Богоматерь съ предвѣчнымъ Богомладенцемъ, сидящая тоже на престолѣ. Стѣны нарфиска, ближайшія къ монашескимъ стасидіямъ украшены изображеніями преподобныхъ, исповѣдниковъ, дѣвственниковъ и подвижниковъ, а верхнія стѣны картинами изъ Евангельской исторіи.

Наружный притворъ или паперть украшаютъ картины богохваленія, страшнаго суда и портреты ктиторовъ—императоровъ и благотворителей храмовъ. Здѣсь же пишутся языческіе философы и римскія сивиллы съ изреченіями, по духу приближающимися къ ученію христіанскому. Большою свободою художественнаго творчества здѣсь отличаются картины Богоявленія. „Въ средоточіи купола, описываетъ подобную картину въ папертѣ лавры св. Аеанасія о. архимандритъ Антонинъ, изображенъ въ радужномъ кругѣ „Вседержитель“, т. е. Іисусъ Христосъ, держащій въ шуйцѣ закрытое Евангеліе, и простирающій десницу какъ бы впередъ себя съ разверстою дланію. Въ первомъ поясѣ кругомъ Спасителя представлены 9 чиновъ ангельскихъ отдѣльными купами. Слѣдующій затѣмъ тонкій поясъ содержитъ въ себѣ знаки Зодіака. Еще ниже, въ широкой полосѣ, непосредственно опускающейся на карнизъ (куполъ безъ оконъ), представляется хваленіе Вышняго

собою рядъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ отъ Адама до Іосифа обручника включительно. Начинаясь въ юго-восточномъ углу алтаря, онъ опоясываетъ собою всю церковь и оканчивается въ сѣверо-восточномъ углу того же алтаря. Изображенія—въ естественную величину и во весь ростъ, но надъ большими пролетами отъ недостатка мѣста сокращаются до бюстовъ. Святые ветхозавѣтные изображены также по дугамъ большихъ пролетовъ (это наилучше сохранившаяся стѣнопись церкви). Между всѣми отдѣльными изображеніями одно только встрѣчается женское—праматери Евы—и то на такой высотѣ, что почти не различается. Между тѣмъ картины изъ евангельской исторіи, естественно, наполнены и женскими лицами. Но онѣ находятся на высотѣ. Это конечно сдѣлано не безъ расчета“ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 111—112).

землею и земнородными. Представленіе такого рода: прямо на востокъ стоитъ старецъ Давидъ съ арфою. Вправо отъ него юноша и три дѣвы, одѣтыя по восточному, но съ открытыми лицами, пляшутъ, схватившись за руки, передъ какимъ-то зданіемъ подъ звуки флейтъ и барабана, раздающихся изъ амбразуръ стѣны означеннаго зданія, вблизи коего видится на колоннѣ чья-то статуя, а можетъ быть и идолъ. Влѣво отъ Давида ликъ монаховъ несетъ церковь Сіонъ, за нимъ (идя все къ солнцу) изображенъ ликъ пророческій; потомъ, обращенныя одна къ другой, купы старцевъ и юнотъ (т. е. молодыхъ людей); потомъ—юноши съ дѣвицами; затѣмъ—Царіе и Судіе земстїи,—последніе представлены въ самыхъ странныхъ одеждахъ, особенно же головныхъ уборахъ. Затѣмъ слѣдуютъ всякаго рода животныя, въ числѣ ихъ и Сатиръ, и Сирена, и Иппокентавръ. Далѣе—дерева, горы, духъ бурень (въ образѣ ангела, окруженнаго бѣлою звѣздою, составленною изъ двухъ квадратовъ, колѣнопреклоненнаго и дующаго), ледъ, снѣгъ, градъ, огонь. Затѣмъ примыкающее къ упомятому хору дѣвъ, последнее изображеніе: *ἐκ τῆς γῆς δράκοντες*—представляетъ змѣй, крокодиловъ и всякихъ чудищъ многоголовыхъ и многохвостыхъ. Ниже всего этого по карнизу купола расположены въ малыхъ кругахъ свв. 40 мучениковъ. Еще ниже, въ четырехъ подкупольныхъ навѣсахъ, изображены къ востоку свв. пѣнописцы Косма и Іоаннъ (Дамаскины), сидящими за письменнымъ столомъ, подробности коего, равно какъ и одежда свв. писателей обличаютъ въ живописцѣ большую изобрѣтательность и свободу, а къ западу купы лицъ въ объясненіе стиховъ псалма: „связати цари ихъ путы и славныя ихъ ручными оковы желѣзными, и возношенія Божія въ гортани ихъ, и мечи остры въ рукахъ ихъ“¹⁾.

Нынѣшняя аеонская иконопись, по времени своего происхожденія, не раньше XVI столѣтія. Исключеніе составляютъ только

¹⁾ Забѣт. поклон. св. горы. стр. 195.

Ватопедскій храмъ, расписанный въ 1312 году и одинъ изъ параклисиоувъ монастыря св. Павла, расписанный въ 1393 г.¹⁾ Явилась здѣсь и развилась иконопись, благодаря тяжелымъ политическимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилось въ это время православное греческое народонаселеніе обширной и могущественной въ ту пору османской имперіи. Фанатизмъ и преслѣдованія христіанъ со стороны турецкихъ султановъ, преемниковъ Мурада II и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, вынудили истинныхъ ревнителей православія, благочестія и строго подвижнической жизни искать для себя пріюта подъ гостепримнымъ кровомъ святогорскихъ обителей, поставленныхъ въ счастливое исключительное положеніе въ османской имперіи. Здѣсь эти новонаселенники св. горы должны были скоро же обнаружить свои таланты и способности, такъ какъ, по издавна установившемуся

¹⁾ Говоря это, мы вовсе не хотимъ утверждать, что послѣ Ватопедской и Павловской стѣнописи, какъ думаетъ преосв. Порфирій, „ни одинъ святогорскій монастырь не росписывалъ своихъ святилищъ до 1526 года“ (Чтен. въ общ. люб. дух. проsv. 1884 г. кн. III, стр. 217), потому что это было бы, по нашему мнѣнію, не въ порядкѣ вещей того времени. Вліяніе Византіи, гдѣ храмы украшались блестящими мозаиками и прекрасными фресками, не могло не оказывать своего воздѣйствія и на сосѣдній Аѳонъ, имѣвшій постоянно покровителей и ктиторовъ изъ лицъ императорскаго дома, щедро украшавшихъ стѣнописью константинопольскіе храмы и другихъ мѣстъ. Быть не можетъ, чтобы эти царственные благотворители оставили безъ вниманія монастыри аѳонскіе. Доказательство этого можно видѣть отчасти и въ нынѣшнихъ храмахъ свято-павловскаго аѳонскаго монастыря, гдѣ и доселѣ сохраняются живопись „одна изъ лучшихъ на св. Горѣ“ (Замѣт. поклон. св. горы стр. 88) и гдѣ, какъ напр., въ Ватопедѣ, имѣются и доселѣ иконы, какъ говорятъ Григоровичъ-Барскій, „дробными каменцами, си есть мусією . . . сице дробною, яко едва изрещи мощно, удивительно и натурально насаждены или вымощены“ (Путеш. ко свят. мѣстамъ стр. 627). По словамъ того же путешественника, въ томъ же храмѣ были многія иконы и „нѣкоторые царіе и ктиторы такжеже мусією насаждены, но зѣло очернѣлые и обветшалые“. Слѣдовательно, храмъ этотъ былъ украшенъ во вкусѣ своего времени и вполне блестяще. Быть не

прекрасному обычаю аеонскаго монашества, всѣ эти лица обязаны вмѣстѣ съ духовными подвигами нести и подвиги послушанія, служить трудами рукъ къ процвѣтанію своей метаніи¹⁾. Занятіе иконописью, какъ обязательное послушаніе для лицъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ, могло вполне отвѣчать и ихъ искреннему сердечному стремленію и настроенности къ постоянному богомыслию; оно давало имъ возможность примѣнить свои силы и способности на дѣлѣ и даже развить ихъ до возможной степени совершенства, такъ какъ здѣсь на Аеонѣ къ тому были всѣ благопріятныя условія, благодаря предоставленной ему свободѣ христіанскаго богочитанія. Многочисленные храмы монастырей и скитовъ аеонскихъ давали этимъ пришельцамъ полный просторъ для дѣятельности. Въ XVI и началѣ XVII столѣтія почти одновременно работали на Аеонѣ лица разнаго происхожденія, выходцы разныхъ областей и мѣстъ турецкой имперіи и другихъ государствъ.

можетъ далѣе, чтобы этотъ приѣздь оставался на Аеонѣ безъ подражанія въ другихъ монастыряхъ. Политическія же обстоятельства этого времени не только не препятствовали развитію, и даже процвѣтанію искусства, какъ они не препятствовали ему и потомъ, когда пала Византія и наступили тяжелыя времена для грековъ, а напротивъ содѣйствовали этому, благодаря щедротамъ императоровъ византійскихъ, какъ это видно изъ лѣтописи событій на Аеонѣ того же времени (Перв. путеш. по Аеону ч. I, отд. I, стр. 176). Что же касается того обстоятельства, что до настоящаго времени не сохранилось живописи древнѣйшаго времени, кромѣ упомянутыхъ церквей, то въ объясненіе сего нужно указать на частыя пожары и землетрясенія, разрушавшія на Аеонѣ постройки, на набѣги пиратовъ, которые предавали опустошеніямъ монастыри въ надеждѣ на богатую добычу (Чтен. въ общ. люб. дух. проsv. 1883 г., кн. XII, стр. 410), а главное все-таки на позднѣйшія поправки храмовъ и ихъ росписаніе вновь живописью съ указаніемъ на время этой новой росписи иконами, что и подало поводъ думать преосв. Порфирію, что другіе монастыри до XVI столѣтія не росписывались иконами.

¹⁾ Слово: *μετανοία* очень употребительное на Аеонѣ и означаетъ монастырь, въ которомъ тотъ или иной монахъ дѣлаетъ поклонъ (метаніе) игумену или соборнымъ старцамъ съ просьбою о принятіи его въ монастырь.

Вольшинство живописцевъ, конечно, было изъ Византіи, но рядомъ съ ними трудились „пресловутый“ Панселинъ изъ Солуя (въ Протатѣ, Хиландарѣ и др.), монахъ Теофанъ съ сыномъ своимъ Симеономъ изъ Крита (въ Лаврѣ, Ставроникитѣ и Ксенофѣ) Фралгъ изъ Біотіи (въ Лаврѣ, въ никольскомъ придѣлѣ), іеромонахъ Маркъ изъ Грузіи (въ Иверѣ), іеромонахъ Антоній изъ Молдавіи (въ Діонисіатѣ) и многіе другіе иконописцы. Отсюда, слѣдовательно, ясно, что и не можетъ быть никакой рѣчи объ особой школѣ иконописи аеонской въ это время, о ея самобытности. Здѣсь иконопись была, можно сказать, заносная и самая разнообразная по манерѣ и стилю письма. Господствующій характеръ ея былъ безспорно византійскій и носилъ въ себѣ всѣ тѣ особенности, которыми отличалась иконопись эта въ позднѣйшее время, начиная съ XI столѣтія, „когда, по словамъ нашего знатока византійской иконописи проф. Одесскаго Университета Н. Кондакова, прекращается уже окончательно разработка иконографіи и все дальнѣйшее является лишь бѣднымъ варіантомъ на условленную тему“¹⁾. Догматизмъ и символизмъ выстѣтъ съ олицетвореніемъ вотъ тѣ качества, какими прежде всего характеризуется живопись Аеона. Согласно съ постановленіями седьмаго вселенскаго

¹⁾ „Подобное быстрое завершеніе художественной дѣятельности, по словамъ этого профессора, не могло, понятно, быть исполнено, еслибы тому не способствовала постановка ея въ особая, безпримѣрныя въ исторіи искусства условія: она избрала себѣ самое опредѣленное и ограниченное содержаніе; санкціонированныя формы художественной композиціи довольствовались всевозможными случаями; извѣстное число избранныхъ иконографическихъ типовъ полагалось для образнаго воспроизведенія евангельскаго и библейскаго факта, и поучительно-практическая цѣль, заправлявшая всѣмъ, требовала, чтобы въ фигурахъ являлся отблескъ ликовъ ангельскихъ, пророческихъ и святыхъ; идеальное служило здѣсь подкладкою и фономъ для реальнаго—порядокъ обратный естественному; ремесло устранило художника и превратило его въ искуснаго мастера, который нуждается только въ мелочно-вѣрномъ переводѣ сюжета, чтобы воспроизвести его въ эмали: никто не спроситъ отъ него новыхъ мыслей и формъ, потому что въ этомъ монументальномъ и драго-

собора 788 года, Спаситель изображается здѣсь на иконахъ, то какъ міродержецъ, владыка, возсѣдающій на престолѣ съ державою въ одной рукѣ, а лѣвую сложивъ для благословенія, то какъ первосвященникъ, облаченный въ крещатый саккосъ и омофоръ съ раскрытымъ Евангелиемъ на словахъ: „Азъ есмь пастыръ добрый“ въ одной рукѣ, а другую имянословно сложивъ для благословенія, то, наконецъ, какъ пророкъ или учитель съ Евангелиемъ въ рукахъ, открытымъ на словахъ: „Научитесь отъ мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ“. Богоматерь изображается въ царственномъ величїи сѣдящею на престолѣ и съ Богомладенцемъ на рукахъ, который сложилъ персты для благословенія. Голова ея украшается короною, а вокругъ нимбомъ съ надписью *Мр. Ёв.* Мученики, пророки, праведники и т. д. ишутся съ свѣтлыми лицами, устремленными къ небу. Головы ихъ увѣнчаны нимбами, а сами они окружены орудїями страдальческихъ подвиговъ на землѣ.

Вьющіяся кудри, переплетенныя блѣднорозовыми ленточками, у ушей ангеловъ, въ діаконовыхъ стихаряхъ¹⁾, суть символы небесной красоты ихъ и способности всегда слышать молитвы людей; огненные фіалы на головахъ пророковъ—символы обильно излиянной на нихъ благодати; крылья у Іоанна Крестителя—знакъ

цѣнномъ родѣ живописи представляется только все канонизованное. Единодушное стремленіе къ типичности, къ освященнымъ формамъ вызвало обезличеніе и придало самымъ произведенїямъ характеръ ординарности, коренной мертвенности; это не фигуры, но схемы ихъ, не самыя тѣла человѣческія, но ихъ призрачные облики. Не то, чтобы византийское искусство стремилось, какъ говорятъ, придать своимъ образамъ исключительно выраженіе неплотскаго, небеснаго и по тому самому уродовало жизненныя формы: этому противрѣчить привязанность къ свѣтлымъ краскамъ, роскоши и изящнымъ фигурамъ античныхъ олицетвореній, но ремесленное искаженіе этой идеальности—вотъ что было причиною внутренняго паденія искусства“ (Истор. визант. искусств. и иконограф. по мнѣятыр. греч. ркп. Одесса 1876 г., стр. 140—141).

¹⁾ См. рисунокъ въ книгѣ преосв. Порфирія. Первое путеш. по Аеону кн. I, отд. II, стр. 185.

его посольства предъ лицомъ Спасителя для приготовления людей къ Его принятію и т. д., и т. д. Подобный же символизмъ мы видимъ, когда художникъ старается олицетворить предметы неодушевленные. Эти олицетворенія въ аеонской иконографіи бывають иногда довольно удачны и заслуживають со стороны изслѣдователя ея вниманія. Для примѣра, мы приведемъ здѣсь описаніе одной иконы въ Иверскомъ монастырѣ преосв. Порфирія. „Богоматерь сидитъ на престолѣ; надъ нею небо и звѣзды, ниже ихъ ангелы, еще ниже, справа, пастыри, слѣва волхвы; еще ниже, справа, наша земля въ видѣ жены въ шапкѣ подноситъ Богоматери пещеру, а слѣва пустыня въ видѣ жены съ открытою головою подноситъ ясли; внизу цари, архіереи и народъ величаютъ Богородицу. Надъ каждою изъ этихъ группъ надписано:

Οἱ οὐρανοὶ τὸν ἀστέρα	Небеса звѣзду
Οἱ ἄγγελοι τὸν ὄμιον	Ангелы пѣснь
Οἱ ποιμένες τὸ θαῦμα	Пастыри удивленіе
Οἱ μάγοι τὰ δῶρα	Волхвы дары
Ἡ γῆ τὸ σπῆλαιον	Земля вертепъ
Ἡ ἔρημος τὴν φάτνην	Пустыня ясли
Ἡμεῖς δὲ μητέρα Παρθένου	Мы же Матерь Дѣву ¹⁾ .

Но рядомъ съ упомянутыми нами особенностями аеонской иконописи мы видимъ здѣсь въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ проявленіе свободы художественнаго творчества, которое прежде всего сказалось въ созданіи новыхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ византийской иконографіи. Къ такимъ сюжетамъ безспорно принадлежитъ икона Ἡ θεία λειτουργία. Сюжетъ этотъ разработанъ до мельчайшихъ подробностей въ аеонской иконографіи и изображался не только на стѣнахъ алтаря и храма, но даже и на отдѣльных иконахъ. Любопытнѣйшимъ образчикомъ подобныхъ иконъ можетъ служить икона изъ собранія преосв. Порфирія, хранящаяся въ церкви. археологическомъ музеѣ при Кіевской духов-

¹⁾ Путеш. перв. въ аеон. мон. и скиты ч. I, отд. II, стр. 188.

ной Академіи подѣ № 35¹⁾. Икона эта представляетъ великій выходъ, гдѣ участвующими лицами являются, согласно съ церковною пѣснью: „Да молчитъ всякая плоть человѣча“, слова которой по отдѣламъ написаны на иконѣ, всѣ чины ангельскіе. На самомъ выходномъ мѣстѣ изображены два ангела съ кадильницами, за ними два съ чашечками въ видѣ ладонницъ, далѣе по три на каждой сторонѣ со свѣтильниками зажженными (свѣчи на под-свѣчникахъ), за ними на лѣво отъ зрителя одинъ ангелъ съ дискомъ, покрытымъ воздухомъ, на головѣ, преклоненной къ Спасителю, принимающему этотъ дискосъ, далѣе ангелъ съ чашею безъ воздуха, за нимъ ангелъ, сложивъ крестообразно на груди руки, держитъ въ той и другой рукѣ по лжицѣ, два слѣдующихъ ангела въ рукахъ, сложенныхъ на груди, ничего не имѣютъ. Головы ихъ украшены діадемами въ видѣ обручей съ привѣсками къ нимъ. Направо четыре ангела въ красныхъ коронахъ, напоминающихъ вѣнецъ Мономаха. Вверху ангелы несутъ плащаницу съ надписью: *ὄμιλος ἐπιτάφιος ἀμυροῦ λόγου*. Два ангела впереди и два ангела позади идутъ съ рипидами, по три ангела на той и другой сторонѣ со свѣчами. Одинъ ангелъ съ двумя восьмиконечными большими крестами, а другой съ книгою раскрытою на словахъ: *Βασιλείου βασιλείουτων*. Всѣ пять ангеловъ въ блестящихъ каскахъ съ загнутымъ верхомъ. Плащаницу несутъ два ангела въ діаконовыхъ стихаряхъ, перепоисанные крестообразно орарями, и одинъ ангелъ въ фелони и епитрахили, лицо же четвертаго скрыто и видна лишь одна маковица. По среднѣ стоитъ престоль, покрытый пеленою,

¹⁾ Она написана рукою Николая Критскаго (Χεῖρ ἔγραψεν Νικόλαος τοῦ Κρητός), по заказу іеромонаха Гавріила (Δέησις τοῦ δοῦλου τοῦ Θεοῦ Γαβριήλ ἱερομονάχου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν) въ концѣ XVII столѣтія. Основаніемъ для этого служить то обстоятельство, что іеромонахъ Гавріилъ купилъ въ Кареѣ келлію въ честь всѣхъ святыхъ у Каракальскаго монастыря лишь только въ 1681 году (Чтен. въ общ. люб. дух. проsv. 1884 г., кн. III, стр. 229), а росписаль ее иконописью несомнѣнно уже позже этого времени.

на которомъ лежитъ разгнутая книга съ словами: *ὁ τρέφων μου τῆν σάρκα καὶ πίνων*. За престоломъ изображены престолы (одинъ изъ девяти ликовъ ангельскихъ) въ видѣ круговъ, съ крыльями на четырехъ сторонахъ, и на нихъ возсѣдаютъ на лѣво отъ зрителя: Спаситель въ крещатомъ саккосѣ и омофорѣ, принимающій св. дискосъ съ головы одного изъ ангеловъ, а на право Богъ Отецъ въ видѣ бодраго старца съ одною рукою, сложенною для именованнаго благословенія, а въ другой со скипетромъ. Вверху между ними—Св. Духъ въ видѣ голубя, окруженнаго нимбомъ изъ густой позолоты, съ надписью: *ἡ ἀγία Τριάς*. Внизу иконы изображены павшими ницъ—молодые мужчина и женщина.

Далѣе та же свобода художественнаго творчества проявляется въ стремленіи отвлеченныя представленія передать въ конкретныхъ образахъ. Такова, напр., икона¹⁾ въ иверскомъ храмѣ на текстъ апостола Павла: „Егда (Богъ) вводитъ Первороднаго во вселенную, глаголетъ да поклонятся Ему вси ангелы Божіи“ (Евр. 1, 6). Два архангела Михаилъ и Гавріилъ держатъ поясной образъ Еммануила, нарисованный въ кругѣ, означающемъ вселенную, представленную здѣсь позади въ видѣ двухъ квадратовъ. Еммануилъ изображенъ со свиткомъ въ одной рукѣ и съ именованнымъ благословеніемъ въ другой. Позади архангеловъ Михаила и Гавріила стоятъ три ангела, но такъ что видны ихъ лица, съ жезлами въ рукахъ; изъ-за нихъ смотрятъ четыре ангела; выше этихъ взираютъ пять ангеловъ; въ пятомъ и заднемъ ряду выказываются четыре ангела, въ шестомъ три и въ седьмомъ два. Не мало изобрѣтательности нужно было имѣть художнику, чтобы написать ангельскіе чины²⁾: престолы,

¹⁾ Копія этой иконы напечатана у преосв. Порфирія, въ перв. путеш. по Аѳону кн. I, отд. II, стр. 185.

²⁾ Въ Ериніи Діонисія Фурноаграфіота 1701—1733 г. относительно изображенія чиновъ ангельскихъ говорится: „Престолы изображаются, какъ огненныя колеса съ многочислыми крыльями вокругъ, вставленныя одно въ другое и образующія собою какъ бы царскій престоль. А херувимы пишутся

серафимы и тетраморфонъ пророка Іезекіиля, напоминающій четырехъ евангелистовъ¹⁾. Свобода и нѣкоторый натурализмъ составляютъ достояніе иконы Крещенія Господня. Іорданъ переполненъ множествомъ рыбъ и дельфиновъ. Въ немъ множество купающихся и плавающихъ людей, изъ коихъ одни плаваютъ обычно, другіе на спинѣ, третьи снимаютъ рубахи, четвертые надѣваютъ ихъ послѣ купанія и т. д. и т. д. Такая картина встрѣчается на Аѳонѣ очень часто²⁾.

Что касается техническихъ приѣмовъ, пошиба письма аѳонскихъ заграфовъ, то на этотъ счетъ Византія уже дала имъ определенно выработанный кодексъ правилъ и приѣмовъ, которымъ они должны были слѣдовать. Эти приѣмы выработаны были тоже въ XI—XII столѣтіи³⁾. Аѳонскіе зографы, глубоко проникнутые

въ видѣ одной головы съ двумя крылами; серафимы же—съ шестью крылами, изъ коихъ двумя прикрываютъ лица свои, двумя ноги, и двумя летаютъ; въ рукахъ своихъ они держатъ рипиды съ словами: Святъ, Святъ, Святъ. Такъ видѣлъ ихъ пророкъ Ісаія (гл. 6). Тетраморфонъ изображается такъ: шестокрылатый ангелъ, имѣющій вѣнецъ вокругъ головы своей, обѣими руками держитъ Евангеліе у своихъ персей. Среди двухъ крыльевъ, простертыхъ вверхъ отъ головы его, пишется орелъ, у праваго крыла подлѣ плеча—левъ, а у лѣваго, также подлѣ плеча—волъ. Эти животныя смотрятъ вверхъ, а когтями и стопами своими держатъ Евангеліе. Такъ видѣлъ ихъ пророкъ Іезекіиль (гл. 1)⁴⁾. Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 526—527.

¹⁾ Рисунокъ, у преосв. Порфирія, перв. путеш. на Аѳонъ ч. I, отд. II, стр. 186—187.

²⁾ Прекраснымъ образчикомъ восточныхъ иконъ на этотъ сюжетъ можно считать икону нашего церковн.-арх. муз. подъ № 23, поступившую изъ собранія восточныхъ иконъ преосв. Порфирія Успенскаго (См. описаніе этой иконы въ статьѣ проф. Петрова. Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., кн. 10).

³⁾ „Всеі типы византійскаго искусства въ этомъ періодѣ, говоритъ проф. Кондаковъ, какъ явно сводятся къ одному національному, такъ и составляютъ развитіе и разновидности одного характера или феномена. Высокій ростъ, въ соединеніи съ пропорціональнымъ сложеніемъ, нѣкоторая длинна конечностей и, при наклонности къ худобѣ, ширококостность и мас-

идеаломъ строгаго аскетизма, лишь усилили въ значительной степени густоту красокъ для лица, чтобы придать изображаемымъ ими фигурамъ костоватость, сухощавость и постническое выраженіе. Въ силу этого, въ основѣ весьма естественнаго желанія аеонскихъ зографовъ—аскетовъ, изъ подъ ихъ кисти выходили иконы, которыя такъ удачно обозвалъ нашъ паломникъ Григоровичъ-Барскій „ужасно мрачными“, со множествомъ неправильностей противъ природы, на что аеонскіе живописцы не обращали никакого вниманія, очерчивая фигуры линиями и скрывая ихъ подъ густыми слоями темноватой краски. Въ раскраскѣ фигуръ аеонскіе зографы употребляли болѣе или менѣе опредѣленные цвѣта или краски: бѣлый для лица, желтый для нижней одежды, голубой и багряный для верхнихъ одеждъ Спасителя и Богоматери, темноватый для того же у святыхъ и по преимуществу

сивность; на длинной тонкой шеѣ маленькая голова; широкій и низкій лобъ, временами напоминающій изувѣра или тяжелаго педанта. Лобная кость нависаетъ надъ глазами, глубоко лежащими и широко разставленными, образуя глубокой характерный переизгибъ на переносицѣ и усиливая мрачное сверканіе большихъ глазъ; длинный тонкій и прямой носъ, иногда загигающийся на концѣ (прихѣсь восточнаго типа, особенно армянскаго и персидскаго), почти упирается въ сухой маленькій ротъ, усиливая характеръ психическаго типа, выработаннаго вѣковой культурою, а не образованнаго однимъ физическимъ снѣженіемъ; сильно выдающійся подбородокъ и угловатая линія овала отличаются черствымъ характеромъ; въ молодыхъ лицахъ полнота переходитъ въ опухлость, а въ пожилыхъ находимъ рѣзкую худобу и общую сухость тѣла, особенно способную къ изображенію суроваго аскета. Эта рѣзкость чертъ, хотя и выражаетъ духовность типа, была столько же чертою племенною, сколько выработана искусствомъ и составляла драгоценное достояніе стили; простота, ясность и рѣзкая опредѣленность этого типа дѣлала легкимъ его усвоеніе въ мастерскихъ всѣхъ странъ и давала въ руки всегда готовую форму. Понятно также, что чрезъ эту затверженную типичность исчезло всякое изученіе натуры и типовъ живыхъ, и что вторженіе ея въ XVIII в. было уже результатомъ окончательнаго паденія искусства. вмѣстѣ съ тѣмъ эта типичность сильно повредила иконографіи, прервавъ ея дѣятельность въ наиболѣе живой сферѣ: отнынѣ всѣ святые

преподобныхъ. Укажемъ для примѣра на иконы лаврскаго собора, описанныя преосв. Порфиріемъ. „На мѣстной иконѣ Спасителя, говорить онъ, густые волосы съ проборокъ надъ челоуъ, орѣховаго, рыжеватаго цвѣта закинута на спину; чело открыто; глаза остры; брови дугообразны; носъ прямъ; ланиты оттѣнены густо, и потому лице кажется узковатымъ и строго постынымъ; уста малы, сжаты и выпуклы, какъ будто что-то задерживаютъ выдавшимися впередъ губами; вѣя толста; срачица малиноваго цвѣта, а верхній хитонъ—синій съ отливомъ зеленоватымъ; правый рукавъ срачицы у плеча прошить золотомъ; десницею Христосъ благословляетъ, какъ архіерей, т. е. имянословно, а шуйцею держать раскрытое Евангеліе, въ которомъ по гречески написано: „Придите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи“ и проч. Мѣстная икона Богоматери—не благообразна. Чело ея закрыто

пишутся почти на одно лицо и имѣютъ одну фигуру, и все различіе въ сводится къ примѣтамъ въ родѣ волосъ, бороды и пр., которыя не даютъ индивидуальности и сейчасъ же забываются. Исключеніе составляютъ лишь прежде сложившіеся типы Иисуса Христа, апостоловъ, и евангелистовъ, Богородицы, образы святителей: Василія, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и др. Наконецъ, иконографическіе типы превращаются въ условную академическую схему, которая легко можетъ быть описана, но ничего не выражаетъ; эта схема дробится на подраздѣленія, которыя мы могли бы назвать лицами: ангельскимъ, пророческимъ, или библейскимъ (онъ же и типъ Іоанна Крестителя), апостольскимъ, Христовымъ и пр.; ангельскій типъ съ обильною вьющеюся по плечамъ кудрявою прическою употребляется въ изображеніи благочестивыхъ юношей; всѣ матроны похожи на св. Анну, а молодыя жены на Богородицу; типъ Іосифа служитъ для изображенія благочестивыхъ мужей и пр. Безхарактерность или безличность женскаго типа въ рукахъ живописца монаха заставляетъ пользоваться иногда тѣмъ же юношески-ангельскимъ лицомъ для изображенія святыхъ дѣвъ и дѣвицъ вообще; только изрѣдка напоминаетъ о себѣ дѣйствительный типъ, съ узкимъ и блѣднымъ лицомъ, большими глазами, крошечнымъ ртомъ, напоминая собою изношенное лицо Феодоры, супруги Юстиніана; любопытно, что мозаика над-алтарнаго купола св. Марка въ Венеціи воспроизводитъ именно этотъ типъ въ лицѣ женолюбиваго Соломона“ (Истор. визант. искусства стр. 142—144).

омофоріономъ; глаза миндальнообразны, а выраженіе ихъ строго, даже сурово и непріятно; вѣки глаза, обѣ стороны лица у самого носа, и крайны ланитъ у ушей оттѣнены слишкомъ густо; носъ прямъ и въ концѣ загнутъ внизъ; на омофоріонѣ видны двѣ звѣзды и слова у кисти правой ручки; ἐν ἱματισμῷ διαχρύσῳ περιβεβλημένη, πεπικολιμένη, т. е. въ одежду позлащенную облеченна, испещрена; божественный Младенецъ ся не по возрасту смотритъ строго; волосы на головкѣ его орѣховаго цвѣта; чело велико; глаза и брови черны; обѣ стороны ланитъ оттѣнены густо; уста малы и хороши; срачица на немъ синяя, а хитонъ малиноваго цвѣта; вся эта одежда прорисована золотыми полосками; десницею Онъ благословляетъ, какъ вседержитель, а не какъ архіерей; въ шуйцѣ держитъ свитокъ судебъ міра; сходства съ Матерію нѣтъ. Фонъ этой иконы закрытъ чеканною ризою, на крайнахъ которой видны чеканные образки: а чеканъ весь составленъ изъ разводныхъ цвѣтовъ въ кружкахъ¹⁾.

Говоря объ аеонской иконописи вообще, нельзя обойти молчаніемъ труды нѣкоторыхъ изъ аеонскихъ зографовъ въ частности, такъ какъ произведенія ихъ художественной кисти рѣзко отличаются отъ иконъ греко-аеонскаго пошиба письма. Первое мѣсто между этими зографами безспорно принадлежитъ пресловутому Мануилу Панселину, съ именемъ котораго на Аеонѣ и дѣселѣ еще связываютъ все болѣе или менѣе выдающееся въ церковной живописи. Послѣ длиннаго, хотя и не всегда спокойнаго и безпристрастнаго, спора покойнаго пресв. Порфирія Успенскаго съ достопочтеннымъ начальникомъ нашей іерусалимской миссіи, архимандритомъ Антониномъ²⁾, кажется, въ настоящее время уже можно сказать нѣчто положительное о личности этого популярнаго

¹⁾ Путеш. перв. въ аеон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 194, 195.

²⁾ Письма о пресловutomъ живописцѣ Панселинѣ пресв. Порфирія Успенскаго къ настоятелю посольской церкви нашей въ Константинополѣ, архимандриту Антонину. Труд. Киев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 120—164: 266—272.

художника-иконописца на Аѳонѣ, о времени и мѣстѣ его работъ и о самомъ характерѣ его иконописи.

Мануиль Панселинъ родомъ солонецъ¹⁾, былъ великимъ мастеромъ въ иконописаніи, такъ что, по словамъ Діонісія Фурноаграфіота, „какъ другое солнце и какъ златозарная луна превзошелъ и затмилъ всѣхъ древнихъ и новыхъ живописцевъ“²⁾. Онъ писалъ иконы „на стѣнахъ и дскахъ“³⁾. По настоящее время съ его именемъ связываютъ расписаніе храмовъ на Аѳонѣ соборнаго Успенскаго въ Протатѣ, въ Хиландарѣ Введенскаго, Миловоклісійскаго храма при Карейской кельи и соборнаго храма, нынѣ уже разрушеннаго⁴⁾, въ старомъ Русикѣ⁵⁾. Расписаніе этихъ церквей, а слѣдовательно, и время жизни пресловутаго художника Панселина пресв. Порфирій и другіе относятъ къ XVI столѣтію⁶⁾. Что касается иконъ, написанныхъ „на дскахъ“, то

¹⁾ На мѣстѣ своей родины Мануиль Панселинъ расписалъ соборный храмъ елассонскаго монастыря Пресв. Богородицы Олимпійской между 1540 и 1560 годами. Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 281.

²⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Въ августѣ 1886 г. отъ этого храма еще оставался разрушенный алтарный абсидъ съ уцѣлѣвшими на немъ признаками фресковой живописи. Видна была даже фигура одного юнаго святаго, но безъ всякой надписи. Абсидъ заваленъ камнями и чудно заросъ дикимъ плющемъ. На вопросъ, почему эта весьма почтенная руина стоитъ въ такомъ запущеніи и заброшена камнями, о. экономя, заправляющій старымъ Русикомъ, заявилъ намъ, что это сдѣлано нарочито, дабы никто изъ ксиромаховъ не осмѣлился почевать здѣсь, и тѣмъ осквернять „мѣсто свято“, что, по его словамъ, прежде случалось не разъ.

⁵⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 280—281; Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 218.

⁶⁾ Исторированіе, или что то же—роспись живописью Протатскаго храма пресв. Порфирій относитъ къ 1535—6 году, Миловоклісійскаго храма къ 1537 году, соборнаго храма въ Русикѣ—къ промежутку между 1554 и 1574 года, а Введенскаго Хиландарскаго храма—къ промежутку времени между 1571 и 1582 годами (Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г.,

ихъ было написано немало для разныхъ аеонскихъ монастырей и для руководства начинающимъ монахамъ зографамъ, но въ настоящее время преданіе удерживаетъ имя Панселина за старыми иконами, находящимися въ иконостасѣ Котломущской кладбищенской

кн. III, стр. 218). По его соображенію, слѣд., жизнь и дѣятельность славнаго художника Мануила Панселина падаетъ на XVI вѣкъ. Съ нимъ почти готовъ согласиться и другой знатокъ и цѣнитель христіанскихъ древностей и христіанской живописи о. архимандритъ Антонинъ. Обозрѣвая живопись Протатскаго храма, исторированіе котораго и онъ не отрицаетъ за кистью пресловутаго Панселина, о. Антонинъ сначала было отнесъ ее къ X—XII вѣку, но послѣ внимательнаго разсмотрѣнія ея и сопоставленія ея съ нѣкоторыми наличными фактами, которые даетъ самая исторія настоящаго храма, существующія въ ней надписи и „перспективное совершенство картинъ“, онъ готовъ былъ вынести эту живопись въ XVI вѣкъ—эпоху „критской школы иконописанія“ (замѣт. поклон. св. горы стр. 115). Однако, отъ этого намѣренія его удержало одно совершенно случайное, но, по словамъ о. Антонина, рѣшительное обстоятельство, послужившее „неопровержимымъ доказательствомъ древности карейской живописи—это отсутствіе въ сѣяніи кругомъ главы Спасителя: ὁ ὦν, относящее ее по крайности къ XIII вѣку“ (ibid. стр. 116). „Изъ можно провѣрить, по его словамъ, и всякую другую, древнюю или выдаваемую за древнюю церковную православную (conditio sine qua non) живопись“ (ibid. прим. I). Но преосв. Порфирій основательно доказалъ, что упомянутый признакъ—плохой критерій для оцѣнки древности происхожденія иконографическаго памятника. Дѣло въ томъ, что надпись: ὁ ὦν въ ликѣ Спасителя встрѣчается въ весьма древнихъ иконографическихъ памятникахъ. Она напр., имѣется въ мινьятюрномъ изображеніи греческаго Четвероевангелія, написаннаго монахомъ Анакіемъ въ 1272 году и хранившагося въ Каурѣ въ ризницѣ александрійской патріархіи, а въ 1867 году 13 апрѣля подареннаго александрійскимъ патріархомъ Іаковомъ покойной государинѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ. Далѣе преосв. Порфирій говоритъ о какой-то греческой рукописи XIII вѣка, гдѣ онъ встрѣтилъ даже объясненіе, почему явился у художниковъ этотъ обычай. По этой рукописи, слова: ὁ ὦν „означаютъ вѣчное бытіе Іисуса Христа сына Божія, который всегда былъ есть и будетъ“ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 286—287). Въ силу этихъ соображеній, по нашему мнѣнію, едва ли возможно считать настоящій признакъ

церкви¹⁾, Срѣтенія²⁾ Господня и складнями³⁾, принадлежавшими преосв. Порфирію, а нынѣ поступившими, по его завѣщанію, въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи.

Что касается пошиба письма иконъ Панселина, то о немъ все, кто разсматривалъ иконы, приписываемыя его кисти, единогласно утверждаютъ, что онъ отличенъ отъ обычнаго аеонскаго пошиба. Манера его живописанія названа „натуральною“ Діони-

достаточно вѣскимъ для опредѣленія времени написанія того или другаго памятника живописи вообще и панселиновскихъ иконъ въ частности, хотя ессалійское преданіе, которому преосв. Порфирій видимо не довѣряетъ, относит складень триморфонъ, гдѣ Спаситель имѣетъ въ нимбѣ слова *Ѡ Ѡν*, къ панселиновскимъ (Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 232), утверждаетъ, что Панселинъ упомянутыхъ словъ *Ѡ Ѡν* не писалъ и за это современниками считался еретикомъ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IX, стр. 282). Въ виду всего изложеннаго мнѣніе преосв. Порфирія, что Панселинъ жилъ и дѣйствовалъ въ XVI столѣтіи, нужно считать весьма вѣроятнымъ. Это же мнѣніе высказывается и въ Сборн. на 1866 г., изд. Общ. древне-русск. искусства при Моск. публич. муз. М. 1866 г., отд. II, стр. 40, но съ тою оговоркою, что „не одинъ былъ художникъ съ именемъ Панселина. Одного относятъ къ XII столѣтію, а другаго къ XV-му“.

¹⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 280.

²⁾ Ibidem; Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 304; *ibid.* 1867 г., т. IX, стр. 284.

³⁾ Чтен. въ Общ. любит. дух. просвѣщ. 1884 г., кн. III, стр. 232; Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 313. На внутренней сторонѣ складня изображенъ Спаситель, благословляющій именовсловно правою рукою, а лѣвой держащій раскрытое Евангеліе на словахъ: *Δεῦτε πρός με πάντες*. Спаситель сидитъ на престолѣ, а по сторонамъ его предстоятъ съ сложенными руками на груди и съ приклоненными главами Богоматерь и св. Іоаннъ Креститель. Вверху два ангела. На створкахъ съ правой стороны Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и Георгій великомученикъ, а на лѣвой Василій Великій, Николай Чудотворецъ и великомученикъ Дмитрій. На наружной сторонѣ створокъ на правой великомученикъ Пантелеимонъ, а на лѣвой Меркурій въ чешуйчатой каскѣ съ кривымъ мечемъ и съ круглымъ щитомъ и Артемій съ пиккою и большимъ овальнымъ щитомъ. Икона достойная кисти Мануила Панселина.

сіемъ Фурнографіотомъ¹⁾. Нашъ путешественникъ Григоровичъ-Барскій называетъ иконы его письма „зѣло искусными“²⁾. О. Антоній такъ характеризуетъ этотъ пошибъ письма: „всѣ безъ исключенія изображенія обнаруживаютъ въ художникѣ талантъ весьма замѣчательный для византійской живописи. Всѣ лица характерны,—старыя выразительны, молодыя прекрасны, средняго возраста—„доброзрачны“, скажемъ языкомъ Барскаго. Я бы, продолжаетъ о. Антоній, прибавилъ еще: всѣ величественно—спокойны и чисто-свѣтлы, еслибы могъ надѣяться, что послѣднее выраженіе можетъ передать ихъ радующее и возвышающее душу впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что вся эта стѣнопись есть произведеніе одной и той же руки, по крайней мѣрѣ—одного и того же за всѣмъ наблюдавшаго глаза... Изображеніе и выполненіе историческихъ изображеній Евангелія также превосходить все, что я доселѣ видѣлъ въ византійской живописи. Удерживая общій типъ церковный, живописецъ повсюду дѣйствовалъ съ замѣчательною свободою въ подробностяхъ и видимо старался каждой фигурѣ дать и естественность и занимательность, а всѣмъ вообще картинамъ разнообразіе. Къ его великой похвалѣ надобно сказать, что его фигуры не подлежатъ общему, какъ бы неизбѣжному и даже не сознаваемому, недостатку позднѣйшей византійской иконописи—казаться разсѣянными и обращенными взоромъ, а часто и лицомъ, въ другую сторону, нежели куда требуетъ ихъ устремленнаго взора и вниманія изображаемое событіе. Жалѣтъ остается, что ему не вѣдомы были тайны перспективы. Тѣмъ болѣе жалѣешь,—что какъ бы видишь его борьбу съ самимъ собою, его муку при усилии дать картинѣ обстановку естественную и неумѣяи достигъ того. Спокойный, веселый, безстрастный и какъ бы нѣсколько флегматическій характеръ лицъ, произведенныхъ его доброю рукою, живописуетъ мнѣ его самого, полного вѣры не

¹⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

²⁾ Путеш. по свят. мѣстамъ стр. 605.

столько въ свой талантъ, сколько въ свое призваніе, кроткаго, неспѣшнаго, невозмутимо-мирнаго, всеѣмъ доступнаго, исполненнаго той невинной веселости и цѣломудренной игры, которыя составляютъ неотъемлемое достояніе души чистой. Ему скучно казалось изображать евангелистовъ въ одномъ и томъ же положеніи, занятыхъ писаніемъ Евангелія. Оттого у него Маркъ пишетъ, Лука вычищаетъ описку (держа перо за ухомъ), Іоаннъ диктуетъ Прохору, а Матеей обрѣзываетъ, уже написанное и переплетенное, Евангеліе. При крещеніи Спасителя, въ Іорданѣ играютъ дельфины, и на одномъ изъ нихъ сидитъ дитя, а на другомъ старецъ. Можно сказать, что во всеѣхъ историческихъ иконахъ онъ оставилъ слѣды своего благаго расположенія духа, обыкновенно примѣшивавшаго къ строгой основѣ событія какую нибудь невинную случайность изъ міра вѣроятностей или и невѣроятностей, но осмысленныхъ значеніемъ символическимъ¹⁾. Почти сходный съ этимъ взглядъ на манеру иконописнаго письма Панселина высказалъ преосв. Порфирій. „Рисунки его не очень правильны, говоритъ онъ, однако онъ болѣе другихъ современныхъ живописцевъ приближался къ естественности; лица писалъ неодинаковыя, а разнообразныя; выраженіе придавалъ имъ не суровое, а иногда миловидное; праотцевъ и пророковъ писалъ величественныхъ; святыхъ ставилъ пристойно, а мучениковъ бодренно на ходу къ безсмертной славѣ; тѣла утончалъ у краевъ лицъ и тамъ, гдѣ они сливаются съ такъ называемыми свѣтами; колоритъ любилъ не яркій; стѣнамъ придавалъ цвѣтность синеголубоватую; въ рисованіи и отдѣлкѣ большихъ изображеній священныхъ событій не отступалъ отъ старинныхъ образцовъ, какіе видалъ въ лучшихъ живописныхъ святцахъ, въ житіяхъ святыхъ и въ разрисованныхъ евангеліяхъ XIV вѣка, когда книжная живопись была изрядна. По причинѣ этой подражательности, бытъ можетъ, невольной, на стереотипномъ Аѳонѣ большія его кар-

¹⁾ Замѣт. поклон. св. горы стр. 113—114.

тины, напр., Преображеніе, Сочествіе во адъ (въ Протатѣ) не такъ хороши, какъ лики праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ "... Панселинъ писалъ иконы обдуманно, придавая лицамъ движеніе, чувство и мысль" ¹⁾).

Такая характеристика пошиба письма пресловутаго Мануила Панселина вполне подтверждается тѣми иконографическими памятниками, происхожденіе которыхъ связывается на Аѳонѣ съ его именемъ. Даже при нынѣшнемъ состояніи этихъ памятниковъ, едва различаемыхъ на закоптѣлыхъ и почернѣвшихъ отъ разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, доскахъ и стѣнахъ, памятники художественности Панселина, послѣ иконъ Аѳонскаго пошиба, производятъ самое пріятное впечатлѣніе на зрителя и глубокое сожалѣніе о томъ, что Аѳонъ, и доселѣ не безъ гордости и благоговѣнія произносящій это незабвенное имя, не перенялъ манеры письма иконъ у этого художника. Какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ, Панселинъ, какъ солнце проглянулъ на мрачномъ небѣ, чтобы на время оживить искусство уже черезъ-чуръ безжизненное и застывшее въ разъ навсегда рѣзко опредѣленныхъ линіяхъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ, онъ, сіяя блескомъ живописнаго искусства, „какъ другое солнце и златозарная луна, превзошла и затмила всѣхъ древнихъ и новыхъ" ²⁾ художниковъ“ на столько, что на долю послѣднихъ не только не оставилъ возможности сравняться съ нимъ, но даже тайну своего искусства унесъ съ собою въ могилу. Посему, какъ не старались авторы „Ерминій“ и наставленій въ живописномъ искусствѣ о томъ, чтобы ученики иконописнаго искусства возможно ближе знакомились съ памятниками его художественнаго творчества, чтобы „со всею точностію показать имъ размѣры Панселина, его очерки св. ликовъ, тѣлесный колоритъ и составъ красокъ, и кромѣ того размѣры натуральной живописи и способъ воспроизведенія оной“ ³⁾, однако,

¹⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1867 г., т. IV, стр. 283, 285.

²⁾ Ibid. Труд. Кіев. дух. Акад. 1868 г., т. I, стр. 271.

³⁾ Ibidem.

на дѣлѣ ничего не вышло изъ этого хорошаго. Аеонская живопись всюю своею совокупностію съ поразительною наглядностію убѣждаетъ наблюдателя, что въ ней даже нѣтъ слабаго подобія кисти Панселина. Объясненіемъ этого печальнаго, но знаменательнаго явленія можетъ отчасти служить преданіе, которое въ 1859 году преосв. Порфирій выслушалъ отъ сѣдовласаго и благоговѣйнаго старца, игумена Ксенофеской обители Никифора, что „Панселинъ былъ художникъ ревнивый и что онъ никому не передалъ своего искусства“¹⁾.

Одновременно почти съ Мануиломъ Панселиномъ расписывали аеонскіе храмы два художника: монахъ Теофанъ и Фралгъ Біотіецъ. Оба они по талантливости и бойкости художественной кисти значительно уступаютъ первому. Монахъ Теофанъ, уроженецъ Крита, научился иконописному искусству на своей родинѣ, гдѣ въ XVI вѣкѣ, какъ извѣстно, процвѣтало живописное искусство въ такъ называемой „критской школѣ иконописанія“, отличительнымъ характеромъ которой считается перспективное совершенство изображаемыхъ сюжетовъ и нѣкоторая вольность и свобода художественнаго творчества. Съ появленіемъ на Аеонѣ монаха Теофана и сына его Симеона особенности иконописи критской школы находятъ для себя мѣсто на стѣнахъ знаменитѣйшей изъ аеонскихъ обителей лавры св. Аванасія Аеонскаго²⁾, затѣмъ Ксенофеской³⁾ и, наконецъ, въ новосозданной въ ту пору обители

¹⁾ Ibid. 1867 г., т. IV, стр. 282.

²⁾ „Историровалъ храмъ матеродѣвственной Дѣвы отъ самыхъ основаній содѣйствіемъ, трудомъ и иждивеніемъ Неофита, предстоятеля славной Верриі, уроженца изъ города Аеинъ, когда патріаршиль киръ Іеремія, а игуменомъ былъ киръ Киприанъ въ лѣто семь тысячъ двадцатое дважды, да третье (7020+20+3 т. е. 1535) 14 дня четвертаго мѣсяца (декабря) индикта 8 ки стію киръ Теофана монаха“. Такая надпись ищется на стѣнѣ лаврскаго соборнаго храма. Путеш. перв. по Аеону ч. I, отд. I, стр. 205.

³⁾ Надъ южнымъ выходомъ изъ внутренняго нарфиска соборнаго храма этого монастыря читаемъ: „Сей храмъ святой и пресловутый святаго велико-

Ставро-Никитской¹⁾. Иконопись этихъ монастырей, хотя отлична отъ иконописи пошиба аеонскаго письма и во многомъ даже превосходить этотъ послѣдній въ художественномъ отношеніи, не она все-таки невысокаго достоинства и значительно ниже иконописи Мануила Панселина. Всѣ, кому приходилось разсматривать плоды творческой дѣятельности критскихъ-аеонитовъ зографовъ, за исключеніемъ Макарія Бидонійца, пришедшаго въ восторгъ отъ иконописи монаха Теофана, котораго онъ даже, по недоразумѣнію, конечно, называетъ ученикомъ пресловутаго Мануила Панселина²⁾, считаютъ ихъ весьма посредственными. „Стѣнная живопись ея, говоритъ о. архимандритъ Антонинъ, ниже ватопедской достоинствомъ, и послѣ карейской представляется вовсе незамѣчательною“³⁾. Преосв. Порфирій, указавъ на отзывъ объ этой живописи, какъ „предивной и неподражаемой“ Макарія Бидонійца, не безъ ироніи замѣчаетъ: „на мой взглядъ, нечему тутъ дивиться, а неподражаемость можно замѣнить болѣе хорошими образцами стѣннаго иконописанія. Впрочемъ, прибавляетъ преосв. Порфирій для смягченія своего суроваго приговора, это я говорю о рисункахъ и освѣщеніи ликовъ: самое же сочиненіе Теофановскихъ стѣнныхъ изображеній стоитъ того, чтобы срисовать красками наилучшія изъ нихъ для исторіи восточнаго иконописанія“⁴⁾. Всѣ почти

мученика Георгія росписанъ и украшенъ содѣйствіемъ, трудами и издѣваніемъ благороднѣйшаго архонда нижней Валахіи, господина Нилумана и супруги его Аги, ради поминовенія ихъ и душевнаго спасенія. Кончено росписаніе сего храма въ субботній день мѣсяца октября рукою Теофана агиографа въ лѣто 7072, т. е. 1564 г.“ Второе путеш. по св. горѣ аеон. М. 1880 г., стр. 36.

¹⁾ „Художникъ, по словамъ о. архимандрита Антонина, называетъ себя монахомъ Теофаномъ. Росписаніе кончено въ 7054“ (1546 г.). Заѣт. поклон. св. горы стр. 132; Чт. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 219.

²⁾ Перв. путеш. въ аеон. скит. и мон. ч. I, отд. I, стр. 205; Слѣд. Труд. Кіев. дух. Акад. 1886 г., № 10, стр. 306.

³⁾ Заѣт. поклон. св. горы стр. 188.

⁴⁾ Перв. путеш. въ аеонск. скит. и мон. ч. I, отд. I, стр. 205.

картины его кисти обстоятельно описаны преосвящ. Порфириемъ¹⁾. Вообще же о кисти монаха Теофана нужно сказать, что въ его лицѣ критская школа иконописанія дала Аэону, хотя и трудолюбиваго²⁾, но посредственныхъ способностей и дарованій ученика. Въ позднѣйшее время, а именно въ XVII столѣтіи весьма виднымъ представителемъ этой школы иконописанія при Аэонѣ былъ нѣкто Николай Критянинъ, который по своимъ дарованіямъ стоять, по нашему мнѣнію, выше своего земляка монаха Теофана. Съ именемъ этого даровитаго художника можно отчасти связывать иконопись Всесвятскаго храма близъ Карей въ келіи, построенной іеромонахомъ Гавріиломъ, урожденцемъ румелійскимъ изъ села Карпениси³⁾, по заказу котораго работалъ Николай Критянинъ. Несомнѣнно же этому художнику принадлежитъ вышеописанная нами икона: *Ἡ θεία λειτουργία*, поступившая въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной Академіи изъ собранія восточныхъ иконъ покойнаго преосв. Порфирія Успенскаго. Богатство творческой фантазіи, широта замысла и бойкость художественной кисти обнаружены даровитымъ художникомъ въ полной силѣ, и критская школа иконописанія свободно можетъ подписаться подт иконою своего талантливаго ученика, какъ представителя своей школы на Аэонѣ. Художественныя дарованія Николая Критскаго еще болѣе получаютъ значенія въ нашихъ глазахъ, что надѣ

¹⁾ Втор. путеш. по св. горѣ аэон. М. 1880 г., стр. 36—39; Слич. Перв. путеш. ч. I, отд. I, стр. 205; Сборн. на 1966 г., отд. II, стр. 40.

²⁾ Кромѣ иконописи въ Лаврѣ, Ксенофѣ и Ставроникитѣ, о. архимандритъ Антонинъ готовъ приписать его кисти иконопись Котломужскаго монастыря, которую онъ находитъ сходною съ ставроникитскою (Замѣт. поклон. св. горы стр. 132), а преосв. Порфирій считаетъ весьма вѣроятнымъ, что живопись трапезы лавры св. Аванасія, нынѣ крайне испорченная и во многихъ мѣстахъ замазанная извѣстью, исполнена монахомъ Теофаномъ (Перв. путеш. въ аэон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 224; Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 218).

³⁾ Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 229.

тѣмъ же сюжетомъ работаль и монахъ Теофанъ¹⁾, но произведеніе его кисти во всемъ значительно уступаетъ иконѣ: 'H θεία λειτουργία первого.

Волѣ даровитымъ, хотя не столь плодовитымъ, какъ монахъ Теофанъ, былъ современникъ и соратникъ Мануила Панселина Фралгъ Кателланъ, родомъ еванецъ изъ Віотін. Его кисти принадлежитъ иконопись въ Никольскомъ придѣлѣ лаврскаго собора, исполненная имъ въ 1560 году²⁾. Для знакомства съ характеромъ его иконописанія мы дадимъ здѣсь слово преосв. Порфирію, описавшему весьма обстоятельно его замѣчательную икону: Погребеніе св. Николая Чудотворца, находящуюся надъ западнымъ выходомъ изъ придѣла. „Тутъ на первомъ планѣ, описываетъ онъ, видѣнъ усопшій святитель Николай, возлежащій на столѣ, покрытомъ шелковою тканію краснаго цвѣта съ золотистыми оторочками. Онъ облаченъ въ подризникъ, епитрахиль, палицу, фелонь и омофоръ, а на персяхъ своихъ обѣими руками держитъ закрытое Евангеліе. Подъ голову его подложена шелковая подушка краснаго цвѣта съ золотистыми шестыми наугольниками. У главія его стоятъ два епископа въ такихъ же облаченіяхъ, одинъ изъ нихъ съ Евангеліемъ у персей своихъ, и у ногъ его также два епископа въ такихъ же облаченіяхъ съ евангеліями у персей: одинъ изъ нихъ вадитъ. Пятый епископъ припалъ къ персямъ усопшаго святителя. За нимъ стоятъ два діакона въ розовыхъ стихаряхъ: одинъ изъ нихъ читаетъ или поетъ по книгѣ, а дру-

¹⁾ Перв. путеш. въ аеон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 205.

²⁾ „Историровалъ сей божественный и священный придѣлъ божественной и священной обители нашей, чествуемый во имя величайшаго святителя и чудотворца Николая содѣйствіемъ и иждивеніемъ честнѣйшаго монаха киръ Кипріана, когда игуменомъ былъ всепреподобнѣйшій отецъ нашъ киръ Игнатій іеромонахъ, въ лѣто 7068 (1560) индикта 3-го, рукою смиреннѣйшаго Фралга Кателлана изъ Оивъ, что въ Віотін“. Эта надпись находится въ придѣлѣ св. Николая надъ западною дверію. Перв. путеш. въ аеон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 207.

гой держать кацу съ епископомъ; на головахъ ихъ видны голыя гюменцы. Позади и около двухъ епископовъ, стоящихъ у возглавія св. Николая, видны именитые граждане и начальники города Миры Ликійской, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, и островерхихъ шляпахъ какъ бы въ шлемахъ: наибольшій изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держитъ зажженную свѣчу, а персты правой руки сложилъ такъ, какъ слагаетъ нашъ архіерей, когда благословляетъ народъ; такое же перстосложеніе видно и у другаго наибольшаго: оно у мірянъ есть знакъ, выражающій ихъ сознаніе, что они присутствуютъ при отпѣваніи архіерея. Позади, около двухъ епископовъ, стоящихъ у ногъ преставившагося епископа, видны восемь монаховъ въ кукуляхъ и мантияхъ, одинъ іерей безъ ризъ весьма печальный и подгорюнившійся, три мірянина и, кажется, нѣсколько женщинъ въ тѣни. Позади первой группы, мірской, нарисована кафедральная церковь святителя Николая съ тремя красивыми куполами, среднимъ большимъ и боковыми поменьше: входъ въ нее открытъ, а въ глуби виденъ престоль съ Евангелиемъ на немъ. Позади второй группы, монашеской, изображены отворенныя ворота города Миры въ видѣ зубчатой башни. Надъ всею этою картиною въ разверстомъ небѣ видны два ангела, принявшіе душу святителя Христова, облаченную въ архіерейскія одежды“. Послѣ столь обстоятельнаго описанія настоящей иконы преосвященный Порфирій совершенно справедливо даетъ такую прекрасную характеристику манеры письма Фралга еванца: „картина превосходная! Всѣ лица—разнообразны и весьма благообразны; и во всѣхъ ихъ выражена печаль. А колоритъ всей стѣнной живописи—естественный. Лица бѣлы. Это образецъ иконнаго письма греко-вессалійскаго“¹⁾.

О другихъ менѣе замѣчательныхъ афонскихъ зографяхъ достаточно сказано преосв. Порфириемъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ: „Зографическая лѣтопись Афона и мое сужденіе о

¹⁾ Перв. путеш. въ афон. мон. и скит. ч. I, отд. I, стр. 208—209.

тамошней иконописи¹⁾, которой и мы пользовались, при составленіи своего настоящаго очерка.

Церковно-богослужебныя принадлежности христіанскаго востока имѣютъ весьма немного особенностей сравнительно съ тѣми же принадлежностями въ нашихъ храмахъ.

Мантія епископская (*μαυδίας, μαυδύη*) на востокѣ—темно-лиловаго цвѣта съ золотыми источниками, сдѣланными изъ газа. Патріаршеская мантія отличается отъ архіерейской лишь тѣмъ, что на скрыжальяхъ ея всегда изображается икона Благовѣщенія. Игумены и архимандриты аеонскихъ монастырей носятъ мантію нашихъ архіереевъ, но съ изображеніями на скрыжальяхъ или Богоматери, или святаго, въ честь коего устроена обитель или даже праздника, въ который надѣвается мантія. Черная мантія²⁾, какую обыкновенно носятъ у насъ архимандриты или игумены, употребляется на Аеонѣ только во время Великаго поста.

Посохъ архіерейскій (*ράβδος*) или патерисса, патерица (*патерица, патерисса*), употребляется на востокѣ епископами и архимандритами. Архіерейскіе жезлы-состоятъ изъ палки, съ горизонтально на нее положенною небольшою поперечною, которая иногда замѣняется двумя змѣвидными главами, взаимно назадъ обращенными. Сулокъ или два небольшіе одинъ въ другой вложенные платка, по краямъ обшитые позументомъ и стягиваемые

¹⁾ Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1884 г., кн. III, стр. 217—255.

²⁾ Относительно монашеской аеонской мантіи у В. Григоровича-Барскаго мы находимъ слѣдующее нелитературное замѣчаніе. „Мантіи же тамо (т. е. на Аеонѣ), говоритъ онъ, инымъ способомъ, некако ремешными поясками крестообразно провлекши одинъ въ другій, на себѣ подвязываютъ благочинно и говѣнно, создаи верьху своей обычной одежды концы завязующе. Сия же способомъ не во всѣхъ монастыряхъ препоясуются, но въ нѣкихъ, въ иныхъ же обычно совокупльши поць браню, каковымъ либо недосмотримымъ способомъ, якоже и во странахъ російскихъ, но во святой горѣ меньшія отъ російскихъ мантіи, тако въ широту, якоже и въ долготу“ (Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 559).

шнуромъ на жезлѣ близъ поперечины для того, чтобы обернуть верхнюю часть жезла и сдѣлать чрезъ это болѣе удобнымъ его для употребленія,—не составляетъ необходимой принадлежности архіерейской патерицы на востокѣ. Весьма часто въ рукахъ епископа мы видѣли посохъ безъ сулка, украшенный лишь шипками или яблоками и змѣвидною рукояткою, увѣнчанною крестомъ. На Аеонѣ въ Русскихъ патерицы употребляются металлическія и костяныя, украшенныя художественною рѣзбою.

Облаченія епископа, священника и діакона имѣютъ самыя незначительныя особенности сравнительно съ употребляемыми у насъ въ Россіи. Митру употребляютъ при богослуженіи только епископы и притомъ тогда, когда священнодѣйствуетъ одинъ епископъ съ священниками. Когда же священнодѣйствуютъ многіе епископы, то митрою украшается старѣйшій изъ нихъ, а остальные стоятъ по обѣимъ сторонамъ престола на ряду съ священниками и съ открытыми головами. При патриаршемъ служеніи, въ которомъ обыкновенно участвуетъ весь Синодъ, въ митрѣ стоитъ только патриархъ. Митра, по формѣ сходная съ нашею, украшается на верху крестомъ. Патриаршая митра, кромѣ того, имѣетъ на выходной сторонѣ подъ иконою Спасителя византійскій орелъ. Архимандриты правомъ ношенія митры не пользуются. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ игуменъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, который, по русскому обычаю, въ отсутствіе епископа, при богослуженіи, за весьма немногими исключеніями, употребляетъ митру. Въ священническомъ облаченіи совершенно отсутствуетъ набедренникъ¹⁾, вмѣсто котораго заслуженные священники награждаются п а л и ц е ю. Есть нѣкоторая особенность и въ формѣ фелони, у которой передняя сторона значительно длиннѣе, чѣмъ у нашихъ фелоней, и поэтому, при богослуженіи, въ положенное, по Уставу, время она спускается и для удобства

¹⁾ Въ русскихъ аеонскихъ монастыряхъ употребляютъ при богослуженіи набедренникъ, хотя при случаѣ спокойно замѣняютъ его палицею.

дѣйствія собирается на руки. Въ діакономъ облаченіи, какъ на особенность, нужно обратить вниманіе на способъ ношенія ораря и на его украшенія. Орарь діаконоскій—длиною до 7 аршинъ, съ вышитыми на немъ золотыми словами: Ἅγιος, ἄγιος, ἄγιος или Святъ, святъ, святъ¹⁾. Носится онъ діаконами такимъ образомъ: діаконь, возложивъ орарь на лѣвое плечо, опускаетъ его на правую сторону и, проведя подъ правую рукою, снова возлагаетъ на лѣвое плечо и опускаетъ конецъ до земли, при чемъ наблюдаетъ, чтобы два крестика, находящіеся на орарѣ, лежали на его плечѣ рядомъ. Этотъ способъ ношенія ораря аеонскими іеродіаконами отчасти напоминаетъ нашъ русскій обычай, практикуемый въ нашихъ лаврахъ и въ нѣкоторыхъ каедральныхъ соборахъ. Почти такимъ образомъ носятъ орарь наши архидіаконы, но съ тою небольшою разницею, что нашъ архидіаконоскій орарь состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одна перепоясываетъ его съ лѣваго плеча на правое и отдѣлена совершенно отъ другой, представляющей обычный орарь и возлагаемой по принятому правилу.

Р и п и д и (ἑξαπτερίψα) на востокъ, какъ показываетъ и ихъ греческое наименованіе, представляютъ шестокрылатыхъ херуви-

¹⁾ Обычай этотъ древній въ практикѣ греческой Церкви. О немъ ясныя свидѣтельства находимъ у Симеона Солунскаго въ его сочиненіи „О богослужебномъ храмѣ“ (Mign. Patrol. curs. complet. t. 155, pag. 712, conf. pag. 381). Изображенія діаконосскихъ орарей съ указанными выше словами можно видѣть у Гоара въ его *Ευχολογ.* pag. 147 (по париж. изд.) и въ *Codex liturg. eccles. orient. Daniel. Lips. 1853, ap. t. II, pag. 405.* Орарь съ словами: Святъ, святъ, святъ употреблялся въ древности и у насъ въ Россіи (Лебед. Москов. каедр. Арханг. соб. М. 1880 г., стр. 317), и при возложеніи его діаконь даже долженъ былъ читать слова: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ“. Служебн. ркп. Солов. библ. № 1021, л. 115 об.; № 1023, л. 69 об.; ркп. М. Синод. библ. № 617, л. 30; ркп. Волок. библ. № 86, л. 4 об.; № 88, л. 2; слич. Служебн. Евфимія, митр. Тырнов. гласн. сруск. ученог. друштв. 1869 г., кн. VIII, стр. 290.

мовъ и употребляются не только при архіерейскомъ богослуженіи, но даже и въ то время, когда литургію совершаетъ одинъ священникъ. Во время великаго выхода, при перенесеніи св. даровъ съ жертвенника на престолъ, впереди священника и въ Константинополѣ и на Аѳонѣ (въ нѣкоторыхъ храмахъ) простые мальчики или еkkлiсiархи несутъ рипиды. Священники употребляютъ ихъ также, при совершеніи водоосвященій, при выносѣ плащаницы и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. На Аѳонѣ и отчасти въ Константинополѣ, кромѣ этихъ большихъ настоящихъ рипидъ, употребляютъ еще малыя рипиды, которыми вѣетъ надъ дарами, послѣ ихъ откровенія, священникъ для того, чтобы насѣкомыя не могли попасть въ св. сосудъ. Иногда же ихъ полагаютъ прямо на сосудъ, такъ какъ эти рипиды по формѣ представляютъ ни больше, ни меньше, какъ картонный кружокъ, украшенный разноцвѣтнымъ бисеромъ. Весьма нерѣдко эти малыя рипиды замѣняются обычною пеленою¹⁾, употребляемою священникомъ, при потребленіи св. Таинъ.

Помимо большихъ и малыхъ рипидъ, употребляемыхъ священникомъ и діакономъ и притомъ въ алтарѣ, на Аѳонѣ мы видѣли еще рипиды, которыя хранятся въ храмѣ, и ими пользуются еkkлiсiархи весьма искусно и вполне благочинно для быстрого тушенія высоко состоящихъ и горящихъ свѣчъ. Обычай достоинъ, по нашему мнѣнію, полного подражанія особенно въ нашихъ монастыряхъ. Самое обстоятельное и подробное описаніе этихъ рипидъ сдѣлалъ путешественникъ В. Григоровичъ - Барскій. „Въ погашеніи кандиловъ, говоритъ онъ, употребляютъ тамо (т. е. на Аѳонѣ) нѣкую рипиду на подобіе метлы, широко и тонко простертой сдѣлану, съ долгимъ рукоятіемъ и хитростію искуснаго преплетанія, ею же, при концахъ церковнаго правила, помизающіи и легко движущи,

¹⁾ На востокѣ пелены употребляются льняныя и шерстяныя, а не шелковыя, какъ у насъ въ Россіи, такъ какъ онѣ весьма легко вбираютъ въ себя мокроты и съ удобствомъ служатъ для своей цѣли.

творятъ лѣпозрачное и великолѣпное въ храмѣ потушеніе. Рипида же зѣло лѣпозрачна есть, понеже содѣлана есть отъ долгихъ перьевъ хвоста павлинаго въ княжествѣ волосскомъ нѣкимъ удивительнымъ сложеніемъ¹⁾. Въ данномъ случаѣ описывается рипида, употребляемая въ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго, но подобныя рипиды и доселѣ употребляются на всемъ Аѳонѣ и въ художественномъ отношеніи стоятъ не ниже только что описанной. вмѣсто павлиныхъ перьевъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ мы видѣли въ подобныхъ рипидахъ перья простыхъ птицъ, напр. сѣраго гуся и др.

Для кажденія на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, кромѣ обычныхъ кадильницъ, употребляются еще кацеи (κατσί)²⁾. Ими кадятъ главнымъ образомъ епископы во время литургіи, когда поютъ трисвятое—*δὲναμις*, на утрени, на повечеріяхъ и во время совершенія нѣкоторыхъ частныхъ требъ; но иногда ею совершаетъ каженіе и священникъ или архимандритъ³⁾. Для кажденія епископы, одѣтые въ мантіи во всю церковную службу, прикалываютъ къ правому плечу одинъ конецъ большой челены или воздуха съ крестомъ по срединѣ и съ оторочкою по краямъ изъ

¹⁾ Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 568.

²⁾ Слово это въ болгарскомъ Типиконѣ переводится такъ: кадитъ съ ручкою (изд. Констант. 1853 г., стр. 282; слич. Топик. edit. Аѳон. 1885 pag. 205), чѣмъ указывается на форму ея устройства, хотя и не вполне опредѣленно. Кацея въ настоящее время употребляется въ Россіи только въ частныхъ домахъ и богослужебнаго характера не имѣетъ, во вѣ старину она была одною изъ богослужебныхъ принадлежностей нашихъ русскихъ храмовъ (Древност. Труд. М. археол. общ. т. VI, в. II, М. 1874 г., стр. 59 материал. для археол. словаря) и безъ всякаго сомнѣнія исполняла свое прямое назначеніе.

³⁾ По современному греческому Типикону, кадятъ великій архимандритъ кацею (*ὁ μέγας ἀρχιμανδρίτης θυμιάζει μὲ τὸ κατσί*), напр., на утрени въ Великій понедѣльникъ во время чтенія въ началѣ ея псалма „Усышши ты Господь“ (Топик. 1885 ст. сѣл. 205, 208) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

позумента, а другой конецъ держать въ правой рукѣ вмѣстѣ съ ручкою кацеи. По формѣ своей аеонская кацея напоминаетъ обычную кадильницу, но безъ цѣпочекъ, вмѣсто которыхъ къ нижней чашечкѣ ея придѣлывается рукоятка, покрытая тонкимъ рѣзнымъ металлическимъ листомъ, разширающимся по мѣрѣ удаленія отъ чашечки съ закругленіемъ на концѣ, къ которому на трехъ небольшихъ цѣпочкахъ прикрѣплены довольно большіе бубенцы, звѣнящіе при кажденіи отъ удара ихъ объ локоть кадищаго. Держать кацею кадящій не за упомянутую сейчасъ ручку, а за другую, которая находится подъ этимъ листомъ и прикрѣплена къ основной ручкѣ. Для удобства она выгнута¹⁾.

При обычномъ кажденіи²⁾ храма въ праздники, на Аеонѣ священники и діавоны носятъ на плечѣ сосуды для ладона, имѣющіе видъ церкви. „Егда кадитъ священникъ, обходя всю церковь, пишетъ Григоровичъ - Барскій, носитъ въ рукѣ лѣвой ковчежець серебрянъ или позлащенъ съ кандиломъ, и лѣноты ради

¹⁾ Еккліасіархъ, по словамъ Григоровича - Барскаго, въ числѣ многихъ другихъ обязанностей, между прочимъ „кадитъ всю церковь нѣкакою кадильницею краткою, нарицаемою кацы, яже не употребляется въ иныхъ странахъ (по его увѣренію и въ Россіи она — „необычна“ стр. 456), не висима бо есть, но въ рукѣ держима крѣпко, еяже аще и образъ бываетъ различенъ, по хитрости сребродѣлателя, обаче напр. есть сяцевый (см. рисунокъ въ изд. Палест. общ.), откровенный и покровенный, егоже держаши подъ спудомъ, кадитъ крестообразно безъ кlobука въ мантии, на литургии на трисвятомъ, на повечерницѣ, на канонѣ, на параклисѣ Богородичнемъ и на молебнахъ святыхъ, на полиелей и на малой вечерни предъ бдѣніемъ“ (Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 558).

²⁾ Для кажденія въ дни будничные во время пѣнія на вечернѣ „Яко кадило предъ Тобою“ и во время чтенія двусалмیا въ началѣ утрени, священникъ или діаконъ употребляютъ, такъ называемое, будничное кадило, состоящее изъ одной нижней чашечки безъ верхней и безъ звоновь или бубенчиковъ. Эта форма богослужебнаго кадила по своему происхожденію — древнѣйшая. См. Мифолог. импер. Васил. ч. I, стр. 63, 146, 160, 192, 210 и др.

церковной и употребленія, вегда сгоритъ, еже въ кадильницѣ, егда же діаконъ кадитъ носить на лѣвомъ ремени, рукою поддерживая ковчегъ большій златокованный, на подобіе гробницы или церкви, съ главами и крестами¹⁾; еще же и діаконъ малъ въ руцѣ носить, кадищи на вечерни предъ преждеосвященною²⁾. Во время этого кажденія діаконъ имѣютъ пелены или воздухи, одинъ конецъ которыхъ прикрѣпленъ къ лѣвому плечу ихъ, а другой они держатъ въ лѣвой рукѣ вмѣстѣ съ ручкою самого ковчега или ладоницы³⁾.

Для теплоты, которую подаютъ священнику предъ причащеніемъ св. Таинъ, употребляется серебряный кувшинчикъ съ двумя ручками и двумя носиками. Теплота же для запиванія, послѣ причащенія св. Таинъ, подается причастникамъ въ маленькихъ металлическихъ стаканчикахъ.

Для чтенія Евангелія во время литургіи на Аеонѣ употребляется особый аналой, называемый дискелліемъ⁴⁾ или двубедренникомъ. Онъ состоитъ изъ четырехъ палокъ въ видѣ змѣй, соединенныхъ между собою по срединѣ полнеромъ, а вверху по-

1) См. рисунокъ въ изданіи книги Григоровича - Барскаго, сдѣланномъ Палестинскимъ обществомъ.

2) Путеш. къ свят. мѣстамъ стр. 559.

3) Употребленіе подобныхъ ладоницъ въ богослужебной практикѣ имѣло мѣсто и у насъ въ Россіи, какъ это можно заключать на основаніи мозаикъ Кіево - софійскаго собора и стѣнныхъ изображеній въ Новгородской Спасо - Нередицкой церкви, гдѣ видны изображенія діаконъ съ подобными сосудами на плечахъ и съ платками въ рукахъ (Голуб. Истор. русск. Церк. т. I, полов. II, стр. 243, прим. 2), а также на основаніи сохранившихся отъ древнѣйшаго времени подобныхъ ладоницъ въ нашихъ русскихъ церквахъ.

4) Рисунокъ дискеллія имѣется въ книгѣ преосв. Порфирія Перв. путеш. въ аеон. монаст. и скит. стр. 90. Здѣсь же имѣется и объясненіе вопроса: „къ чему тутъ змѣя?“ „Змѣи, изъ которыхъ составленъ дискеллія, по мнѣнію преосв. Порфирія, напоминаютъ собою изобретателя письменъ финикійскихъ и поводъ къ ихъ изобрѣтенію. Этотъ изобрѣтатель былъ

средствомъ кожи. При надобности, онъ раскладывается, а, по инованіи ея, складывается и стоитъ у стѣны храма.

Въ богослуженіи христіанскаго востока весьма часто употребляется колокольчикъ (κρόσσον)¹⁾, которымъ ударяють послѣ совершенія проскомидіи, причемъ народъ²⁾ и монахи выходятъ изъ своихъ стасидій, снимають камлавки, наклоняють головы и поминають про себя имена живыхъ и умершихъ, а священникъ въ это время вынимаетъ частицы изъ просфоры. То же самое дѣлается, при архіерейскомъ богослуженіи, во время пѣнія „Иже херувимы“, когда епископъ начинаетъ совершать поминовеніе въ жертвенномъ отдѣленіи. Употребляется этотъ звонокъ и въ другихъ случаяхъ, напр., при перенесеніи св. Даровъ съ престола на жертвенникъ въ началѣ литургіи преждеосвященныхъ, при обратномъ перенесеніи съ жертвенника на престолъ во время пѣнія „Нынь силы небесныя“, при чтеніи Евангелія на Пасху и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Колокольчикъ этотъ состоитъ изъ опрокинутой чашечки съ молоточкомъ на верху, и напоминаетъ наши обычные комнатные или кабинетные колокольчики.

Въ богослужебной практикѣ Константинополя и главнымъ образомъ Афона, помимо названныхъ важнѣйшихъ богослужебныхъ принадлежностей, употребляются еще нѣкоторыя мелкія вещи, какъ напр., сткляница или стеклянный флаконъ для розовой воды,

Татъ. Онъ наблюдалъ огненную породу змѣй и на таблицахъ изобразилъ ихъ различныя движенія и положенія въ разныхъ состояніяхъ, когда, напр., змѣя сбрасываетъ съ себя старую кожу, или когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, разлагается и истлѣвается“.

1) По мнѣнію П. С. Казанскаго, „упоминаемая въ нашемъ Уставѣ кандія есть искусственное названіе κρόσσον. Слова: кандія нѣтъ ни въ древнемъ греческомъ языкѣ, ни въ новѣйшемъ“. Труд. перв. археол. съѣздъ въ М. 1869 г., кн. I, стр. 316.

2) Въ Константинополѣ весьма нерѣдко мужчины, особенно старики, стоятъ во время богослуженія въ фескахъ, которые они снимають въ упомянутое нами время и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

которую кропятъ народъ за богослуженіемъ въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, рукомошникъ для омовенія рукъ епископа, блюда и тарелочки для Агнца, антидора и панагіи съ изображеніемъ посредникъ Богоматери, а по краямъ съ словами изъ пѣсни въ честь Ея: „Достойно есть“, панагіаръ, дикирій и трикирій, блюда для колива въ честь святыхъ и умершихъ и обыкновенные ковчеги для мощей. Изъ этихъ предметовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія дикирій и трикирій, имѣющіе ту особенность отъ нашихъ, что поставленные въ нихъ высокія свѣчи пересекаютъ другъ друга и перевязаны ленточками, и панагіаръ или складень, употребляемый для складыванія частей панагіиной просфоры. На внутренней и наружной сторонахъ панагіара имѣется изображеніе Богоматери.

Примѣчаніе. Говоря о богослужбныхъ принадлежностяхъ и священныхъ облаченіяхъ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о домашнемъ или внѣбогослужбномъ костюмѣ восточнаго духовенства, который дастъ намъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ для сравненія его съ костюмомъ нашего духовенства.

Господствующій цвѣтъ въ одѣяніи бѣлаго и чернаго духовенства на востокѣ черный. Мы видѣли только на вселенскомъ патріархѣ рясу темнокоричневаго цвѣта. Сукно, шерсть и весьма рѣдко шелкъ—вотъ матеріалы, изъ которыхъ на востокѣ дѣлаются одѣянія священнослужителей. Покрой одеждъ весьма значительно разнится отъ нашихъ. Подрясникъ или полукафтаныя весьма часто дѣлается такъ же, какъ у насъ, но иногда застегивается на глухо рядомъ пуговицъ, идущихъ во всю длину подрясника, сверху до низу. Ряса отличается полнотою и свободно лежитъ на корпусѣ; внизу она имѣетъ по разрѣзу на обѣихъ сторонахъ. Рукава ея необыкновенно широки. Воротникъ ея довольно плотный и свободно облегаетъ шею, такъ какъ онъ на толстой подкладкѣ и простеганъ шелкомъ. Застегивается ряса вверху кручеными петлями. Ни перехватовъ у талія, ни вставочныхъ клиньевъ подъ мышками, ни цвѣтныхъ—голубыхъ, красныхъ и желтыхъ

подкладокъ она не имѣеть. Скромность, простота и необыкновенное удобство—вотъ ея достоинства. Весьма часто восточная ряса носится въ видѣ накидки и не надѣвается въ рукава. Голова патриарха, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, священниковъ и даже діаконовъ покрыта черною камилавкою (*καμηλαύχιον*), которая въ основаніи похожа на нашу, но вверху, нѣсколько приподнявшись, опускается надъ основаніемъ и поэтому въ общемъ имѣеть видъ камилавки, употребляемой у насъ въ Россіи католическими священниками. Никто изъ высшихъ іерарховъ восточныхъ не носитъ ни бѣлыхъ, ни черныхъ клобуковъ, но всѣ употребляютъ эту камилавку. Очевидно, это дѣлается потому, что іерархи восточные монастыря не принимаютъ и, по своему положенію, остаются въ костюмѣ простаго священника, отъ котораго они ничѣмъ не отличаются во время вѣбобогослужебное. Восточные іерархи въ обыкновенное время не имѣютъ на себѣ ни панатій, ни крестовъ¹⁾. Посохи или священническія палки имѣютъ въ рукахъ весьма немногіе изъ духовныхъ лицъ. Волоса носятъ безъ подстриговъ, но имѣющіе длинные волосы не распускаютъ ихъ по плечамъ, а скручиваютъ и закладываютъ въ камилавки. Въ время богослуженія діаконы служатъ въ Константинополѣ съ открытою головою, а на Аѳонѣ съ камилавкою на головѣ, но волосъ не распускаютъ по стихарю, а подбираютъ ихъ подъ него. Во время богослуженій священнослужители въ Константинополѣ, напр., перемѣняютъ иногда обычные сапоги на башмаки, которыя оставляются въ церкви послѣ богослуженія.

Подрясникъ (*ζωστικὸν, ἀντερὶ*) и ряса (*ράσον*) восточныхъ монаховъ отличаются простотою и отсутствіемъ блеска, роскоши и щегольства. Поверхъ подрясника дома монахи употребляютъ полуряски или безрукавое короткое пальто, иногда на мѣху, къ кото-

¹⁾ Только въ Іерусалимѣ архіерей носятъ внѣ храма панатіи, а архимандриты кресты. Очевидно, здѣсь сказалось вліяніе практики русской церкви.

рому восточное духовенство вообще весьма не равнодушно. Камилавка монашеская сходна съ нашею, но имѣетъ ту особенность, что на верху ея дѣлается изъ клиньевъ крестъ. Камилавки монаховъ шерстяныя. Наметки или покрывала (*ἐπανωκαμηλαύχιον*) не пришиваются, какъ у насъ, но накладываются на камилавки или шапочки въ опредѣленное время, а въ остальное время онѣ лежатъ на плечахъ монаховъ, которые стоятъ въ однихъ камилавкахъ.

ДОПОЛНЕНИЯ и ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ настоящаго выпуска: „Типиконъ великой Церкви, или современный Типиконъ греческихъ приходскихъ церквей“, дѣлая характеристику этого Типикона, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ два послѣднія его изданія—константинопольское 1884 года и аѳинское 1885 года, оба въ изложеніи или редакціи протопсалта великой Церкви Константина, который въ первый разъ издалъ въ свѣтъ Типиконъ великой Церкви въ 1838 году. Теперь мы считаемъ не лишнимъ заявить нашимъ читателямъ, что представленная въ этой статьѣ характеристика уже не будетъ отвѣчать вполне дѣйствительному положенію вещей. Въ 1888 году, съ благословенія нынѣшняго вселенскаго патріарха Діонисія V, изданъ въ Константинополѣ Типиконъ великой Церкви въ новой значительно исправленной и дополненной редакціи. Полное заглавіе этого изданія такое: *Τυπικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, δις ἐκδοθὲν ὑπὸ Κωνσταντίνου πρωτοψάλτου, διασκευασθὲν δὲ καὶ πολλαῖς προσθήκαις καὶ ἐπιδιορθώσεσι συμπληρωθὲν ὑπὸ τοῦ νῦν πρωτοψάλτου Γεωργίου Βισλάκη, ἐργασθέντος μετὰ δύο ἀλλεπαλλήλων ἐπιτροπῶν, ἐπὶ τούτῳ πατριαρχικῇ κελεύσει ὀρισθεισῶν, ἐκδίδεται ἀδείᾳ καὶ ἐγκρίσει τῆς Α. Θ. Π. τοῦ ἰοουμενικοῦ πατριάρχου καὶ τῆς περὶ αὐτοῦ ἱεραῶς συνόδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1888 ετ. Ἐκ τοῦ πατρ. τυπογραφείου. Глав-*

ная отличительная особенность этого Типикона отъ предыдущихъ изданій заключается въ значительной полнотѣ памяти святыхъ и обстоятельности изложенія службъ для нихъ, въ большемъ соотвѣтствіи этого Типикона съ іерусалимскимъ Типикономъ венеціанскаго изданія, вліяніе котораго въ предыдущихъ изданіяхъ едва было замѣтно и, наконецъ, въ болѣе точномъ изложеніи тѣхъ типикарныхъ казуистическихъ тонкостей, которыя извѣстны лишь знатокамъ церковнаго устава и которыя людей малоопытныхъ и малознающихъ церковную практику приводятъ къ большимъ недоразумѣніямъ и нелегко побѣдимымъ трудностямъ. Объ этомъ изданіи Типикона великой Церкви 1888 года мы скажемъ свое обстоятельное слово въ спеціальной работѣ по исторіи греческаго церковнаго устава, приготовляемой нами къ печати.

На стр. 81 сего выпуска мы сказали слѣдующее: „въ области Требника практика греческой церкви еще не выработала подобной книги“ (т. е. въ родѣ книги Іеронима Богіатзи, называемой у грековъ, Ἱεροταλεστικὸν τεῦχος), но это наше замѣчаніе оказывается ошибочнымъ. Въ дѣйствительности, въ практикѣ современной намъ греческой церкви уже довольно давно имѣется книга, прямое назначеніе которой замѣнить для приходскаго священника, такъ называемый, большой Евхологіи (Μέγα Εὐχολόγιον), заключающій въ себѣ очень много такого, что въ приходской практикѣ не имѣеть никакого отношенія. Полное заглавіе этой книги слѣдующее: Ἁγιασματάριον τὸ μέγα, περιέχον ἀκολουθίας καὶ εὐχάς, ἐκλεχθείσας ἐκ τοῦ μεγάλου Εὐχολογίου τὰς χρησιμωτέρας τοῖς ἱερεῦσι, ἔκδοσις ἐβδόμη, διορθωθείσα πρὸς τὴν κατὰ τὸ 1851 παρὰ τῷ Φοίνικι ἔκδοσιν αὐτοῦ τούτου τοῦ Μ. Εὐχολογίου τῆ ἐγγράφῃ ἀδείᾳ τῆς ἁγίας τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Βενετία, ἐκ τοῦ ἑλλην. τυπογρ. ὁ Φοίνιξ. 1887 ἐτ. Подъ этимъ весьма неточнымъ заглавіемъ у современныхъ грековъ мы находимъ нашъ краткій Требникъ, какъ это ясно

видно изъ подробнаго перечня, входящихъ въ „Агіасматаріонъ“, статей. Содержаніе этой книги составляютъ слѣдующія статьи: молитвы свѣтильничныя вечернія и утреннія, послѣдованія вечерней и утренней службъ, чинъ малаго водоосвященія, два молебныхъ канона Пресвятой Богородицѣ, чинъ крещенія съ молитвами нареченія имени дитяти, очищенія дома, жены родильницы и съ чиномъ воцерковленія дитяти, чины обрученія и вѣнчанія, послѣдованіе второбрачныхъ, молитвы закленательныя Василия Великаго и Іоанна Златоуста, послѣдованіе молебна надъ болящимъ и страждущимъ отъ духовъ нечистыхъ, послѣдованіе исповѣдающихся, послѣдованіе елеосвященія, послѣдованіе надъ больнымъ душевно, чины погребенія мірскихъ чловѣкъ, монаховъ, священниковъ и младенцевъ, литія надъ умершими, молитвы на различные житейскіе случаи, одиннадцать утреннихъ евангелій, величанія, которыя поются на девятой пѣсни въ Господскіе и Богородичные праздники, катавасіи на цѣлый годъ, отпусты въ Господскіе праздники, Николая Малаксы объясненіе значенія пальцевъ священника, слагаемыхъ для благословенія народа, Великаго Василия наставленіе священнику о важности священническаго служенія и слово св. Максима Мудраго о томъ, каковъ долженъ быть іерей.

Въ виду указаннаго несоотвѣтствія описанной выше книги между надписаніемъ или заглавіемъ и ея содержаніемъ, на востокѣ образовалась небольшая книжка подъ названіемъ: „Ἀγίασματάριον μικρόν“, которая, какъ показываетъ и самое заглавіе, содержитъ въ себѣ только одни чины малаго и великаго водоосвященія.

На Аѳонской горѣ для тѣхъ же чинопослѣдованій имѣется своя особенная книжица, надписываемая такъ: Ἀγίασματάριον κατὰ τὸν ἐν τῷ Ἀγίῳ ὄρει τύπον.

Кромѣ названныхъ сейчасъ богослужебныхъ книгъ, въ современной церковно-богослужебной практикѣ православ-

наго востока употребляются, какъ намъ теперь извѣстно, и нѣкоторыя другія книги, которыя или разнятся отъ нашихъ съ подобнымъ названіемъ своимъ составомъ, или же у насъ въ практикѣ совершенно неизвѣстны:

Ὁκτώηχος—книга, содержащая въ себѣ только воскресныя службы на всѣ восемь гласовъ. Наша книга съ тѣмъ же заглавіемъ называется у грековъ „Παρακλητικὴ“ (въ 2-хъ частяхъ) и имѣетъ лишь то весьма несущественное отличіе, что не содержитъ въ себѣ Богородичныхъ каноновъ на псалмострофіяхъ, выдѣленныхъ на востокѣ въ особую книжицу подъ названіемъ: „Θεοτοκάριον“.

Λειτουργικὸν σὺν Θεῷ ἁγίῳ, περιέχον τὰ ψαλλόμενα ἐν ταῖς ἱεραῖς λειτουργίαις εἰς τὰς ἑορτάς καὶ εἰς ἄλλας ἐπίσημους ἡμέρας, νεωστὶ συνταχθὲν παρὰ τοῦ ἐν ἱερῶσι Χρυσάνθου τοῦ Μοσχοπούλου πρὸς χρῆσιν τῶν ἐβλαβεστάτων ἱερέων καὶ ψαλλτῶν, καὶ μετὰ πλειστῆς ἐπιμελείας διορθωθὲν. Ἐν Ἐπίσει. 1777, παρὰ Ἀντωνίῳ τῷ Βόρτολι. Въ составъ этой книги входятъ всѣ тѣ тропари и стихиры, которые поются на литургіяхъ цѣлаго года во время воскресныхъ, дванадесятихъ и праздничныхъ дней. Порядокъ расположенія статей таковъ: послѣдованіе изобразительныхъ, тропари воскресные изъ Октоиха, воскресные изъ Тріодей Постной и Цвѣтной, изъ Миней на цѣлый годъ (только на важнѣйшіе дни года), тропари изъ Анеологія или праздничной Миней для одного и для многихъ святыхъ и тропари, заимствованные изъ отдѣльныхъ службъ въ честь святыхъ, мѣстно чтимыхъ, напр., на 24 сентября тропари Богородицѣ Миртидіотиссѣ (τῆς Μυρτιδιότισσης), на 20 октября—преподобному Герасиму, новому подвижнику и преподобной Матронѣ Хіополитидѣ (τῆς Χιοπολίτιδος), на 26 ноября—преподобному Алипію Столпнику, на 12 декабря—св. Спиридону чудотворцу, на 17 того же мѣсяца—Діонисію Закинескому, на 30 января—вспоминанію чуда, бывшаго отъ великомученика Георгія, на 10 февраля—священному-

ченику Харлампію, на 19 апрѣля—св. мученику Іоанну изъ Іоаннина, на 3 мая—мученикамъ Тимоею и Маврѣ, на 15 того же мѣсяца—св. Ахиллу, архіепископу Ларисскому, на 29 того же мѣсяца—св. Михайлу, епископу Синадскому (Συναδων), на 31 іюля—перенесенію мощей св. славнаго апостола Филиппа и на 31 августа—воспоминанію бывшаго чуда отъ св. и чудотворца Спиридона.

Полный кругъ богослужбныхъ книгъ на цѣлый годъ въ сокращенномъ изложеніи называется у грековъ „Πανδέκτη“, а такой же кругъ для одной недѣли называется „Ἐβδομαδάριον“.

Ἀκολουθία τοῦ ἀναγνώστου. Такъ называется книжка, содержащая въ себѣ чинъ послѣдованія изображительныхъ.

Ἀκολουθία τῆς μεταλήψεως содержитъ въ себѣ послѣдованіе ко причащенію св. Тайнъ.

Ἀκολουθία τοῦ μνημοσύνου κατὰ τὴν τάξιν τοῦ ἁγίου ὄρου ἐκδίδεται τὸ πρῶτον δαπάνη Σάββα, ἱερομονάχου ἐκ τοῦ Ἰβηρικοῦ κελλίου τῶν ἁγίων Ἀναργύρων, πλησίον τοῦ Πρωτάτου. Ἐν Ἀθην. 1889. По этой книгѣ на Аѳонѣ служатъ чинъ великой панихиды, совершаемый въ день храмовыхъ праздниковъ, по ктитораѣ обители или келліи. Тотъ же чинъ, издаваемый для повсемѣстнаго употребленія, нерѣдко называется „Νεκρώσιμα“.

Ἀκολουθία ἱερὰ εἰν τὴν μετάστασιν τῆς Ὑπεραγίας Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας. Ἐν Ἱεροσολύμοις, ἐκ τοῦ πατριαρχ. τυπογρ. τοῦ π. τάφου 1885 ετ. Это послѣдованіе, изданное по распоряженію патріарха іерусалимскаго Никодима I, содержитъ въ себѣ особенную службу въ день Успенія Богоматери, совершаемую въ Геесиманіи, на Аѳонѣ и у насъ въ Россіи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ службѣ имѣются непорочны по образцу непорочныхъ великой субботы и особые тропари, называемые „ἑυλογητάρια“.

Διάταξις τοπικοῦ τῶν κατὰ τὴν ἑορτὴν τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἀκολουθιῶν. Такъ называется служба, совершаемая нынѣ въ Вавелемѣ въ день Рождества Христова. Издана эта служба въ 1886 г., по повелѣнію патріарха іерусалимскаго Никодима I.

Ἀκολουθία τοῦ ἱεροῦ νιπτῆρος, τελουμένη ἐν τῷ πατριαρχικῷ ὕρονῳ τῶν Ἱεροσολύμων. Ἐν Ἱεροσολ. ἐκ τοῦ πατρ. τοπογρ. τοῦ π. τάφου. 1885 ετ. Послѣдованіе умовенія ногъ, совершаемое нынѣ на востокѣ только въ Іерусалимѣ, издано по благословенію патріарха іерусалимскаго Никодима I. По своему составу это послѣдованіе весьма значительно отличается отъ подобнаго чина, практикуемаго нынѣ у насъ въ Россіи и отъ всѣхъ чиновъ, употреблявшихся на востокѣ въ древней церковной практикѣ.

На востокѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ совершается и до нынѣ литургія св. апостола Іакова, но не по древнѣйшимъ ея спискамъ, а по особому, на сей случай составленному, послѣдованію. Вотъ заглавіе этой брошюры: Ἡ θεία λειτουργία τοῦ ἁγίου ἐνδόξου ἀποστόλου Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθεοῦ καὶ πρώτου ἱεράρχου τῶν Ἱεροσολύμων, ἐκδοθεῖσα μετὰ διατάξεως καὶ σημειώσεων ὑπὸ Διονυσίου Λάτα, ἀρχιεπισκόπου Ζακύνθου. Ἐν Ζακύνθ. τοπ. Σ. Καφοκεφάλου. 1886 ετ.

На востокѣ нотное пѣніе въ большомъ распространеніи, а поэтому на клиросахъ пѣвчими употребляется много богослужебныхъ книгъ нотныхъ, изъ коихъ назовемъ здѣсь болѣе или менѣе важныя и общеупотребительныя въ обиходѣ книги: Ἀναστασιματάριον—Службы на воскресные дни. Δοξαστάριον—Славники на цѣлый годъ, поемые во время входа. Εἰρμολόγιον καλλιφωνικόν—Нотные ирмосы. Εἰρμολόγιον τῶν καταβасиῶν—Ирмологъ праздничныхъ катасасій.

Ἡ μεγάλη ἐβδομάς—Службы Страстной седмицы.

Ταμείον Ἀνθολογίας 3 τ.	}	Это сборники, заключающие въ себѣ службы цѣлаго церковнаго круга.
Νέον ταμείον Ἀνθολογίας 3 τ.		
Μουσική Βιβλιοθήκη 3 τ.		
Μουσική Κυψέλη 2 τ.		
Πανδέκτη 3 τ.		

Помимо указанныхъ, нотныя книги имѣютъ много и другихъ частныхъ названій, какъ напр., „Ἀνοιξαντάριον“ (т. е. книга, содержащая въ себѣ 103 псаломъ, положенный на ноты), „Κεκραγάριον“ (т. е. книга съ стихирами на „Господи воззвахъ“) и др. Всѣ подобныя книжки существуютъ болшею частію въ рукописяхъ. Изъ учебниковъ для знакомства съ греческими нотами пользуются извѣстностію: „Κρίσις“ и „Θεωρητικόν“.

Къ стр. 84. „Ἀρχιερατικόν“, или книга, при архіерейскомъ богослуженіи употребляемая, называется иногда такъ: „Φολλάδα ἀρχιερατική“.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
2	7 сн.	большаго	большого
4	10 св.	образовало	образовала
12	5 —	ὠφελείαν	ὠφέλειαν
16	4 —	свѣдующій	свѣдущій
19	18 —	ἰβήρων	Ἰβήρων
22	13 —	въ папертѣ	въ паперти
—	3 сн.	св. Типикъ	свой Типикъ
24	15 св.	σόνον	σόνον
25	15 —	можетъ	можемъ
—	22 —	Ἄθωνος	Ἄθωνος
29	3 сн.	ἐλάχιστος	ἐλάχιστος
—	2 —	τοῖς ἐν τευξαμένοις	τοῖς ἐντευξαμένοις
34	6 —	написанныхъ	написанны
42	11 св.	De officiis	De officiis
61	6 —	ἡσυχῇ	ἡσυχῇ
—	8 —	воскреня	воскресни
63	11 сн.	pag.	pag. 908
65	11 св.	εὕρισκομένων	εὕρισκομένων
67	2 сн.	συνδρομητῶν	συνδρομητῶν
76	14 —	καὶ ἀλιπὸς	καὶ ἀξίωσις
119	13 —	βασιλεύοντων	βασιλεύοντων
120	10 св.	Τριάς	Τριάς

Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

У того же автора можно получать слѣдующія его книги:

I. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. ч. 1. Службы круга седмичнаго и годичнаго и чинопослѣдованія таинствъ съ *приложеніями*. Цѣна 4 руб. съ перес.

II. Путешествіе по востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887—88 году съ *приложеніями*. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ перес.

III. Поминки преосв. Порфирія Успенскаго и проф. Московской духовной Академіи И. Д. Маясветова. Краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности ихъ, читанный въ засѣданіи Церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи 13 января 1886 г. Цѣна 75 к. съ перес.
